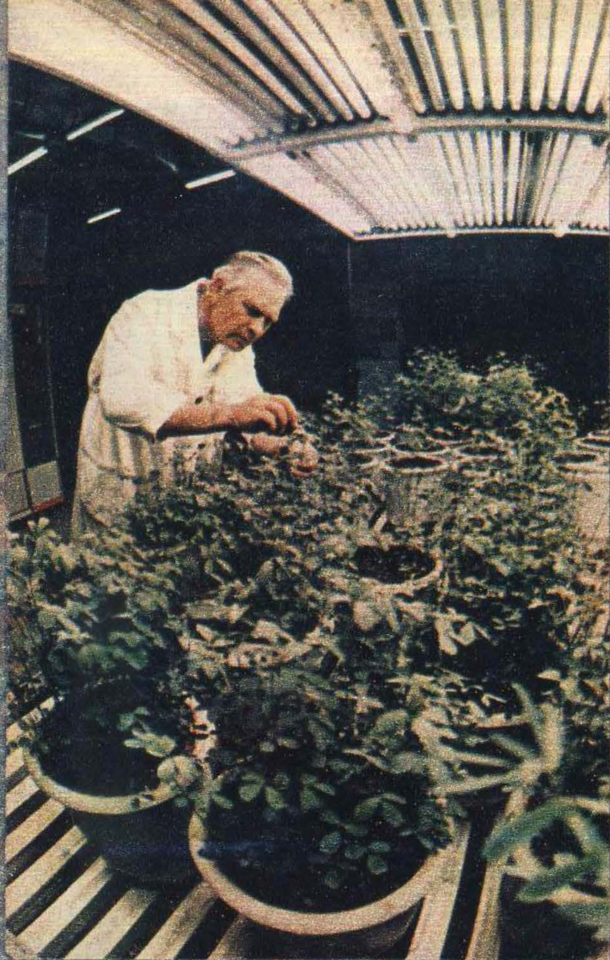
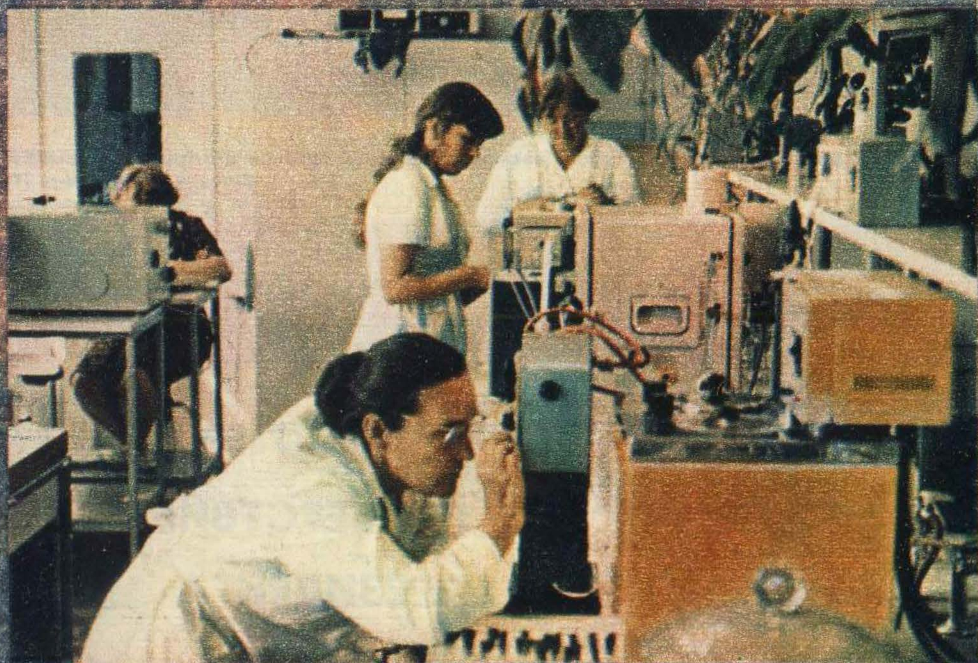
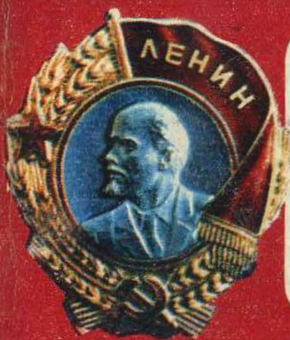

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 27 ИЮЛЬ 1982

На снимке (справа налево): летчик-космонавт СССР Владимир Джанибеков, французский космонавт Жан-Лу Кретьен и летчик-космонавт СССР Александр Иванченков во время тренировок.
Фото А. Пушкарева (ТАСС)

НА ОРБИТЕ М

СЕРДЕЧНОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Международному экипажу орбитального научно-исследовательского комплекса «Салют-7»—«Союз Т-5»—«Союз Т-6»

космонавтам БЕРЕЗОВОМУ, ЛЕБЕДЕВУ, ДЖАНИБЕКОВУ, ИВАНЧЕНКОВУ и КРЕТЬЕНУ

Сердечно поздравляю вас с успешным началом совместной работы советских и французского космонавтов на орбитальном научно-исследовательском комплексе «Салют-7»—«Союз Т-5»—«Союз Т-6».

Советские люди проявляют большой интерес к этому полету. Он имеет важное научно-техническое значение, символизирует традиционную дружбу между советским и французским народами, является ярким примером плодотворного сотрудничества в мирном освоении космического пространства.

Выражаю уверенность в том, что вы с честью оправдаете оказанное вам доверие. Желаю успешного выполнения программы полета и благополучного возвращения на Землю.

Л. БРЕЖНЕВ

ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ

Президент Франции Франсуа Миттеран передал приветствие космонавту-исследователю Жан-Лу Кретьену. В нем говорится: С переходом на орбитальную станцию «Салют» начинается активный этап Вашей деятельности. Впервые в истории космонавтики французский космонавт имеет возможность благодаря сотрудничеству с СССР приступить к научным экспериментам большой важности.

Хочу по этому случаю передать Вам, а также членам экипажа слова одобрения и наилучшие пожелания успеха.

Международный экипаж на борту орбитального комплекса. Снимок получен по телекосмической связи.

ОСКВА—ПАРИЖ

Римма КОРНАУШЕНКО

«C'est si bon!», «Хорошо идет!», «Nous sommes en vol!»,«Летим!..»— французские и русские слова смешались в эфире над Байконуром вечером 24 июня. Этот день войдет в историю космической летописи как начало полета советско-французского экипажа. Владимир Джанибеков, Александр Иванченков и Жан-Лу Кретьен 8 дней проведут в космосе, семь суток — на научной орбитальной станции «Салют-7».

На каждые сутки работы на орбите пришлось почти сто рабочих дней подготовки. Два с лишним года назад во Франции шел отбор в кандидаты на этот полет. Тогда КНЕС («Национальный центр космических исследований») обратился в ведущие высшие учебные заведения, исследовательские институты, различные части Армии Франции с циркуляром, в котором предлагал в этих организациях подобрать соответствующие кандидатуры. Указывалось, что это могут быть люди обоего пола в возрасте от 25 до 45 лет, прекрасного здоровья и стопроцентного зрения. Рост не должен превышать 183 сантиметров, а вес — 82 килограммов. Оказалось, что таких и мужчин и женщин, желающих лететь в космос, много. Начался длинный этап различных проверок здоровья и многочисленных психологических тестов, в том числе был тест на быстрое овладение другим языком. В результате этого труднейшего марафона осталось двое. 6 сентября 1980 года Жан-Лу Кретьен и Патрик Бодри поселились в Звездном.

Потом Жан сказал, что этот космический город он представлял не таким. Поразили тишина и идилличность. По утрам сквозь осенний туман и леса к ним на этаж долетали крики петухов из окрестных сел. Лес был прекрасен: желтый и шуршащий. Грибами пропах весь Звездный. С большими корзинами, чуть смущаясь, навстречу им шли люди — словно ожившие знакомые фотографии. Звали в каждый дом «на жареху». Такое радушие было приятно и удивляло. Но и Жан и Патрик тогда в русском языке были не сильны, хотя уже при отборе во Франции по нескольку часов в день занимались его изучением.

Вечерами чаще оставались вдвоем, Жан играл на электрооргане, хорошо, что он привез его с собой, хоть и удивил, конечно, этим всех и здесь и дома. Писали длинные письма. Жан в Париж сыновьям, у него их четверо: старший Жан уже студент, двое школьников Оливье и Эмануэль и младший, о котором больше всего тосковал,— Франсуа. А у Патрика тогда семья, Клод и маленькая Мелоди, жила в Бордо. Для них, благо тогда позволяло время, решили снять фильм. Работали с камерой только с верхних точек, с крыш. И на пленке потом в ритме медленного анданте ожил, закружился Звездный. Нежное золотисто-зеленое марево лесов, памятник Юрию Гагарину, дома, аллеи...

Словом, космос для них начинался буднично, не с грохота ракет, не с вращения на центрифуге. Ах, эта центрифуга! Месяц назад Патрик Бодри и Жан-Лу Кретьен в числе шести претендентов приезжали на проверку именно на этой центрифуге. А Жан был тогда на костылях — травма еще со времени парашютных прыжков при отборе — и очень беспокоился.

Окончание см. на стр. 27—28.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 27 (2868)

3 ИЮЛЯ 1982

Проводы на аэродроме. Фото А. Гостева

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

22 июня в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание совместных советско-болгарских документов.

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов и член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ Г. Филипов подписали соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Народной Республики Болгарии об организации производственного сотрудничества между соответствующими предприятиями машиностроения СССР и НРБ.

Было подписано также соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Народной Республики Болгарии о сотрудничестве в проведении поисковых работ на нефть и газ на континентальном шельфе НРБ. Его подписали: за правительство СССР — председатель ГКЭС С. А. Скачков; за правительство НРБ — министр внешней торговли Х. Христов.

При подписании документов присутствовали заместители Председателя Совета Министров СССР, руководители ряда министерств и ведомств СССР и сопровождающие Г. Филипова болгарские официальные лица.

23 июня член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии Г. Филипов, находившийся в Советском Союзе по приглашению Советского правительства с официальным дружественным визитом, отбыл из Москвы на родину.

На Внуковском аэродроме Г. Филипова у трапа самолета тепло провожали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

Во время беседы. Фото А. Сенцова (ТАСС)

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

26 июня в Кремле состоялась беседа члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с королем Иордании Хусейном Бен Талалом, находившимся в Советском Союзе с неофициальным визитом для кратковременного отдыха и знакомства со страной.

В ходе беседы был проведен обмен мнениями по актуальным проблемам международной и ближневосточной обстановки, а также по вопросам советско-иорданских отношений.

Особое внимание участники встречи уделили положению на Ближнем Востоке. Они решительно осудили агрессию Израиля в Ливане, оккупацию ливанских земель, разбой и зверства, чинимые агрессором в отношении ливанского и палестинского народов, израильскую агрессию против Сирии.

Советский Союз и Иордания потребовали немедленного прекращения агрессии Израиля в Ливане и вывода израильских войск с его территории на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности.

Король Хусейн высказал признательность Советскому Союзу за помощь и поддержку справедливой борьбы арабских народов против захватнической политики Израиля, за их свободу и независимость.

С обеих сторон было выражено удовлетворение состоянием двусторонних отношений между Советским Союзом и Иорданией и высказано стремление к их дальнейшему развитию.

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ СИЛА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Развитие национальных отношений в условиях зрелого социализма, опыт и проблемы патриотического и интернационального воспитания — тема Всесоюзной научно-практической конференции, начавшей свою работу 28 июня в столице Советской Латвии — Риге.

Конференцию открыл заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников.

С воодушевлением участники конференции встретили приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева. Его огласил первый секретарь ЦК Компартии Латвии А. Э. Восс.

С докладом «Ленинская национальная политика КПСС на этапе развитого социализма и ее международное значение» выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

На снимке: во время открытия конференции.
Телефото И. Пределиса, Б. Колесникова и Е. Фадеева (ТАСС)

ОБУЗДАТЬ ЗАРВАВШЕГОСЯ АГРЕССОРА!

На митинге в швейном объединении «Москва».

Фото Г. Копосова

МОСКВА

Производственное швейное объединение «Москва». Митинг солидарности с Ливаном. Залитый ярким светом высокий, просторный зал цеха № 3.

Цех уже полон, но лифт подвозит все новых участниц митинга. Мелькают яркие спецовки. Стараюсь пробраться поближе к микрофону, к транспарантам со словами гневного протеста против оккупантов, чтобы получше запомнить лица, слова. Знаю, кроме молодежи, есть тут и пожилые женщины, прошедшие Великую Отечественную войну с первого до последнего дня. Они-то лучше всех понимают горе и беды Ливана. Они всё пережили: и бомбежки, и артобстрелы, пулеметные очереди и автоматный огонь. Ливан для них звучит как призыв к боевой памяти. Молодые швеи всего этого не знали и сейчас видят у себя дома, на экранах своих телевизоров, таких же, как они, молодых женщин с маленькими детьми на руках, мечущихся по пылающим от пожаров улицам Бейрута, кидающихся в первые попавшиеся погреба и подвалы.

Митинг открывает секретарь партбюро объединения «Москва» Валентина Федоровна Жабина. Она говорит о Ливане, о бесчинствах израильских захватчиков.

Первой берет слово молодая мотористка Валя Кречетова, делегат недавнего XIX съезда ВЛКСМ. Ее голос полон гнева и тревоги.

— Товарищи! На древней земле многострадального народа разыгралась кровавая трагедия. Вооруженные новейшим американским оружием, подбадриваемые Вашингтоном, израильские войска стремятся истребить палестинский народ, навязать свою волю Ливану. Мы, труженики производственного швейного объединения «Москва», полностью поддерживаем своевременное справедливое заявление Советского правительства, требующего немедленного прекращения разбойничьей агрессии Израиля.

Одна за другой подходят к микрофону работницы, инженеры, техники, В. И. Дьяченко, Л. С. Масарский, Т. Н. Чернякова... Единодушно и гневно требуют они немедленного прекращения израильской агрессии. Принимается резолюция. Трудовой коллектив одобряет мирную внешнюю и внутреннюю политику Коммунистической партии и Советского правительства, направленную на разрядку международной напряженности, на укрепление мира во всем мире, всецело поддерживает он Леонида Ильича Брежнева, обратившегося ко второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН от имени Советского Союза, от имени 269-миллионного советского народа с заявлением, что Союз Советских Социалистических Республик принимает на себя обязательство не применять первым ядерное оружие.

З. ХИРЕН

ЛЕНИНГРАД

Двенадцатью фронтовыми наградами отмечен боевой путь старшины саперных войск Владимира Иосифовича Шмакова. Начался он у стен Ленинграда и прошел по дорогам Карелии, Румынии, Венгрии, Югославии, Чехословакии. Зенитчица Нина Николаевна Базырина защищала родной город, несла боевую вахту на Ладоге, на «Дороге жизни». Вся семья ее погибла в блокаду, муж пал смертью храбрых на фронте. Оба они — и конструктор В. И. Шмаков и оператор радиоузла Н. Н. Базырина — ветераны объединения «Невский завод» имени В. И. Ленина, многие годы отдавшие мирному созидательному труду.

Память войны — священная память. И если где-то на земле агрессор вновь проливает кровь мирных жителей, если от варварства захватчиков страдают старики, женщины, дети, то особую значимость приобретает протест людей, на себе испытавших все тяжести военного лихолетья. Вот почему именно ветеранам было предоставлено право открыть митинг солидарности с народом Ливана, с арабским народом Палестины, отражающими израильскую агрессию. С болью и гневом говорили они о трагедии ливанцев и палестинцев, против которых израильские захватчики действуют с жестокостью и цинизмом, сродни кровавым преступлениям гитлеровцев.

В своих выступлениях бригадир слесарей-сборщиков К. П. Шумилов, наладчик В. И. Становой, комсорг сталелитейного цеха Г. В. Антонова подчеркивали, что прямую ответственность за наглые действия агрессоров несут Соединенные Штаты Америки, находящиеся в сговоре с Израилем, вместе с которым вот уже на протяжении нескольких лет они проводят в этом регионе политику шантажа и давления, стремясь расчленить и ослабить арабские народы, ценой чужой крови закрепить свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке. Невские машиностроители потребовали немедленного прекращения военных действий в Ливане, вывода всех израильских войск с захваченных территорий, предоставления палестинскому народу законного права на самоопределение.

Митинг проходил в крупнейшем цехе объединения, где рождается принципиально новый газоперекачивающий агрегат ГТН-25, имеющий особо важное значение для строительства газопровода, по которому советский газ пойдет в страны Западной Европы. Этот контракт, справедливо названный сделкой века, стал, что называется, поперек горла администрации Рейгана. Утверждается, в частности, что Советскому Союзу не по силам выполнить взятые на себя обязательства из-за отсутствия необходимой техники. Ленинградцы делом доказали несостоятельность подобных заявлений, своим ударным трудом они еще раз подтвердили стремление СССР жить в мире и взаимовыгодно сотрудничать со своими зарубежными соседями.

О. ПЕТРИЧЕНКО, собкор. «Огонька»

ТБИЛИСИ

С конца прошлой недели проходят в Тбилиси и по всей Грузии митинги трудящихся, возмущенных наглой агрессией Израиля в Ливане. На этих митингах вспоминаются произнесенные Леонидом Ильичом Брежневым во время его пребывания в Тбилиси слова о том, что район Ближнего Востока «для Грузии да и всей нашей страны действительно является ближним». Судьбы этого района не могут оставить равнодушными ни одного советского человека, ни один советский трудовой коллектив.

Возьмем, к примеру, коллектив Тбилисского авиационного завода имени Георгия Димитрова. В его биографии есть горькая страница, связанная с агрессией фашистской Германии в 1941 году, с эвакуацией людей и оборудования в южные тылы страны. Давно это было. Многотысячный коллектив димитровцев вновь окреп на тбилисской земле, пополнился кадрами грузинского рабочего класса, стал передовым предприятием столицы республики.

Молодым пареньком из глухой горной деревушки пришел в послевоенные годы на завод Трифон Ростиашвили, ныне бригадир токарей, наставник молодежи, член бюро ЦК Компартии Грузии, депутат Верховного Совета СССР. Выступая на митинге, он сказал:

— Каждый из нас испытывает чувство большой горечи и боли за многострадальную, истекающую кровью ливанскую землю, за палестинцев. Мы поднимаем свой гневный голос в защиту Ливана, мы возмущены захватническими притязаниями Тель-Авива и его заокеанских покровителей. Надо обуздать зарвавшегося агрессора, потушить военный пожар в Ливане. Каждому ясно, что события, происходящие в этой стране, могут охватить весь Ближний Восток, и неизвестно, как далеко полетят искры пожара.

Выступившая на митинге инженер Н. Белостоцкая напомнила собравшимся о новых мирных инициативах Советского правительства, изложенных в послании Л. И. Брежнева второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, об историческом обязательстве СССР не применять первым ядерное оружие.

— А в это время,— сказала она,— израильские сионисты при полном содействии США расширяют плацдарм насилия и убийств на Ближнем Востоке. От имени всех матерей требую немедленно пресечь агрессию, вывести израильские войска с территории Ливана.

Секретарь парткома завода В. Ломадзе указал на очевидность того, что за новой агрессией против Ливана стоят империалистические круги США, использующие в своих интересах Израиль.

Кровавой авантюрой назвал вторжение израильской солдатни в суверенный Ливан рабочий Г. Иорданишвили, участник войны, председатель заводского совета ветеранов войны.

Димитровцы приняли на митинге резолюцию в поддержку Заявления Советского правительства, где сказано, что «Ближний Восток — это район, расположенный в непосредственной близости от южных границ Советского Союза, и события в котором не могут не затрагивать интересов СССР».

Коллектив завода выразил свою солидарность с палестинцами, ливанцами, со всем арабским национально-освободительным движением. В принятой резолюции подчеркивается ответственность за совершаемые преступления не только Тель-Авива, но и Вашингтона, оказывающего сионистам и политическое прикрытие и помощь смертоносным оружием.

Ия МЕСХИ, собкор «Огонька»

ОСТАНОВИТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ!

На земле Ливана разыгрывается кровавая трагедия. Захватив почти треть территории суверенной страны, израильские агрессоры осуществляют откровенный геноцид в отношении ливанского и палестинского народов. Десятки тысяч людей уже стали его жертвами. Оккупанты не щадят никого — ни стариков, ни женщин, ни детей. Ливанцев и палестинцев пытаются лишить основного права любого человека — права на жизнь. Древние города Тир, Сайда, Набатия превращены в руины. Израильская военщина с варварской безжалостностью стирает с лица земли бесценные памятники мировой культуры — всеобщее достояние. Агрессор ведет себя на земле Ливана с такой жестокостью и цинизмом, которые приводят на память самые тягчайшие преступления перед человечеством.

Невозможно примириться с тем, что уже произошло, но трагедия в Ливане продолжается. Войска агрессора готовятся к штурму столицы страны — Бейрута, густонаселенного города, в котором к тому же в эти дни скопились сотни тысяч беженцев. Трудно и страшно даже представить себе, скольких ни в чем не повинных людей намерены обречь на смерть захватчики.

Правители Израиля взяли на себя тяжелейшую ответственность. Но кровь ливанцев и палестинцев — и на руках американских покровителей Израиля, на тех, кто оснащает его оружием, потворствует его авантюристической политике.

Мы обращаемся к деятелям науки и культуры всего мира, ко всем людям доброй воли, приверженным идеалам гуманизма, мира и свободы, с призывом поднять свой голос в защиту жертв израильской агрессии в Ливане, решительно потребовать немедленного прекращения интервенции и безоговорочного ухода оккупантов из Ливана.

Мы призываем Организацию Объединенных Наций, государственных и политических деятелей всех стран мира сделать все от них зависящее, чтобы не дать свершиться новым преступлениям, остановить кровопролитие в Ливане.

АЛЕКСАНДРОВ А. П.— академик, президент Академии наук СССР;
АЙТМАТОВ Ч.— писатель;
АНАНЬЕВ А. А.— писатель;
АРХИПОВА И. К.— народная артистка СССР;
БАКЛАНОВ Г. Я.— писатель;
БАЕВ А. А.— академик;
БАСОВ Н. Г.— академик;
БОНДАРЕВ Ю. В.— писатель;
БОНДАРЧУК С. Ф.— кинорежиссер, народный артист СССР;
ГАМЗАТОВ Р. Г.— поэт;
ГЕРАСИМОВ С. А.— кинорежиссер, народный артист СССР;
ГОФМАН Г. Б.— писатель;
ЕВТУШЕНКО Е. А.— поэт;
ЕФИМОВ Б. Е.— народный художник СССР;
ЕФРЕМОВ О. Н.— народный артист СССР;
ЖАВОРОНКОВ Н. М.— академик;
ЖУКОВ Г. А.— писатель, председатель Советского комитета защиты мира;
КАРПОВ А. Е.— председатель правления Советского фонда мира, чемпион мира по шахматам;
КАРПОВ В. В.— писатель;
КЕРБЕЛЬ Л. Е.— народный художник СССР;
КОНСТАНТИНОВ Ф. В.— академик, председатель правления Ассоциации содействия ООН в СССР;
КОТЕЛЬНИКОВ В. А.— академик, вице-президент Академии наук СССР;
КОГАН Л. Б.— народный артист СССР;
КУЛИДЖАНОВ Л. А.— первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР;
ЛЕОНОВ Л. М.— писатель;
МАРКОВ Г. М.— первый секретарь правления Союза писателей СССР;
МАРКОВ М. А.— академик, председатель Советского Пагуошского комитета ученых;
МАТВЕЕВ Е. С.— кинорежиссер, народный артист СССР;
МЕЖЕЛАЙТИС Э. Б.— писатель;
МИХАЛКОВ С. В.— писатель;
ПЕТРОВ А. П.— композитор, народный артист СССР;
ПИОТРОВСКИЙ Б. Б.— академик;
ОЗЕРОВ Ю. Н.— кинорежиссер, народный артист СССР;
ПАХМУТОВА А. Н.— композитор, народная артистка РСФСР;
ПРОХОРОВ А. М.— академик;
ПОНОМАРЕВ Н. А. — председатель правления Союза художников СССР;
РАЙЗМАН Ю. Я.— кинорежиссер, народный артист СССР;
РАЙКИН А. И.— народный артист СССР;
РОСТОЦКИЙ С. И.— кинорежиссер, народный артист СССР;
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Р. И.— поэт;
САЛАХОВ Т. Т.— народный художник СССР;
СУРКОВ А. А.— поэт;
СЕМЕНОВ Н. Н.— академик;
ФЕДОСЕЕВ П. Н.— академик, вице-президент Академии наук СССР;
УЛЬЯНОВ М. А.— народный артист СССР;
ХРЕННИКОВ Т. Н.— первый секретарь правления Союза композиторов СССР;
ЦАРЕВ М. И.— народный артист СССР, председатель правления Всероссийского театрального общества;
ЧАКОВСКИЙ А. Б.— писатель;
ШОЛОХОВ М. А.— писатель;
ЩЕДРИН Р. К.— композитор, народный артист СССР.

Спасательные работы в Бейруте после налета израильской авиации.
Телефото ЮПИ — ТАСС

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБВИНЕНИЯ

Е. КОРШУНОВ

В субботу, 26 июня, информационная программа ливанского телевидения началась необычно. Те, кто смотрел ее, не увидели на экранах симпатичных девушек — дикторов, не услышали их привычно бодрых голосов. Вслед за заставкой с надписью «телевизионная газета» в полном молчании пошли страшные кадры... Бомбоубежище — и в нем изуродованные трупы детей, женщин, стариков. Тела, обожженные пламенем фосфорных бомб. Пылающие здания. Многоэтажные дома, превращенные в хаотические руины. И опять тела погибших. Тела, тела, тела... Сотни тел. Их прикрывают одеялами, кладут на носилки, грузят в автомашины.

Госпиталь. Трупы на госпитальных койках. Опять мертвые дети, женщины, старики. Придавленные обломками рухнувшей крыши, истерзанные осколками. А затем вид снаружи — огромный белый флаг с красным крестом, развевающийся над полуразрушенным зданием, прекрасно видим с неба, с земли и с моря. И кратеры от бомб и ракет в плоской бетонной крыше госпиталя. Красный крест не спас госпиталь от уничтожения сионистскими преступниками.

Подобные кадры демонстрировались в дни Нюрнбергского процесса, как свидетельства кровавых и бесчеловечных преступлений главарей фашистской Германии. Они могли быть сняты в Киеве или Варшаве, в Ковентри или Минске, в сотнях других городов и населенных пунктов, безжалостно уничтоженных германскими нацистами.

Эти кадры были сняты в Бейруте 25 июня 1982 года, в день, который навсегда войдет в историю человечества как день одного из страшнейших преступлений сионизма на нашей планете. В тот день израильские агрессоры подвергли густонаселенные кварталы ливанской столицы неслыханным по жестокости бомбардировкам и обстрелам, хладнокровно убив более двух тысяч ни в чем не повинных мирных жителей, ранив, искалечив и оставив без крова многие тысячи других.

Это был второй день тотального уничтожения, на которое правители Тель-Авива обрекли население западного Бейрута. Второй день подряд не смолкала артиллерийская канонада. Второй день подряд израильские «фантомы», «скайхоки» и «кфиры» делали заход за заходом на западные районы ливанской столицы. Стена огня и густого дыма уперлась в небо и протянулась километров на десять от побережья до гор, окружающих город. В черном дыму билось багровое пламя, в котором горели человеческие тела. Такой же дым шел из труб Освенцима и Майданека, где нацисты сжигали в печах тысячи русских, поляков, евреев. Теперь сионистские палачи сжигали в гигантском десятикилометровом огненном жерле тысячи ливанцев и палестинцев. Диктор ливанского телевидения, когда наступило для нее время появиться на экране, плакала. Голос ее дрожал, ее душили слезы, она не могла произнести ни слова. Потом ей удалось наконец выговорить:

— Смотрите... Это ужасно... Это ужасно!

Диктор же израильского радио заявлял:

— Теперь мы можем спать спокойно! Вы не представляете себе, как это неудобно — спать в бомбоубежище.

Представляем! Весь западный Бейрут вот уже почти месяц пытается укрыться в бомбоубежищах. Но теперь и в них уже нет спасения. Израильские палачи стали применять особой силы бомбы и снаряды, предназначенные для уничтожения именно бомбоубежищ. Катера использовали тяжелые ракеты огромной разруши-

тельной силы, американские гаубицы калибра 155 и 175 миллиметров, установленные на склонах гор над Бейрутом, безжалостно расстреливали ливанскую столицу.

Зато в Израиле теперь «можно спать спокойно». Более десяти тысяч убитых ливанцев и палестинцев — мирных жителей, более двадцати тысяч раненых и искалеченных, более шестисот тысяч оставшихся без крова — такова кровавая цена агрессии под циничным названием «Мир для Галилеи», которая, по замыслам Тель-Авива, должна была «принести» «спокойный сон» израильтянам.

Принесла? Неужели же кто-нибудь, кроме профессиональных убийц, садистов и маньяков, может сегодня «спокойно спать» после кровавой бойни, учиненной сионистскими террористами в Ливане? Хотелось бы, ох, как хотелось бы, чтобы на экранах израильского телевидения прошли сегодня кадры, которые ливанское телевидение показало 26 июня.

Но в Израиле сегодня свирепствует военная цензура. Тель-Авив тщательно скрывает подлинный размах своих преступлений, делает все, чтобы о них как можно меньше писала и международная пресса. По израильским данным, в Ливане нашли бесславный конец триста агрессоров и полторы тысячи было ранено. Считается, что эти цифры приуменьшены в пять—семь раз. Но даже на собственных убитых гражданах сионистские правители хотят «делать свою игру». Каким чудовищным цинизмом надо обладать, например, чтобы выпустить на телеэкран несмышленую малолетнюю девчушку и заставить ее произнести, обращаясь к израильтянам, кощунственные слова:

— Мой папа убит в Ливане. Я немного поплакала, а теперь перестала плакать и весело играю.

Это было сделано для того, чтобы «поднять» моральный дух граждан сионистского государства. А этот моральный дух все меньше и меньше удовлетворяет правителей Тель-Авива. Израиль начал самую долгую и самую ожесточенную войну в своей истории, войну, заранее обреченную на проигрыш. Каждый день этой войны обходится Израилю в сто миллионов долларов. Три недели — это уже два миллиарда сто миллионов долларов, а весь годовой бюджет сионистского государства — 14 миллиардов долларов. В Израиле введены новые налоги, повышены цены. На улицах городов, как отмечают западные журналисты, стало гораздо меньше людей — мобилизация!

Если в первые дни агрессии гражданские лица могли довольно легко переходить ливанскую границу и отправляться в южный Ливан на «экскурсию», теперь это запрещается. Картина уничтоженных сионистскими вандалами древнейших городов Тир и Сайда потрясла даже цинично настроенных шовинистов — «экскурсантов».

То, что они рассказали, вернувшись в Израиль, заставило содрогнуться многих израильтян. И далеко не случайно, что более десяти тысяч израильтян приняли участие в демонстрации протеста против кровавых злодеяний клики Бегина в Ливане. Парламентская оппозиция, поначалу активно поддерживавшая агрессию, теперь старается хоть в какой-то степени отмежеваться от нее. Раздаются требования, чтобы Бегин и министр обороны Израиля Шарон ушли в отставку. Уничтожение вместе с мирными жителями целых районов ливанской столицы сравнивается с уничтожением гитлеровцами в годы второй мировой войны еврейского гетто в Варшаве. И при этом надо учитывать, что сионистская пропаганда прилагает бешеные усилия, чтобы скрыть от израильтян подлинный размах геноцида, осуществляемого Тель-Авивом в Ливане, террора, который обрушили сегодня агрессоры на жителей оккупированной ими ливанской территории.

Даже западные журналисты, которые в первые дни агрессии могли довольно свободно передвигаться по южному Ливану, сегодня ни шагу не могут ступить там без «гида», приставленного к ним израильскими карательными органами. Из южного Ливана сообщается о массовых облавах, арестах и допросах под пытками «подозреваемых» лиц. Аресты производятся по «черным спискам», составленным на ливанцев и палестинцев в Израиле заранее и доставленным в Ливан в обозах агрессора. Многие из арестованных затем «пропадают без вести», и напрасно международный Красный Крест пытается найти хоть какие-нибудь их следы. Так же действовало на оккупированных территориях гитлеровское гестапо.

О политической же ситуации в Ливане писать сейчас очень трудно. Она меняется по нескольку раз на день. Идут интенсивные переговоры, консультации и встречи между ливанскими государственными и политическими деятелями, лидерами Национально-патриотических сил и Палестинского движения сопротивления, командованием сирийских подразделений. Чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН потребовала от Тель-Авива немедленного прекращения агрессии и вывода его войск из Ливана. Против этого требования голосовали лишь Израиль и стоящие за ним США. Но каким бы ни был исход борьбы против израильской агрессии, одно ясно уже сегодня: Израиль и США, спланировавшие эту агрессию, давшие на нее Тель-Авиву зеленый свет, потерпели политическое и моральное поражение, оказались перед лицом мирового общественного мнения в роли международных террористов, кровавых палачей палестинского и ливанского народов.

В то же время им не удалось достичь главной цели, которую они ставили перед собой, — уничтожить Организацию освобождения Палестины — единственного законного представителя палестинского народа, не удалось разгромить ее вооруженные силы. Вот почему Тель-Авив обрек на уничтожение целые кварталы ливанской столицы — это было сделано в бессильной злобе.

Но наступит день — и военным преступникам клики Бегина придется дать ответ за все их кровавые злодеяния. И тогда кадры, показанные ливанским телевидением 26 июня 1982 года, будут кадрами, которые представят обвинители на международном суде, перед которым рано или поздно предстанут Бегин и его сподручные и которого сегодня требуют все миролюбивые народы, все люди доброй воли, независимо от политических и других убеждений.

Бейрут, по телексу.

БУМЕРАНГ «САНКЦИЙ»

Юрий КОРНИЛОВ

Итак, снова «политика санкций»: в Вашингтоне объявлено о решении президента Р. Рейгана продлить и существенно расширить введенный в конце прошлого года запрет на поставки в Советский Союз оборудования для добычи нефти и газа. Если раньше под запрет попадала продукция только американских фирм, то теперь он распространяется и на продукцию зарубежных филиалов корпораций США, а также иностранных компаний, выпускающих такое оборудование по американским лицензиям. Печать констатирует, что цель этих мер — любой ценой сорвать или хотя бы максимально затруднить реализацию крупнейшего совместного начинания Востока и Запада, по праву именуемого западной прессой «сделкой века»,— строительство трансконтинентального газопровода протяженностью в 5000 километров, который позволит ежегодно перекачивать в ФРГ, Францию, Италию, Австрию, а в перспективе и в другие страны около 40 миллиардов кубометров газа и поможет в значительной мере решить энергетические проблемы Европы.

Подобные акции не изолированное явление. Они составная часть агрессивного, гегемонистского внешнеполитического курса США, стержень которого в том, чтобы любой ценой, любыми средствами обеспечить доминирование Соединенных Штатов над суверенными странами, торпедировать разрядку, еще более обострить напряженность в мире. Определенные круги США хотели бы подорвать наше народное хозяйство, дезорганизовать экономическую жизнь и в итоге расшатать единство стран социализма, добиться политических уступок.

Подобные походы против социализма затеваются не впервые. Но если попытки империалистических сил пускать в ход оружие блокад и бойкотов потерпели крах уже в первые годы существования Советского государства, то тем более обречены они на провал сегодня, когда Советский Союз стал мощной индустриальной державой, а социализм — уже не остров во враждебном океане, а огромный и могучий материк. «Советский Союз — страна большая, с мощной экономикой и богатыми ресурсами,— отмечал товарищ Л. И. Брежнев, выступая на XVII съезде профсоюзов СССР и касаясь американской политики «блокад» и «санкций».— А социалистическое содружество в целом — и того больше. Так что мы уж как-нибудь пережили бы, пусть в этом ни у кого не будет сомнений. А вот среди тех стран, которые Вашингтон именует своими союзниками, многие гораздо больше зависят от внешней торговли во всем своем развитии. Так что неизвестно, по чьим интересам больше бьет политика ковбойских наскоков на международную торговлю и нормальные экономические связи».

Да, линия Вашингтона на разрыв взаимовыгодного экономического сотрудничества между странами двух общественных систем, не будучи в состоянии нанести ущерб экономической мощи СССР, может лишь усилить противоречия самой капиталистической экономики, поскольку она идет вразрез с объективными тенденциями развития мирового хозяйства. Что же касается тех дискриминационных акций администрации Р. Рейгана, о которых шла речь выше, то они, эти акции, явно нацелены не только на то, чтобы попытаться «расстроить» экономику социализма, но и на то, чтобы усилить экономическую зависимость от США западных государств, ослабить главных конкурентов Соединенных Штатов — Францию, ФРГ. Надо ли удивляться, что линия Вашингтона вызвала настоящую бурю протестов на Западе? «Чего не должно быть и в чем даже после совещания в Версале мы не станем принимать участия, так это в торговой войне с Советским Союзом, которая открыла бы новую эру холодной войны»,— заявил канцлер ФРГ Г. Шмидт.

Характерно, что и в самих Соединенных Штатах линия официального Вашингтона на усиление «санкций» в отношении стран социализма встречает все более решительное противодействие. «Мы целим в Советский Союз, а наносим удар по американским рабочим»,— заявил лидер республиканского меньшинства в палате представителей конгресса США Р. Майкл. Так оно и есть, и удары, наносимые по интересам американских тружеников официальным Вашингтоном, тем более болезненны, что они, эти удары, наносятся в период, когда армия безработных в США превысила 10 миллионов человек, а экономика страны, по свидетельству мэра Детройта К. Янга, «оказалась в болоте второй после тридцатых годов величайшей депрессии нашего века».

Советский Союз всегда видел и видит в равноправной и свободной международной торговле не только хорошее средство удовлетворения материальных интересов участвующих сторон, но и прежде всего могучий фактор укрепления мира и добрых отношений между народами. Верная ленинской политике мира, наша страна готова и впредь расширять равноправные связи с Западом. Вместе с тем СССР, как и другие страны социализма — и это вновь подчеркнуто в коммюнике состоявшегося в начале июня в Будапеште XXXVI заседания сессии СЭВ,— решительно отвергает империалистическую «политику санкций», направленную на обострение международной напряженности и противоречащую интересам всех народов мира.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

**Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент
«Огонька»**

Марш мира в Нью-Йорке. **Фото автора**

Сотрудник пресс-центра Организации Объединенных Наций, отвечающий за работу с иностранными корреспондентами, прибывшими в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, предупреждал их, что в день открытия и в другие дни ее работы они должны приходить заблаговременно, чтобы успеть занять места, отведенные для прессы. Предупреждение было не лишним: со всего света съехалось столько корреспондентов, что они одни могли бы, пожалуй, заполнить вместительный зал заседаний. За час до открытия сессии я не увидел свободных мест в секторе прессы. Этот факт уже говорит об особо важном значении международного форума, продолжающего свою работу в Нью-Йорке. Сессия, несомненно, является одним из самых значительных событий в истории ООН. Настало время для действенных решений в защиту мира, потому что угроза ядерной катастрофы явно возросла.

И не случайно эта сессия привлекла такое пристальное внимание во всем мире, с днями ее работы не случайно совпали массовые манифестации против ядерной угрозы. В этом всенародном движении, принявшем небывалый размах, участвуют представители самых разных политических, религиозных и общественных организаций, сотни миллионов людей, объединенных одной идеей — спасти мир от угрозы ядерной войны. Недаром газета деловых людей США «Уолл-стрит джорнэл» констатирует, что оппозиция ядерному оружию в стране переросла рамки пацифистских организаций и «достигла глубин общества». Недаром уже 72 процента американцев голосуют за замораживание ядерных арсеналов двух великих держав в качестве первого шага к сокращению вооружений.

Выступая на открытии сессии, Генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр сказал: «В мире расходуется один миллион долларов в минуту на гонку вооружений, в то время как 40 тысяч детей в развивающихся странах умирают не в год и не в месяц, а каждый день». Так дальше продолжаться не должно! Земля не арсенал для ядерного оружия, а зелено-голубая планета для жизни и созидания.

Ярким примером стремления самых широких масс к миру, их воли к борьбе против ядерной угрозы стала манифестация в Нью-Йорке, совпавшая с работой сессии по разоружению. С раннего утра в субботу, 12 июня, сотни тысяч ньюйоркцев направились к сборным пунктам, расположенным на улицах между 1-й и 5-й авеню. На один пункт спешили учителя, на другой — артисты, на третий — работники городского транспорта и т. д. Я побывал с утра в нескольких таких местах сбора, видел, как вначале ручейками, потом, попозже, людскими потоками стекались демонстранты к сборным пунктам. Но больше всего собралось народа у здания ООН. Здесь состоялся митинг, после окончания которого и началось шествие по 1-й и 5-й (центральной городской магистрали) авеню. Из пересекающих эти авеню улиц в обе мощные колонны вливались демонстранты со сборных пунктов. Причем в рядах шли не только жители Нью-Йорка, но и представители всех штатов страны. В «Комитет 12 июня», организовавший эту манифестацию, вошли представители 130 организаций — политических, профсоюзных, женских, религиозных и других. В этом Марше мира приняли участие также посланцы многих стран, в том числе большая делегация из Японии, в которой были люди, пережившие атомную трагедию Хиросимы.

Колонны Марша мира, двигавшиеся по 1-й и по 5-й авеню, направлялись к центральному городскому парку. Полпути я прошел с демонстрантами по 1-й авеню, полпути — по 5-й, и по обоим маршрутам тысячи людей, стоявших на тротуарах, горячо приветствовали идущие колонны. Над ними плакаты и транспаранты, на которых написано: «Лучше быть активными сегодня, чем радиоактивными завтра», «Президент Рейган! Дайте нашим детям дожить до вашего возраста», «Устранить угрозу ядерной войны!», «Долой бомбу!»... Колонны маршировавших были изобретательно оформлены. Одни несли огромное и ужасное чучело бога войны Марса, раскрывавшего на ходу свою хищную пасть, другие, в белых саванах, изображали жертвы атомной бомбардировки, третьи шли на высоченных ходулях, чтобы повыше поднять антивоенные призывы. Открывали шествие дети. Их было очень много и в рядах демонстрантов.

Постепенно колонны вливались в Центральный парк, где на огромном зеленом поле состоялся митинг, продолжавшийся до вечера. И до поздней ночи не расходились из парка участники манифестации, которых было в этот день более одного миллиона человек. История Соединенных Штатов, как утверждают сами американцы, не знала до сих пор демонстраций такого размаха.

На другой день газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Проявление воли к миру миллиона человек во время вчерашней манифестации говорит о том, что сейчас движение сторонников ядерного разоружения приняло новые формы и сделало качественный скачок. Оно проявило свою силу, и с ним уже нельзя не считаться». И та же газета сообщила: «Представитель Белого дома сказал, что у администрации нет никаких комментариев по поводу демонстрации в Нью-Йорке... И неизвестно, видел ли президент Рейган эту демонстрацию по телевизору». Это заявление отражает как растерянность, так и подлинное отношение официального Вашингтона к антивоенным выступлениям. Не случайно американские власти отказали в визах на въезд в США более чем 300 представителям международного движения борцов за мир, решившим принять участие в работе пленарных заседаний сессии по разоружению. Этот факт говорит о том, что в своей ненависти к антимилитаристскому движению Белый дом переходит все границы. Ведь дело в том, что те, кому было отказано в визах, намеревались приехать в США не в гости, а на сессию международной организации, находящейся на территории Соединенных Штатов. Тем самым американские власти нарушают существующий договор об отношениях между США и ООН.

Марш мира в Нью-Йорке — это только один пример того, насколько озабочены сегодня люди проблемами войны и мира. Как известно, недавно в Бонне 400 тысяч жителей ФРГ вышли на демонстрацию протеста против разработки Вашингтоном планов ядерной войны. Показательно, что эта манифестация была приурочена к завершению сессии совета НАТО в Бонне.

Тысячи, сотни тысяч борцов за мир сливаются в миллионы. Во время работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в ее адрес от имени неправительственных общественных организаций были переданы обращения и петиции, под которыми стоит более 90 миллионов подписей людей, требующих прекращения гонки вооружений и предотвращения ядерной войны. К участникам сессии от имени 130 миллионов членов профсоюзов и всех советских трудящихся ВЦСПС обратился с призывом принять конструктивные решения по устранению угрозы ядерной войны. Сессии пожелал успеха Советский фонд мира, в работе которого участвуют около 80 миллионов человек. Да, вместе с представителями 157 стран, собравшихся на сессии в Нью-Йорке, сегодня проблемы войны и мира обсуждают и решают сотни миллионов людей!

Новый мощный импульс работе сессии по разоружению придало Послание Л. И. Брежнева в ее адрес. Обязательство СССР не применять первым ядерное оружие — историческое решение. Послание Л. И. Брежнева, выступление на сессии А. А. Громыко, советские мирные предложения содержат основу для принятия действенных решений по устранению угрозы ядерной войны. Такие решения тем более необходимы, потому что, как показало выступление на сессии президента Рейгана, американская администрация намерена придерживаться своего прежнего опасного курса во внешней политике. Его выступление было направлено на подрыв разрядки и обострение международной напряженности.

Сессия по разоружению продолжает свою работу. Народы с надеждой ждут от нее принятия таких решений, которые будут способствовать разрядке и устранению ядерной угрозы.

Нью-Йорк — Москва.

«Нас снова не обмануть. Вьетнамские ветераны против войны»,— под таким лозунгом идут нью-йоркские демонстранты.

Ия МЕСХИ
Фото И. ТУНКЕЛЯ
Специальные корреспонденты «Огонька»

ЗЕМЛЯ ПРОСИТ ПОМОЩИ

КАК ЗАЩИТИЛИ ПОЛЕ!

Земля ставропольская встретила нас душным зноем, под стать закавказскому (соседи ведь, через хребет), и раздумными тучами: целый месяц глубочайших раздумий на тему «лить иль не лить?». А проводила тяжелым тропическим дождем.

В Изобильненский район, совхоз «Овцевод», повлекла нас короткая строка в ряду других строк, отображающих общественный статус Александра Григорьевича Шейкина: «член Ученого совета СНИИСХ». Да, директор совхоза — член Ученого совета Ставропольского научно-исследовательского института сельского хозяйства.

И вот мы у Шейкина. Он показывает стада тучных овец в степи. Показывает кормоцех, где отливаются аккуратные зеленые пульки, аппетитные гранулы для овец. Показывает по полоскам расчерченные посевы в балках, прозванных стариками Вербовая, Бестолковая, Кременная, Чумная...

В очень трудный 69-й год, после страшной черной бури, встал вопрос о полном прекращении возделывания на этой земле сельскохозяйственных культур. Только овцы — и больше не мучиться, не пахать. И вот тогда Александр Григорьевич Шейкин разослал письма в крупнейшие научно-исследовательские институты страны. Мол, вы, ученые, должны нам помочь. И многие откликнулись.

Но бури продолжались. Дома песком присыпало. Днем ездили по бывшей станице Рождественской (ныне совхоз «Овцевод») с зажженными фарами. В это тяжелое время сорок семейств из хозяйства ушли. Но Шейкин уже окончательно разделался с мыслью, что против стихии не пойдешь. Понял, что не стихия виновата в несчастьях, а неумение, бескультурье, неправильная работа на земле. Ставропольские ученые из СНИИСХа во главе с академиком ВАСХНИЛа Александром Александровичем Никоновым обследовали каждую балку, каждый клочок, посоветовали здесь одно применить, там — другое. Полосы, лесополосы, многолетние травы, новую систему поверхностной обработки почвы.

Шейкин — находка для ученых. Сéмя должно упасть в почву, а не в бог знает что. Ученый может опереться на человека восприимчивого, открытого к познанию, а не на такого, который бурчит: «Некогда мне с вами!», «Сами знаем!»... Что знаем? Да все мы, вместе взятые, сколько жить будем, столько и будем узнавать, узнавать, узнавать!..

В шейкинской записной книжке — «Хитрой тетради», как он ее сам называет, записано, когда кто из ученых приезжал, кто и сейчас ставит опыты у него, на больших производственных площадях, как, например, Валентин Викторович Орлов, молодой ученый секретарь СНИИСХа, с которым мы и приехали сюда.

— Эта земля,—сказал он нам,— когда я ее увидел впервые, в начале 70-х, казалась мне скальпированной...

Потом мы видели поля, на которых Орлов вот уже пять лет разрабатывает технологию нулевой зяблевой обработки. И никакой эрозии, никаких сорняков, стабильно высокие урожаи кукурузы. А пшеницы — 26 центнеров с гектара. Совхоз вдвое увеличил поголовье овец (40 000 голов!), и по производству мяса в пересчете на стогектарку здешние хозяйства обошли те, которые расположены на благополучных землях.

СИСТЕМА — ЭТО ПОРЯДОК

В СНИИСХе есть такие данные о поведении на Ставропольщине матушки-природы за последние 110 лет: 35 лет (через два на третий!) происходили сильнейшие пыльные бури, которые губили посевы. 55 лет были крайне и повсеместно засушливы.

Можно ли сеять на такой земле, получать устойчивые урожаи, кормить скот? Да, можно, отвечают ученые, хоть и не просто это.

За два дня до майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, обсудившего и принявшего Продовольственную программу страны, собрался в Кировском районе края второй по счету выездной Ученый совет СНИИСХа совместно с районным штабом по производству кормов. Обратите внимание — с о в м е с т н о. В самом деле, ученые приходят не на пустое место, а на производство, где работают специалисты, и объединяются с ними. Именно об этом говорил на выездном совете секретарь Кировского райкома партии Серафим Михайлович Романько. Он говорил о том, как высоко оценивают в колхозах и совхозах района результаты творческого содружества ученых СНИИСХа со специалистами сельского хозяйства.

А в июне в кабинете директора СНИИСХа доктора сельскохозяйственных наук Виктора Макаровича Пенчукова мы присутствуем на коротком деловом совещании, посвященном информации о внедрении научных разработок для хозяйств Кировского района.

Институт давно уже начал работу по составлению систем и пошел по принципу от большого к малому. Сперва надо было правильно оценить ресурсы всего края: природные, экономические, трудовые и прочие. Вглядеться в землю по вертикали (почвы!), по горизонтали (зоны!), уточнить агрохимическое районирование, специализацию и концентрацию хозяйств, наличие техники, дорог, транспорта — словом, все-все. Перевернув такую глыбу, подумать, как совершенствовать все это на современном этапе и в комплексе. Непременно в комплексе!

Здесь бы усвоить одну очень важную мысль. Отдельные и даже очень эффективные приемы ведения хозяйства всегда могут и будут возникать. А все же общий успех дела решит стройная, продуманная, комплексная программа, позволяющая вести хозяйство без перекосов и шараханья, вести с перспективой неуклонно вперед. Одним словом, порядок.

Недаром ипатовцы, столь мощно прогремевшие по стране своим методом концентрации техники, ныне попросили СНИИСХ отработать для них общую систему ведения сельского хозяйства в районе. А на материале другого, Новоалександровского, района ставропольские ученые вместе с группой ученых из Международного института прикладного системного анализа, что в городе Вене, работают над созданием математических моделей систем ведения сельского хозяйства.

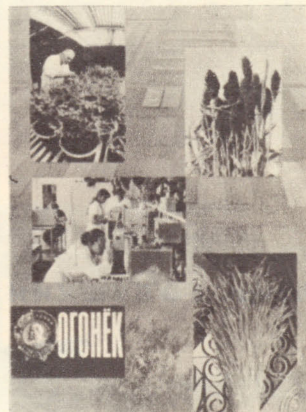
Фундаментальный труд СНИИСХа, созданный в содружестве с другими учеными и специалистами края и названный «Системой ведения сельского хозяйства Ставропольского края» (1980 г.), одобрен Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук и рекомендован всем земледельцам страны в качестве эталона. Тем временем ставропольские ученые идут вглубь, в отдельные зоны, в отдельные районы зон и «грозятся» дойти до каждого хозяйства, до каждого поля. И тем временем они составляют (уже составили!) эффективную систему сухого земледелия.

Земля Ставропольщины с очень трудным «полосатым» характером. Большая ее часть относится к зонам крайне засушливым, засушливым и недостаточно увлажненным. Очень мало влаги на востоке края, в иных местах просто лунный пейзаж.

Ученые СНИИСХа доказали, что без чистых паров вести здесь зерновое хозяйство невозможно. Нужен пар, то есть отдых земле, состояние покоя, санаторный режим. Но вспомните, сколько в санаториях всевозможных процедур! С паром то же самое. Хоть он и в отпуске, с ним надо работать: вспахать определенным образом, удобрить, защитить от эрозии — до двенадцати обработок на паре. А говорят еще, что пар «гуляет»!.. Необходимость паров, то есть незанятости или частичной занятости земли, надо было доказывать тем, кто в парах видел угрозу резкого снижения «вала». А что получилось на деле? На деле получилось, что отдохнувшая и подлечившаяся земля стала давать такие высокие урожаи, что сборы на «сухой земле» резко поднялись и догнали зоны, где условия более благоприятны.

1 РУБЛЬ = 10 РУБ. 40 КОП.

В институте закончился рабочий день. Тихо, пустынно в лабораториях, в селекционном центре

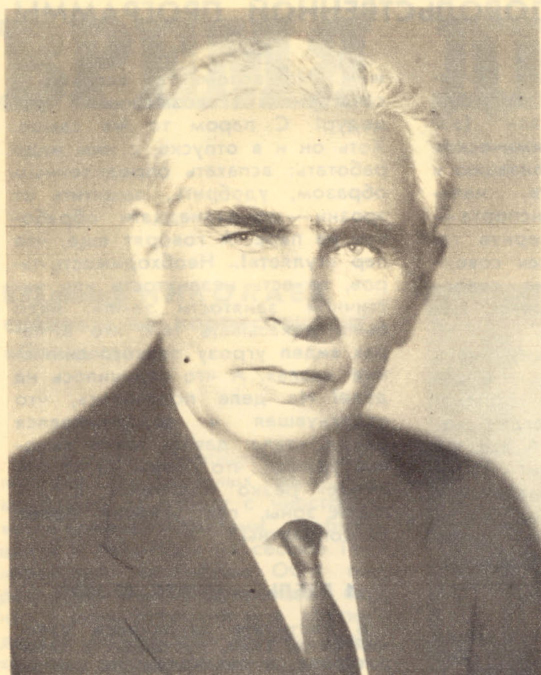
на фитотроне, в вычислительном центре. Директор института Виктор Макарович рассеянно засовывает бумаги в портфель и неожиданно предлагает пройтись по территории научного городка. Отлично! С нами ученый секретарь Валентин Орлов.

В словах Виктора Макаровича — убежденность, что все это — институт, 800-гектарное опытное поле, что по ту сторону шоссе, и вот этот научный городок — плод труда его предшественника, академика А. А. Никонова. (Сам Виктор Макарович три года как из учебного института.) И хотя СНИИСХ в этом году справил свой полувековой юбилей, в связи с чем отмечен орденом «Знак Почета», по существу, на широкую ногу исследовательское учреждение стало здесь, в селе Шпаковское, двадцать лет назад.

Тогда здесь было вытоптанное шпаковской скотинкой поле, здание института и один жилой дом. А сейчас этот дом укрылся в листве высоких деревьев. И все вокруг зелено. Стоят большие дома, стоят грибы-коттеджи, много уютных коттеджей, скоро будет, обещает директор, еще больше, еще краше.

Было в эти дни в СНИИСХе совещание по тритикале. Пятьдесят тритикальщиков прибыли со всех концов и с ними академики ВАСХНИЛ Владимир Филимонович Дорофеев, Николай Васильевич Турбин. Что такое тритикале? Это — удивительное растение, первый в природе искусственно созданный род, ржанопшеничный гибрид с удвоенным количеством в нем кормовых единиц и массой других достоинств. На Ставропольщине этого тритикале больше, чем где-либо, десятки тысяч гектаров.

Земля просит помощи. Есть она, эта помощь. СНИИСХа? Наверняка есть. Подсчитано, что каждый рубль, вложенный в научные разработки института в десятой пятилетке, окупился 10,4 рубля чистого дохода. Рубль казна затратила — 10 рублей 40 копеек получила. А это значит: с пользой поработал весь коллектив ученых.

ПАВЕЛ КОРИН

Лариса ГОЛУШКИНА

Он уже взял в руки палитру. Подтянутый, несмотря на возраст, чуть хмурый оттого, что густые брови, а из-под них немного суровый взгляд, все время сосредоточенный на какой-то мысли. Вот сейчас он поднимется по лесенке-стремянке и положит на холст первый мазок. Это великолепная фотография. Таким запомнился Павел Дмитриевич Корин всем знавшим его, таким он встречает сегодня тех, кто приходит в Музей-квартиру художника на Малую Пироговку. А когда-то, не так уж и давно, гостей в своем доме принимал сам хозяин. Принимал радушно, с удовольствием показывал свои полотна, любил потолковать об искусстве, и в просторной столовой, где на стенах тоже картины, вместе с женой, Прасковьей Тихоновной, поил чаем. В этом доме — в мастерской художника, в Зеленой комнате, его рабочем кабинете — побывало немало знаменитостей, чьи имена останутся навсегда живыми. Тогда он не знал да и не думал о том, что пройдут годы и его собственное имя будут произносить в ряду тех, перед кем он преклонялся и благоговел.

Сегодня среди корифеев русского советского искусства, среди тех, что воспели красоту и одухотворенность своего народа, неповторимую прелесть русской природы, мы называем и художника Павла Дмитриевича Корина. Персональная выставка в Академии художеств, устроенная к его 70-летию, была триумфом, полным признанием в нашем искусстве художественного явления, именуемого «Павел Корин». Собранные вместе работы позволили ощутить всю разносторонность и широту его деятельности. С. Т. Коненков тогда писал: «Искусство Павла Дмитриевича Корина выдержало трудное испытание временем. Выдержало победно, оставив в сердцах современников заметный след». Двадцать лет, прошедшие с тех пор, не только не стерли этот след, но очертили еще явственнее — Корина помнят, любят, в его музей на Малую Пироговку попасть ничуть не легче, чем в Третьяковскую галерею. «Человек высоких понятий, способностей и настроений» — так говорил о нем Нестеров, он мыслил возвышенно и глубоко; «Стыдно быть пошляком в живописи, если есть на свете Высокое искусство, есть Сикстинская капелла и комнаты Рафаэля, есть Веласкес и Тициан, Андрей Рублев и Александр Иванов. И если нет в тебе такого же пламени, стоит ли жить?» Его сердце наполняется желанием следовать за ними, на их высоты. Он обещает себе писать так, как Шаляпин поет. Он хочет, чтобы в его красках и образах жила высокая музыка. Его кисть, как кисть любимого им А. Иванова, не может служить делу, истину которого он не признает. Он искренен и честен, суров и категоричен в неприятии, одержим и восхитителен в любви. И неумением найти середину обрекает себя на страдания, только через них вкушая успех. Словно заранее решил прожить по этой А. Ивановым не отмеченной заповеди...

Как любил Корин этого художника! До откровенного признания, что хотел бы быть на него похожим. «Явление Христа народу» он считал образцом для себя. Ему нравился эпический размах полотна, его глубокий философский смысл, своеобразное истолкование евангельской темы, звучащей как призыв к духовному освобождению человека. Он делал копии с «Явления», часами простаивая у картины. Будучи в Италии, как святые для себя, посещал места, где бывал А. Иванов, проживший 28 лет «в высокой тишине Рима». Думая над каждой своей картиной, Корин обращался прежде всего к А. Иванову, словно бы меряя по нему и замысел и мастерство. «Иванов не только своей жизнью, но каждым штрихом, мазком своим учил, учит и будет учить вдумчивого художника»,— писал он Нестерову.

Наверное, не менее значительными в творческой и человеческой судьбе Корина были и две встречи, две дружбы, прошедшие через всю его жизнь, — с Михаилом Васильевичем Нестеровым и Алексеем Максимовичем Горьким. С первым — в ранней молодости, когда художник в Корине только начинался. Со вторым — в период зрелости, когда Павел Дмитриевич работал над большой своей картиной, которую, кстати, именно по совету Горького назвал потом «Уходящая Русь».

«Михаил Васильевич Нестеров оказал на меня огромное влияние,— вспоминал художник позже.— Та настроенность, которая жила во мне, юноше, получила в его лице поддержку и стала развиваться во что-то более серьезное...» Некоторые критики, говоря о Корине, обязательно связывали его имя с именем Нестерова и даже упрекали Павла Дмитриевича в каком-то отступничестве от нестеровских традиций в живописи. Но Корин, учась у М. В. Нестерова мастерству, шел в искусстве своим путем, обретая свой, коринский, как говорил сам Михаил Васильевич, стиль и почерк. Это были два духовно близких человека, отцом по духу называл Корин Нестерова. Они одинаково страстно любили искусство, но по-своему самобытно ему служили.

В 1925 году Нестеров написал портрет Корина. С палитрой в руках он стоит у иконы, в черной блузе, застегнутой наглухо. То же открытое лицо, по-молодому живые глаза, которым словно мало и мало увиденного, и они пристально всматриваются в мир, ищут новых для себя впечатлений.

Когда писался этот портрет, Павлу Дмитриевичу было уже за тридцать. Он не стал еще известным художником, но уже имел тот опыт, который позволял ему серьезно думать о своем пути в искусстве. Корин часто говорил, что, прежде чем стать художником по призванию, был им уже по рождению, поскольку происходил из среды потомственных иконописцев. Несколько поколений рода Кориных, берущего свое начало с конца XVII века,— прадед, дед, отец художника — были прекрасными мастерами и наряду с другими прославили своим искусством знаменитый Палех. Павел Дмитриевич тоже окончил здесь казенную иконописную школу и, переехав в Москву, поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, а получив звание классного художника, преподавал живопись и рисунок в Свободных художественных мастерских. Одним словом, становился художником по призванию, приобретал жизненную школу и школу мастерства от навыков живописи, полученных в Палехе, к «дивному дару рисования», отмеченному у него учителем его К. Коровиным.

Становление Корина-художника проходило в трудное время. В первые послереволюционные, в 20-е годы в искусстве, как известно, началось засилье формалистов разных толков, которые говорили о необходимости новых форм, якобы диктуемой революционными преобразованиями, происходившими в стране. Шли бурные споры.

Корин пустое формотворчество воспринимал как чуждое, считая, что «чувство, мысль, идея — эти великие начала искусства — неразрывно, неделимо живут с формой». Для него образцами совершенства оставались творения великих художников прошлого. К ним он стремился в своем творчестве, горя желанием проникнуть в тайны их искусства, постичь секреты их кисти и резца. И, работая в эти годы в бригаде художников, размножавших «Окна РОСТА», участвуя в оформлении Октябрьских празднеств, Корин все свободное время отдавал изучению классики.

П. Корин. 1892—1967. СЕВЕРНАЯ БАЛЛАДА. 1943.

П. Корин. ПОРТРЕТ С. Т. КОНЕНКОВА. 1947.

Давнишней мечтой Павла Дмитриевича была поездка в Италию. Осуществиться этой мечте помог Горький. Корин писал из Италии, что «всюду нашел здесь знаки величия духа». Он делал копии, рисунки, стоял перед творениями Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, поражаясь грандиозности их замыслов, их таланту, сумевшему высоко поднять знамя человеческого духа. Побывав в Италии, Франции и Германии, он насмотрелся «великих чудес живописи». Он впадает в экстаз, когда говорит о старых художниках, и признается, что иначе говорить о них не может. Его завораживают светлые, ясные краски Джотто, как пламя, краски Тинторетто, здоровье и свежесть фресок Гирландайо, игра парчи в одежде Генриха VIII у Гольбейна, позы, силуэты и краски Тициана — «что за рука водила этой кистью?». И когда Корин давал клятву великим флорентинцам «в искусстве дивном» победить или умереть, то победить означало подняться на их высоты.

Пейзажи — «Палех», «Моя родина»... Он любил писать село, где родился, полюбил природу, красоту. Каждому русскому знакомо это волнующее сердце приволье полей и лесов, медленных речек, упоительные краски земли, деревенских рассветов и закатов.

Для Павла Дмитриевича его маленький Палех — олицетворение родины, и в пейзажах он трепетно и лирично выразил сыновнее чувство любви к своей земле. Они как присяга художника на верность, на вечную приверженность всему тому, из чего вырос, что вскормило и дало силу.

В работе над пейзажами Корин с кистью в руках постигал натуру, учился видеть и отображать увиденное. В «Палехе», написанном в технике мелкого мазка, близкой к миниатюре, он рисует панораму села, включая в композицию все, что видит глаз, ничего стараясь не упустить на всем огромном пространстве, где раскинулось село,— ни одну травинку и веточку. «Моя родина» — это тот же Палех, но художник всматривается в окружающее глубоко и пристально и выхватывает из увиденного только главное, что составит в совокупности образ Родины. Село вдали... Церковь с колокольней. Правее еще одно сельцо. Слева — леса и лента реки. И — поля, луга, желтая полоса вызревшей ржи, снопы... А в центре, как символ северной русской природы, зеленая ель, вершина которой силуэтом прописала розовое в закатных лучах солнца небо... Пейзаж написан «тонко, чеканно, с настроением торжественным» — именно так и хотел написать художник. Сумев уйти от излишней подробности, иллюзорности, Корин создает обобщенный образ русской природы. Здесь уже ощутилась тяга его к монументальности, что так ярко проявится потом.

«Уходящая Русь»... Павел Дмитриевич работал над этюдами почти десять лет и создал целую галерею образов для будущей, к сожалению, из-за смерти художника так и не состоявшейся картины. Зародившийся замысел уточнялся, круг персонажей, избираемых им для этюдов, расширялся, коринская кисть запечатлела на полотне прекрасные образы людей из народа, таких, например, как отец и сын...

Корин рассказывал, как встретил их однажды на Каменном мосту, как поразили его эти люди, как осмелился попросить их позировать ему. Так и возник этюд «Отец и сын», в котором в образах двух людей художник воплотил черты, присущие народу: его внутреннюю и внешнюю красоту, недюжинную силу и духовное богатство.

Этюды персонажей к «Уходящей Руси» стоят в мастерской художника. Написанные в рост, они, как живые, рассказывают о себе: одни — властны и деспотичны, в других — боль, нищета и безысходность, в иных — спокойствие и уверенность, тонкость и одухотворенность... В них—Корин-психолог, знаток человеческой души, самых тонких ее проявлений. Художник, склонный к широкому, обобщенному показу жизни, способный на создание крупных, эпохальных произведений. Мастер живописи смелой, мужественной, немного жесткой в своей уверенности, но свободной и раскованной. Не случайно Горький, посетив в один из дней мастерскую художника и посмотрев этюды, сказал: «Отлично! Вы большой художник! Вам есть что сказать. У вас настоящее здоровое, кондовое искусство». Это подчеркивали в нем и Коненков, другие художники. «В живописи,— говорил сам Корин,— надо быть реалистом, но реалистом живым, думающим, не фотографом... Настоящий художник должен нести в себе образ. Все его мастерство, все доступные ему средства художественной выразительности подчиняются одной задаче — раскрытию и выявлению этого образа».

Это творческое кредо Корина нашло отражение во всех его работах, и, может быть, более всего — в портретах. Многие из них стоят в ряду лучших произведений советского искусства.

Когда Корин брался за портрет, ему обязательно нужно было прочувствовать и понять человека, которого он должен был писать. Это помогало подметить и схватить самую главную черту во внешности, самую главную мысль, все своеобразие в характере. Щедрее всего это раскрывается в человеке в моменты яркого душевного порыва, вдохновения, творческого подъема. В такие моменты художник и старается показать героев своих портретов.

Раскрытию и выявлению образа он подчиняет в портрете все: композицию, цвет, свет... Он конструирует портрет жестко, убирая все детали и излишества. На полотне господствует человек, занимая все его пространство. Художник изыскивает самый выразительный ракурс, изображая портретируемого, что усиливает масштабность фигуры. По лаконичности и выразительности то портреты-памятники, портреты-монументы.

Это впечатление подчеркивается и сдержанной, строгой живописью. Павел Дмитриевич писал густо и в эту густую, спокойную гамму, преобладающую в обрисовке образа, бросал одно-два локальных ярких пятна, служащих своеобразным декором. Иногда напряженным цветом подчеркивал настроение, вводил прием контраста, игрой тени и света достигая необычайной выразительности и добиваясь самых тонких оттенков в своем черном тоне — от густого черного до голубовато-стального.

Корин стал портретистом тоже с легкой руки Горького. Будучи с Алексеем Максимовичем в Италии, художник написал его портрет. Это было в 1932 году, и с тех пор портретный жанр являлся одним из основных в творчестве живописца. Им написано немало портретов представителей советской культуры и науки, военачальников: Нестеров, Качалов, Сарьян, Игумнов, Леонидов, Коненков, Кукрыниксы, Жуков, Толбухин, Говоров. В них художник отразил характеры сильные, волевые, творчески одухотворенные.

Алексей Николаевич Толстой... Известный писатель и общественный деятель...

Свободно и непринужденно сидит он в кресле. Одна рука в кармане, в другой — трубка. Некоторая небрежность в одежде: расстегнутый пиджак, съехавший чуть на сторону галстук. Так уставший после работы человек, сев в удобное кресло, хочет, забыв о надоевших условностях, отдаться минутному отдыху. Только минутному. И потому в лице все та же серьезность и сосредоточенность. Открытый лоб, глаза — все определяет волевой характер, ум, духовную наполненность этого человека. Фигура писателя, изображенная снизу, превалирует на полотне, создавая ощущение реальности у зрителя.

Коненкова Корин писал в скором времени после возвращения скульптора из-за границы. Увиденное им на родине, тот пафос созидания, которым жила страна, вызвали необычайный творческий подъем у Сергея Тимофеевича. Эта вдохновленность, окрыленность прекрасно переданы Кориным. Его Коненков — это жаждущий творчества, увлеченный и страстный человек, несмотря на возраст, полный творческих сил и дерзаний.

Художник строит портрет на остром контрасте, сопоставляя в фоне светлую и затененную часть, подчеркивая тона в одежде — светлая блуза и темные брюки. Оттеняет ее голубая рубашка, тонко гармонирующая с голубизной, исходящей от волос. Контрастность фона хорошо подчеркивает контур фигуры, ее объем. Избранная художником точка зрения снизу придает монументальность осанке.

Корин любил обращаться к истории страны, к ее героическому прошлому, словно бы еще раз призывая нас беречь и ценить завоевание, поддерживать и развивать великие традиции наших предков. Так, темами своих мозаичных панно для станции метро «Комсомольская-кольцевая» он избрал крупные события истории, ее героев. «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Минин и Пожарский», «Александр Суворов», «Михаил Кутузов», «Выступление В. И. Ленина перед красноармейцами, отправляющимися на фронт», «Взятие рейхстага советскими войсками», «Триумф победы» — восемь мозаичных картин художника украсили потолок станции.

Во время войны Павел Дмитриевич жил в Москве, там же, на Малой Пироговке. В те дни, когда буквально в 30 километрах от его дома проходил фронт, он работал над своим «Александром Невским». В грозный для родины и народа час он снова обратился к героическим образам прошлого.

«Я чувствую над собой грозовой вихрь века,— писал он.— Я хочу быть созвучным ему». Это созвучие он нашел в образе рыцаря земли русской, отстоявшего честь Родины в битве с иноземными захватчиками.

Он стоит над Волховом, вынимая крепкой рукой меч из ножен. Он готов на битву за эту землю, за эту реку, за Русь свою, что за его спиной, как за стальной броней. Он будто врос в землю, всей своей богатырской мощью прикрыв ее от беды. И стоит твердо, несокрушимо. За его внешней неприступностью — открытость и доброта русского человека. Но в гневе он силен ненавистью, и коль ступит враг на его землю, от меча его найдет погибель.

Суровость времени, настроение героя художник подчеркивает холодными тонами его рыцарского одеяния, напряженным цветом неба, туч. Плотная, пастозная живопись придает образу Невского мужественность. В нем — мощь и сила народа, вставшего на защиту Отечества. Не случайно Корин, когда писал Невского, вспоминал сельских мужиков, рослых, крепких, могучих, как богатырская рать. Такие, как они, выстояли и крепостное рабство и вражеское нашествие, сохранив нетленной благородную душу нации.

Левая часть триптиха — «Северная баллада» — поэтический образ родины, защитников ее свободы. Витязь с огромным мечом в руке и женщина в парчовом сарафане и в платке символизируют русский народ, его свободолюбие и несгибаемость. «Я вспоминал свою мать, когда писал «Балладу»,— рассказывал Корин.— Она была гордая, непреклонная. Голову свою не склоняла».

Та же тема русской удали, непокорства и отваги звучит в третьей части композиции — «Старинный сказ».

В «Александре Невском» художник выразил глубокую боль за родину, терзаемую врагами, и свою веру в победу. Это был призыв стоять насмерть, в жестокой схватке с врагом отстоять независимость. Коринский триптих — мощное произведение исторического жанра, созданное художником, любящим свой народ.

Когда-то Нестеров писал живописцу: «Меня особо радует в Вашей жизни то, что Вы осознали великого Иванова, видели Рафаэля, Микеланджело, их творения... Все это было Вашим университетом... И я уверен, что Вам суждено оставить нашей Родине немало прекрасного».

Сегодня, уже через года, глядя на жизнь и творчество Павла Корина, ясно видишь место его искусства в ряду отечественной живописи: глубоко самобытное, уходящее своими корнями в традиции народного творчества и впитавшее в себя огромный опыт мировой классики, оно предстает как одна из вех большого пути, пройденного нашей культурой после Октября.

ЭСТАФЕТА БРАТСТВА И ПОДВИГА

СССР 60 ЛЕТ

1943–1953

ФОТОЛЕТОПИСЬ «ОГОНЬКА»

ВОЙНА, МИР, ВОЗРОЖДЕНИЕ

Эстафету принял год Сталинграда и Ленинграда, Курской дуги и Малой земли, год 1943-й. И снова листаем опаленные огнем, неистребимые временем фотодокументы, оставленные нашими коллегами. Их фотокамерами остановлены «мгновения», запечатлевшие высокие душевные порывы, подвиги, которые по красоте своей, величию духа и бесстрашию людей, свершивших их, навсегда остались драгоценным достоянием поколений.

...Историческая встреча солдат 62-й армии, насмерть стоявших у израненных стен Сталинграда, с воинами Донского фронта, прорвавшимися к волжской твердыне. И тут «высокопарных слов не надо опасаться»: да, историческая встреча на историческом Мамаевом кургане, что давно уже стал местом паломничества миллионов людей, где все воскрешает в памяти суровую быль минувшего, славит тех самых героев, которые смотрят сейчас на нас с фотографий сорок третьего года. Это о них тут написано: «железный ветер бил им в лицо, а они все шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватывало противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они!»

...30 сентября 1942 года Гитлер произнес слова, которые потом гестапо тщетно пыталось вытравить из памяти немцев: «Мы атаковали Сталинград, который будет взят, в этом вы можете быть уверены...» Я вспоминал это хвастливое заявление хвастливого фюрера, рассматривая фотографию: советские полководцы Н. Воронов и К. Рокоссовский допрашивают пленного генерал-фельдмаршала Паулюса.

Прошли десятилетия, а неподвластная времени память сохранила картину поля боя той поры — мела метель, заметая трупы, искореженные пушки, машины противника, а навстречу ей, обжигаемая колючим снегом и степным ветром, бесконечно тянулась вереница обессиленных военнопленных. Так под Сталинградом в масштабах, неизвестных военной истории, повторились Канны. Гитлер поспешил объявить это «планомерным отступлением». И фюреру поверили не только немецкие обыватели, но и те, кто был в ту пору нашими союзниками.

...С берегов Волги — на берега Невы. Снимок на полосу: идут в атаку балтийские моряки. Они пережили кромешный ад окопов, когда в руках лишь бутыль с зажигательной смесью, а на тебя неумолимо движется, скрежеща гусеницами, фашистский танк, они познали горечь отступлений и окружений, и нет сейчас силы, что погасит наступательный их порыв. После семидневных тяжелых боев 18 января 1943 года войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились. Блокада была прорвана, но, увы, не снята. Пройдет еще год тяжелых испытаний, и на весь мир прогремят залпы орудий Ленинграда в честь воинов, полностью и навсегда снявших блокаду с многострадального города на Неве.

Гитлеровцы мечтали церемониальным маршем пройти по улицам «Петербурга», раздавали пригласительные билеты на торжественный банкет в гостинице «Астория». Они добились своего, они прошли по улицам израненного ими города: идут, понурив голову, пленные солдаты и офицеры, молодые парни в пропотевших фуфайках, пожилые, заросшие седой щетиной, угрюмые кадровики и скоросплые вояки, спотыкающиеся на ходу. Смотрю на этот снимок, а перед глазами — один из «военных объектов», пораженных дальнобойной вражеской артиллерией: разбитый ленинградский трамвайный вагон. Груда трупов, кровавое месиво; и мальчик, которого снаряд поразил при выходе из булочной — он лежал на мерзлых плитах, зажав в руке крохотный кусок хлеба — «сто двадцать пять блокадных грамм», с пищевой целлюлозой и хлопковым жмыхом. И еще один «военный объект» — огромная дыра пробита в стене Эрмитажа. С щемящей болью глядел я на эту дыру, напомнившую мою ленинградскую комнату в доме на обстреливаемой стороне улицы — осколки артснаряда вдребезги разнесли оконные стекла, рамы, не пощадив и домашнюю утварь. Будучи военным корреспондентом газеты ВВС «Сталинский сокол», я брал интервью у директора Эрмитажа академика И. А. Орбели. Иосиф Абгарович тяжело вздыхал, когда рассказывал, как, спасая драгоценнейшие шедевры мировой культуры, отправлял их на восток, потом показывал следы бомбежек и артобстрелов, сокрушенно качал головой и негромко, но жестко сказал: «Варвары... Мы все равно выстоим».

В сорок третьем фюрер пожелал взять реванш за Сталинград и Ленинград, вырвать стратегическую инициативу у наших войск. В апреле он издал приказ: «Я решил... осуществить первое в этом году наступление «Цитадель»... оно должно дать нам инициативу на весну и лето... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира».

«Факел», вспыхнув, быстро погас. Тщательно готовившееся наступление захлебнулось в крови гитлеровских солдат, в дыму горевших «тигров» и «пантер», тяжелых танков —это было последнее слово военной техники Германии.

На Курской дуге враг был бит на земле и в воздухе, его «тигры» и «пантеры» испытали на себе огневую мощь наших боевых машин, бесстрашие танкистов и авиаторов. Среди них был и **летчик-штурмовик, будущий летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Г. Береговой. Ему — слово.**

«На страницах «Огонька» я уже как-то рассказывал, что для меня космос начался на фронте. **В моей лётной книжке 186 боевых вылетов. Всю Великую Отечественную войну начиная с июня 1941 года я провел на полевых аэродромах Западного, Калининского, Центрального, Степного, Воронежского, 1-го и 2-го Украинского фронтов, участвовал в освобождении от фашистских полчищ Польши, Румынии, Венгрии и Чехословакии. Конечно, каждый боевой вылет — это смертельная опасность для летчика. Вылетаешь на боевое задание и не знаешь — вернешься ли на свой аэродром. Но боевой вылет на Курской дуге в районе Томаровки для меня был особо памятным: и степь, и небо, и орлиная атака ИЛа, несущегося навстречу огненной земле, и горящие вражеские тяжелые танки, остановленные твоими эрэсами, и неожиданная атака «фокке-вульфа» — все это незабываемо!**

Около восьмидесяти боевых вылетов уже было за моей спиной. Я возвращался домой, когда неожиданно вынырнувший из-за облаков «фокке-вульф» открыл огонь по моей машине. Ее основательно тряхнуло и тут же объяло пламенем. Что делать? Немедля прыгать с парашютом — значит наверняка попасть в плен. И я решил попытаться дотянуть горящую машину до линии фронта, хотя знал, что вот-вот могут взорваться баки с горючим. Когда мы уже были над нейтральной полосой, я приказал стрелку-радисту: «Прыгай, Петя!» Вслед за ним прыгнул и я...

Через день я был снова в воздухе.

В светлые майские дни 1945 года в Чехословакии уже после подписания акта о капитуляции Германии я летал на штурмовку недобитых гитлеровцев — продолжая сопротивляться, они с боями отходили на запад, чтобы там сдаться американцам. Так здесь, на земле чехословацкой, на два дня позже, чем для всех советских воинов, закончилась для меня война.

Но вернемся на Курскую дугу, туда, где немцы к началу июля 1943 года сосредоточили против войск Центрального и Воронежского фронтов до 50 дивизий. Фюрер шел, как говорится, «ва-банк».

Именно сюда он отправил свои новейшие тяжелые танки — в его расчетах они занимали не последнее место. Эту грозную армаду надо было остановить и уничтожить. Мы, летчики-штурмовики, знали об этом и немало «потрудились», нанося удары по вражеским бронетанковым войскам.

Тогда, летом 1943 года, советское командование вскрыло замыслы врага и, точно определив направление его ударов, решило использовать тщательно подготовленную оборону, измотать противника в ходе оборонительных боев, а затем перейти в контрнаступление. После нескольких дней напряженных боев стало очевидным, что наступление гитлеровцев провалилось. «Тигры» и «пантеры» остались без прикрытия с воздуха как раз в ту пору, когда советские бомбардировщики и штурмовики перешли на массированные налеты, удар за ударом. Дело приняло для противника тяжелый оборот.

Корпусом, в который входила наша эскадрилья, командовал Герой Советского Союза генерал Каманин. Перед крупными операциями Николай Петрович обычно организовывал учения, а по их завершении — обязательный разбор с привлечением всех летчиков корпуса. Хорошо помню его педантичность, даже въедливость, и, не скрою, это порой вызывало у нас недоумение. Лишь позже мы поняли, как был прав командующий. Особенно изменилось наше отношение к нему, когда мы увидели, что в самых тяжелых боях, в самые трудные часы ге-

1943 год. Встретились бойцы и командиры 62-й армии и воины Донского фронта.

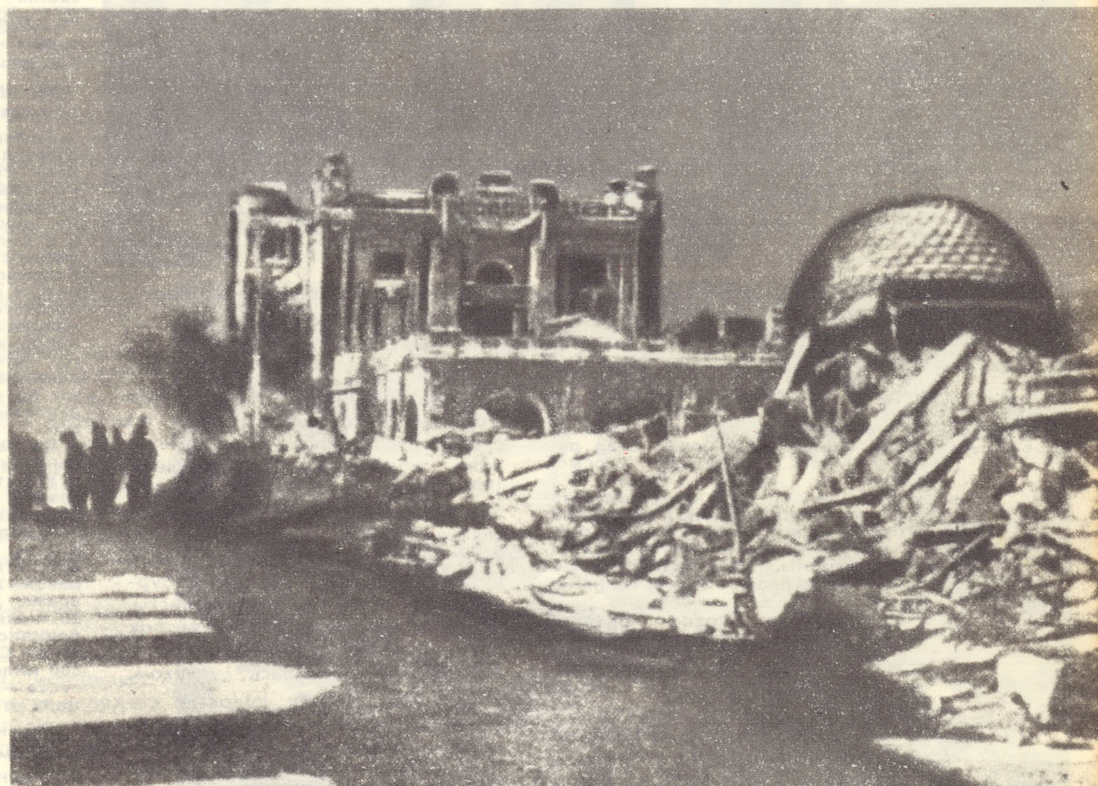
1943 г. Советские полководцы Н. Воронов и К. Рокоссовский допрашивают пленного генерал-фельдмаршала Паулюса.

1943 г. Снимок, не требующий подписи.

1944 г. Военными темпами шла в Узбекистане народная стройка Фархадской ГЭС. Передовики бригады землекопов Юсуп Усманов и Фатьма Кариева.

1943 г. Гитлеровцы оставили после себя в освобожденном Новороссийске груду развалин.

1944 г. Первыми на Государственную границу с Восточной Пруссией вышли бойцы батальона капитана П. Юргина. Их поздравляет гвардии генерал-майор Б. Б. Городовиков.

1946 г. Пять годовых норм выполнил прославленный мастер скоростного резания металла, токарь Московского завода шлифовальных станков П. Быков.

1945 г. Жители Праги приветствуют советских воинов-освободителей.

1945 г. На Крымской конференции руководителей трех союзных держав.

нерал неизменно находился на переднем крае. Как видите, вполне закономерно то, что впоследствии Николай Петрович стал руководителем подготовки космонавтов.

В битве под Курском советская авиация окончательно захватила стратегическое господство в воздухе и не выпускала его до окончания войны. Мне радостно, что есть в этом доля и моего воинского труда...»

Победа под Курском была и победой тех, кто днем и ночью, в жару и стужу строил, лил сталь, делал боевые машины. С переднего края на поле боя журнал переносит читателей на «передний край» тыла: в цеха заводов и фабрик Урала и Сибири, Средней Азии и Закавказья, по-военному обозначенных — N-ский город, N-ский завод. Линия фронта проходила через КБ прославленных авиаконструкторов С. В. Ильюшина, С. А. Лавочкина, А. С. Яковлева; через цеха, где строились пикирующие бомбардировщики В. М. Петлякова, самолеты А. Н. Туполева, широко использовавшиеся на фронте для поражения военных объектов на дальних расстояниях. Воплощались в металл смелые идеи творцов грозного оружия — тяжелых танков и мощных танковых, самоходных и полевых артиллерийских орудий — конструкторов Ж. Я. Котина и Ф. Ф. Петрова. Трудно переоценить помощь нашему Военно-Морскому Флоту, оказанную академиками А. П. Александровым и И. В. Курчатовым,— под их руководством велась противоминная обработка боевых кораблей.

К летним операциям 1943 года советская авиация по количеству самолетов на фронте превосходила немецкую в 2,5 раза. Но дело не только в количестве. Истребитель Ла-5, получив более мощный двигатель, опережал по скорости хваленые «мессеры» и даже новейший «фокке-вульф-190». В этот же период советская промышленность производила танков больше, чем германская. А то, что советские танки лучше немецких, признавали даже буржуазные военные специалисты. Попытка немецких конструкторов создать танк по образцу советского не увенчалась успехом.

5 августа Москва впервые салютовала доблестным нашим войскам, на сей раз тем, что освободили Орел и Белгород. А 16 сентября — водрузившим алый стяг над Новороссийском.

Всю весну и лето 1943 года противник упорно удерживал оперативно важный плацдарм на так называемой «Голубой линии», в низовьях Кубани и в районе Новороссийска. Беспримерно ожесточенные воздушные бои шли в небе Кубани. Герой этих боев задорно поглядывает на нас с журнальной полосы — молодой Александр Покрышкин. «Ахтунг, ахтунг! Покрышкин!» Одно только появление в небе Кубани его ястребка вызывало панику в стане врага. Непревзойденный мастер воздушного боя, он был из той когорты крылатых богатырей, что прикрывали исполосованную огнем и металлом Малую землю. «...Смертоносного металла на каждого защитника Малой земли,— вспоминал Леонид Ильич Брежнев в своей одноименной книге,— приходилось по 1250 килограммов».

Ранним сентябрьским утром после артиллерийской и авиационной подготовки Черноморские торпедные катера ворвались в порт Новороссийск. В наступление пошла 18-я армия. На огоньковских фотографиях — картина только что освобожденного города. Собственно, города уже не было...

Утихли бои на Малой земле, не кипят больше от взрывов воды Цемесской бухты, солдаты героической 18-й армии двинулись на Запад.

Вперед на Запад! Боевой это был клич в ту пору. Алые знамена взвились над освобожденными, разрушенными, сожженными городами России, Украины. Освобождены Донбасс, Левобережная Украина, Брянск, Смоленск, Таманский полуостров... С исключительной смелостью, мастерством, стремительно форсирован Днепр. И, наконец, освобожден Киев.

Наступление развивалось по широкому фронту — от Великих Лук до Кавказского хребта. Оно развивалось несмотря на то, что Великобритания и США вопреки своим обязательствам не спешили открывать «второй фронт», о чем и шел нелицеприятный разговор на Тегеранской встрече глав трех союзных в ту пору держав.

Позже, после войны, видный советский публицист, писатель Иван Рябов, напишет в «Огоньке»: «Теперь уже стало совершенно очевидно, теперь это уже доказано документами, что в Америке и в Англии были в военное время люди, страстно желавшие падения Сталинграда и мечтавшие о военном и политическом разгроме Советского Союза. Они хотели одинаково обескровить и русский народ и народ немецкий для того, чтобы сделать их своими данниками, бросить их связанными по рукам и ногам под колеса дьявольской машины империализма».

Планы, лопнувшие, как мыльный пузырь.

У Гитлера был свой временной график захвата наших земель. 25 июля 1942 года гулять по Сталинграду; 10 августа — быть в Саратове, 15 августа — в Куйбышеве, 25 сентября — в Баку. Лихо разыгрался аппетит фюрера. Так вот, время дает интервью о времени: 25 июля 1943 года гитлеровцы находились в 500 километрах к западу от Сталинграда, 10 августа — в 800 километрах от Саратова, 15 августа — в тысяче километров к западу от Куйбышева.

Лаконичны огоньковские фотоинформации той поры. Идет торжественное вручение погон — кубики, шпалы, ромбы канули в Лету, в Советской Армии введены новые знаки различия; с журнальной полосы смотрит на читателя саратовский колхозник Ферапонт Головатый, отдавший свои сбережения на строительство двух боевых самолетов. Примеру патриота последовали тысячи и тысячи советских людей — прославленный ас Иван Кожедуб снят у самолета, подаренного ему колхозником В. Коневым. И еще поблекший от времени снимок: премьер-министр МНР маршал Чойбалсан передает N-ской части танковую колонну, построенную на средства, которые собраны населением Монголии; трудящиеся Свердловской, Пермской и Челябинской областей создали Уральский добровольческий танковый корпус, на свои средства снабдили его боевыми машинами, вооружением и обмундированием.

Из номера в номер идут фоторепортажи, свидетельствующие: война продвинулась на Запад. Но тут остались ее страшные следы — бывшие дома, вокзалы, школы, улицы, по которым, понурив головы, женщины, дети, старики тянут за собой тележки с немудреным скарбом.

В разгар войны был опубликован новый Гимн Советского Союза. Чеканны его слова: «Союз нерушимый республик свободных...» С честью выдержал этот Союз историческую проверку огнем и железом. Выстроился у тяжелого орудия дружный боевой расчет: девять представителей разных национальностей — братья по судьбе, огню, горячим боям. Нужны ли комментарии к этому снимку?..

Напав на Советский Союз, Гитлер рассчитывал, что под тяжестью первых военных неудач начнутся раздоры между советскими народами. Бита была эта «карта»! Плечом к плечу сражались с врагом сыны и дочери единой многонациональной семьи. Прославленная панфиловская дивизия была сформирована в Алма-Ате. Подвиг гвардии рядового А. Матросова, закрывшего своим телом амбразуру вражеского дота, повторили 200 воинов. Среди них украинец А. Шевченко, узбек Т. Эрджигитов, грузин А. Кавтарадзе, армянин У. Аветисян, эстонец И. Лаар... Каждые девять пуль из десяти, выпущенных по гитлеровцам, были сделаны в Казахстане. Средняя Азия и Закавказье вместе с РСФСР непрерывно пополняли ряды Красной Армии, бесперебойно снабжали фронт вооружением, продовольствием, обмундированием.

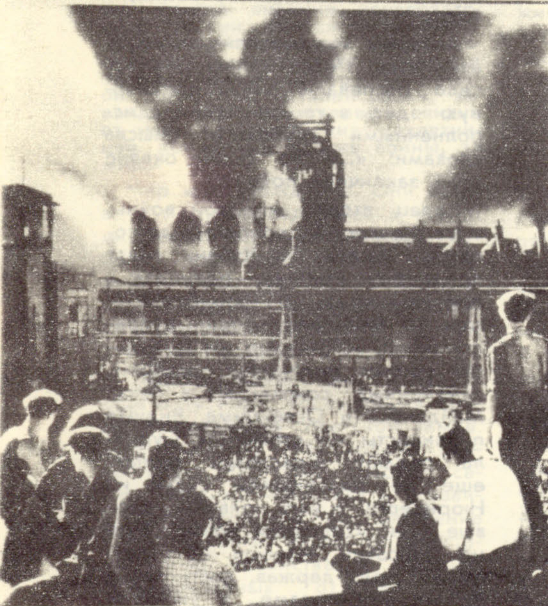
Гитлеровцы надеялись заполучить на оккупированных землях мощную поддержку «квислинговцев». Вместо «квислинговцев» — партизанские отряды, созданные подпольными партийными организациями. На журнальной полосе — карта, захваченная белорусскими партизанами в немецком штабе в августе 1943 года. Она вся испещрена знаками — здесь действуют народные мстители. «Рельсовая война» партизан осенью 1943 года привела к сокращению всех немецких железнодорожных перевозок на тридцать пять—сорок процентов! Перелистывая страницы журнала, не раз мы встречали боевые партизанские отряды — и в Брянских лесах и на Смоленщине, в Белоруссии и на Западной Украине. В составе партизанских отрядов и соединений Украины были народные мстители 60 национальностей.

...Наступил год 1944-й, год сокрушительных ударов, нанесенных врагу в разное время, на разных участках фронта. Пошли в наступление войска Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов. Советские воины завершили ликвидацию окруженной Корсунь-Шевченковской группировки врага. Вот подзаголовки «Дневника войны» тех дней: «Удары Прибалтики»; «Поражение в Финляндии»; «Кольцо сжимается»; «От Балтики до Балкан». Наступление идет широким фронтом. Направления главных ударов выбираются там, где враг их не ждет. Крупный стратегический просчет фашистского военного руководства был блестяще использован советским военным командованием при разгроме немецко-фашистских войск в Белоруссии.

1945 г. Долгожданная встреча...

ОГОНЁК

1947 г. Идет торжественный митинг на «Запорожстали» по случаю пуска восстановленной доменной печи № 3.

1950 г. В Институте электросварки Академии наук УССР. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, директор института академик Е. О. Патон с сыновьями, научными сотрудниками института Владимиром Евгеньевичем (слева) и Борисом Евгеньевичем (ныне он директор этого института, президент Академии наук УССР).

Весной в журнале появились фотокадры нового этапа войны: знамена советской армии реют над Восточной и Юго-Восточной Европой! В апреле наши солдаты перешли государственную границу с Румынией и Чехословакией и перенесли военные действия за пределы своей страны. Пройдет несколько месяцев, и начнется освобождение Польши. И тут нельзя не задержаться на фотографиях, обретающих сегодня особо глубокий смысл. Вот они, освобожденные города и села Польши, те самые, что по замыслам контрреволюции из «Солидарности» вновь должны были лишиться свободы и независимости. Вот они, солдаты 1-й армии Войска Польского, той самой, в рядах которой воевал за счастье своего народа В. Ярузельский; вот могила советских солдат, одна из многих, оставленных войной на польской земле — под бездонной синевой лежат на них холмики чужой земли. Страшно даже подумать, что много лет спустя политические авантюристы осмелились осквернить эти могилы, надругаться над ними.

Советские воины-освободители шагают по городам Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии. «И в селах Сербии и Польши, и на дунайском берегу доныне помнят Сашу, Гошу и Вани снимок берегут. Нет, не чужих земель воитель моей державы рядовой, и высший чин — Освободитель — ему присвоил шар земной».

...Последний год войны. При содействии польских войск освобождена Варшава. Советские воины вступили в пределы Силезии, овладели городом и крепостью Познань, форсировали Одер. Близок, совсем близок час окончательного разгрома врага. Еще один рывок, и советский солдат будет воевать уже на подступах к Берлину.

Фоторассказ о последних днях, часах фашистского Берлина. Уличные бои за каждый дом, этаж, на земле, под землей и в воздухе. Тяжело приходилось нашим штурмовикам. На полевых аэродромах я слышал их доклады после вылета на Берлин: «Очень трудно точно обнаруживать цели. Небо Берлина застилает дым пожарищ и пыль разрушений».

Фотографии, ставшие уже хрестоматийными. Алое знамя над рейхстагом, автографы победителей на его колоннах, историческая акция в Карлсхорсте — подписание акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

И еще один документ тех дней: протокол заседания парткомиссии N-ской части, собравшейся во время штурма рейхстага в одном из его подвалов. В повестке дня — прием в партию, заявление лейтенанта, командира взвода Рахимжана Кашкорбаева: «Прошу первичную парторганизацию принять меня из кандидатов в члены ВКП(б). Желаю штурмовать рейхстаг членом партии. Высокое звание коммуниста оправдаю с честью». Парткомиссия еще заседала, а лейтенант уже повел свой взвод на штурм рейхстага.

Советские воины считали за великую честь идти в бой коммунистами. К концу войны 3325 тысяч коммунистов, 60 процентов всех членов и кандидатов партии находились в рядах Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Воскрешаются в нашей памяти картины ликующей Москвы. Шумит, бурлит запруженная народом Красная площадь. Фронтовиков обнимают, целуют. Народ празднует Победу.

Победа! Мчатся воинские эшелоны с Запада на Восток, из Берлина в Москву. Домой, к матерям и женам, сестрам и детям.

Победа! Столица принимает парад победителей. Чеканя шаг, идут сводные полки фронтов. Фотография, запечатлевшая колонну 1-го Украинского фронта, как бы извлекла из переулков памяти давний, времен сорок пятого года, рассказ фронтового коллеги об одном из участников парада. Шли последние месяцы войны. Выполнив задание командования провести разведку в районе польского городка Кельце, подвижной отряд танкистов возвращался домой. Первые машины уже достигли опушки леса, когда командир отряда, гвардии старший лейтенант Василий Степанович Терещенко увидел, что дорогу ему преграждают три фашистских танка. Один из них с ходу срезал пушку командирского танка. И тогда Терещенко решился на крайнюю меру. «Таран!» — приказал он водителю. «Тридцать четверка» набрала скорость, с ходу ударила в борт ближайшего танка, опрокинула его, развернулась и тем же маневром протаранила вторую машину. Третья уже «навострила лыжи», но и ей был нанесен лобовой удар. За этот танковый «многоцелевой» таран весь экипаж танка был награжден орденами, а командиру присвоили звание Героя Советского Союза.

История эта, может, и затерялась бы во фронтовых журналистских блокнотах, если бы тридцать лет спустя я не прочел в «Правде» отчет о посвященном тридцатилетию Победы торжественном собрании во Дворце съездов. Вслед за Леонидом Ильичом Брежневым поднялся на трибуну рабочий ЗИЛа, в прошлом танкист, Герой Советского Союза В. С. Терещенко. Да, тот самый! Он скромно, не вдаваясь в детали, сказал, что его машина таранила три фашистских танка, и столь же скромно заметил, что в зале сейчас сидит и слушает его выступление жена, Анна Яковлевна, бывшая танкистка, бывший радист того героического «экипажа машины боевой».

Вернемся из зала Дворца съездов 1975 года на улицы Москвы 1945 года. Снова тревожно тут, снова люди настороженно внимают голосу Левитана, толпятся у газетных витрин — началась война с империалистической Японией.

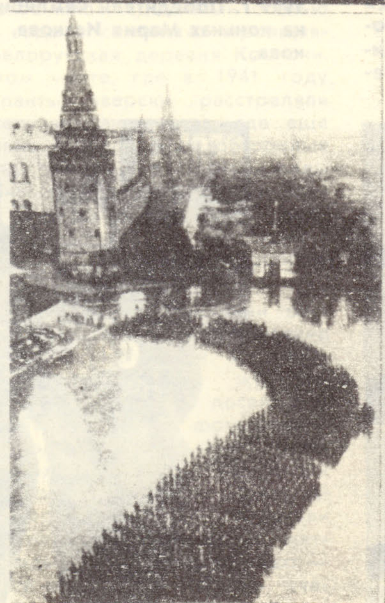
Но вот и эта война осталась позади.

ПАРАД ПОБЕДЫ

Фото М. Трахмана и Е. Халдея

24 июня 1945 года. В этот незабываемый день советский народ чествовал своих воинов-богатырей. Красная Армия послала на парад своих лучших сынов. Они сражались под стенами Москвы и Ленинграда, Сталинграда и Севастополя, в степях Украины и в лесах Белоруссии, на скалах Заполярья и в болотах Финляндии. По Красной площади торжественным маршем прошли герои Днепра, Вислы, Одера, Эльбы, герои Карпат, Альп, герои, взявшие Кенигсберг, Будапешт, Вену, Берлин. Исторический Парад Победы — увенчание триумфа могучей Красной Армии, советского оружия. На снимке вверху: командующий парадом маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский и принимающий парад маршал Советского Союза Г. К. Жуков объезжают войска. На снимке слева: непрерывным потоком вливаются колонны войск на Красную площадь. На снимке справа: церемониальным маршем проходит сводный полк 1-го Украинского фронта, впереди полка — маршал Советского Союза И. С. Конев.

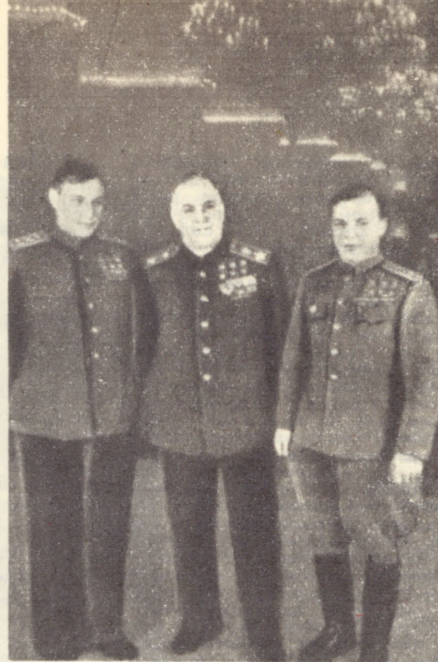

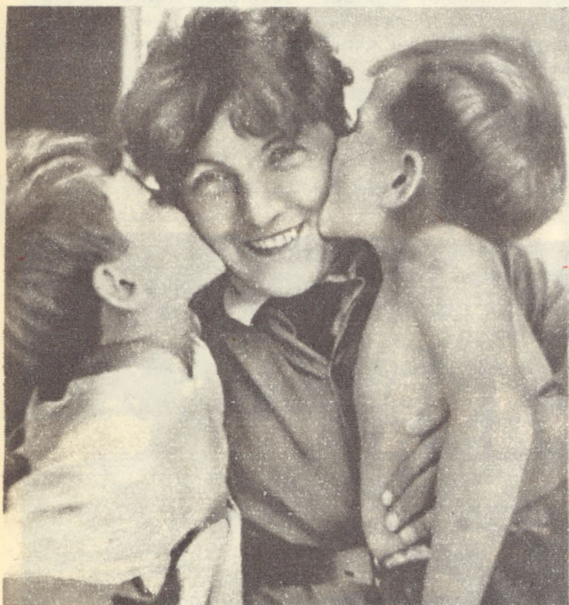
1945 г. Парад Победы.

1946 г. 10 февраля 1946 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР. В числе депутатов — М. А. Шолохов. На снимке: Михаил Александрович с детьми.

1946 г. Эта фотография трех депутатов Верховного Совета СССР сделана в перерыве между заседаниями первой сессии: трижды Герои Советского Союза гвардии полковник А. И. Покрышкин, маршал Советского Союза Г. К. Жуков и гвардии майор И. Н. Кожедуб.

1946 г. — «Поздравляем, мама!» Бригадир тракторной бригады, депутат Верховного Совета СССР П. Ангелина в июне 1946 года была удостоена Государственной премии.

1950 г. Рабочие московского завода «Красный пролетарий» ставят свои подписи под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия.

1945 г. Общий счет 19 : 9. Вся страна приветствовала их, футболистов команды московского «Динамо», победившей в матчах в Великобритании.

1949 г. Победители чемпионата мира по скоростному бегу на коньках Мария Исакова, Зоя Холщевникова, Римма Жукова.

...На журнальном развороте-фоторепортаж с Дальнего Востока. Смотрю на снимок, запечатлевший наших моряков в Порт-Артуре, и вспоминаю, как в жаркий августовский день 1945 года мы, военные корреспонденты, осматривали мощные укрепления легендарной военно-морской крепости и мысленно листали страницы истории ее героической обороны русскими солдатами и матросами — четыре яростных штурма выдержали они тогда, в пору русско-японской войны. Сорок лет спустя их внуки и правнуки вновь пришли сюда, но уже прославленными победителями в войне с японцами. Мы побывали и на здешнем русском военном кладбище, где еще сохранились могилы русских солдат и офицеров, павших в той неравной битве. У ворот нас встретил старик, бывший солдат царской армии. Он сразу вызвался быть нашим гидом. И первое, на что обратил наше внимание: «Вон, смотрите, товарищ ваш, ищет могилу деда...» Вдоль могильных плит, перечитывая высеченные на камне имена, неторопливо шагал советский офицер...

Вечером мы оказались в кругу авиаторов. После ужина они весело распевали очень популярную здесь в те дни песню с исполненными глубокого смысла словами: «...И на Тихом океане свой закончили поход».

Конец второй мировой войны. А ее эхо все еще доносится до советских людей. На Кубани судят предателей Родины — полицаев и прочую мразь. В Нюрнберге — главных нацистских военных преступников — приговор им был писан кровью миллионов погибших, замученных, сожженных в печах Майданека и Освенцима. Видные публицисты на страницах журнала подают тревожный сигнал: еще не разъехались судьи из Нюрнберга, а уже появились первые тучи «холодной войны». Еще не просохли чернила на соглашениях трех держав, достигнутых в Ялте и Потсдаме, а уже западные державы встали на путь ревизии этих соглашений. В 1947 году Даллес с трибуны Политического комитета ООН открыто заявил, будто в Тегеране, Ялте и Потсдаме были приняты решения, выгодные только СССР, и потому «не будет отступлений к Тегерану, Ялте и Потсдаму». Заметим, что 35 лет спустя господин Бжезинский переплюнул Даллеса и по телевидению предложил «подумать о том, чтобы публично отречься от Ялтинских соглашений». В Фултоне Черчилль, отбросив все дипломатические вуали, открыто призвал немедленно готовиться к войне против СССР.

Заявил о своем рождении агрессивный военный блок НАТО. В одном из майских номеров «Огонька» за 1949 год читаю статью Бориса Полевого и не верю глазам своим — не ошибка ли, в 1949-м ли напечатано это, может — в 1982-м? Слова в статье такие:

«Жизнеутверждающие победы социализма больше всего пугают и выводят из себя тех, кто принял у гитлеровцев эстафетную палочку расизма, кто, вопя о коммунистической опасности, в то же время провозглашает неофашистскую теорию о мировом господстве англо-саксонской расы, кто начиняет атомные бомбы с помощью миллиардов, украденных у простых людей, кто на костях трудового народа строит по всему миру военные базы и, болтая о мире, подписывает агрессивные военные пакты».

Борьба за мир стала основным звеном всей внешнеполитической деятельности Коммунистической партии и Советского государства. После окончания войны СССР вывел свои войска из Китая, Кореи, Норвегии, Чехословакии и Болгарии, куда они вступили, преследуя немецких и японских агрессоров. Вооруженные силы были уменьшены до размеров довоенного 1939 года. А лагерь империалистов продолжал бряцать оружием, угрожать атомными бомбами. Хиросима, Нагасаки — это атомный шантаж. Угрожали и нам и нашим друзьям из стран народной демократии.

Из номера в номер журнал публикует материалы, проникнутые воодушевлением и тревогой — миру нужен мир! В защиту мира выступают рабочие и крестьяне, деятели литературы, искусства, науки, люди, подписывающие Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия.

За мир, против войны выступают сыны и дочери всех народов СССР. Писатель Мирзо Турсун-заде рассказывает в «Огоньке» о Халиле Бейсеитовой, матери-героине из Алма-Аты. Подписываясь под Стокгольмским воззванием, она сказала: «Я воспитала десять детей. Один из моих сыновей — сотрудник Академии наук, другой окончил консерваторию, третий учится в железнодорожном техникуме, дочь — аспирантка, остальные дети учатся в школе. Только одного сына нет: он погиб под Сталинградом, защищая нашу счастливую жизнь от немецко-фашистских захватчиков. Конечно, я против войны, за мир!»

Мир и возрождение. Они были в ту пору неразделимы в сознании советских людей. Чтобы сорвать страшные планы новой войны, надо как можно быстрее залечить раны минувшей, призывали публиковавшиеся в те дни выступления борцов за мир.

...Возрождение! Оно началось еще в ту пору, когда пламя войны бушевало на советской земле. Уже в августе 1943 года — только-только прогремел первый салют Москвы — партия и правительство приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Документ этот, один из замечательнейших документов второй мировой войны, был проникнут верой в грядущую победу, в мощь Советского государства, в силу великой дружбы советских народов. И как бы в подтверждение журнал публикует фотодонесения: идет война, а Донбасс уже дает уголь, строитель принимает вахту от солдата, хлебороб вышел на поле недавнего боя, полным ходом идет возрождение Сталинграда, на берег Днепра приехали люди, коим поручено восстанавливать Днепрогэс.

В 1946 году на сессии Верховного Совета СССР был принят Закон о четвертом пятилетнем плане.

Позже, в 1978 году, советские люди с волнением читали книгу Л. И. Брежнева «Возрождение» — о героических свершениях тех послевоенных лет.

Л. И. БРЕЖНЕВ. ИЗ КНИГИ «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

«Закон о четвертом пятилетнем плане (1946—1950 гг.), принятый в марте 1946 года, предусматривал возрождение «Запорожстали»: «Восстановить производство тонкого холоднокатаного листа на Юге...» Всего одна строка, но для людей понимающих — очень весомая. Однако, учитывая сложность задачи, этот объект не сделали первоочередным. Шли разговоры, что-де только разборка завалов потребует нескольких лет. Высказывались мнения, что легче было бы создать производство заново, в другом месте. Так, например, советовали поступить специалисты ЮНРРА — международной организации, которая была создана для помощи странам, пострадавшим от фашистского нашествия. Побывав в Запорожье, они написали, что восстановить «Запорожсталь» вообще немыслимо, дешевле будет построить новый завод.

У меня нет никаких оснований считать этих специалистов некомпетентными или недобросовестными людьми. Они дотошно все осмотрели, все выяснили, все измерили — степень разрушения, уровень техники, нашу тогдашнюю энерговооруженность, наличие подъемных механизмов, трудовые ресурсы и т. д. Они не смогли оценить «всего лишь» жизнестойкость нашего народа, патриотизм советских людей, организующую волю партии.

Не учли этого и заокеанские политики. Видимо, очень уж им хотелось верить фашистскому генералу Штюльпнагелю, который после того, как его выбили из Приднепровья, докладывал Гитлеру: «Промежуток в двадцать пять лет — вот какой срок понадобится России, чтобы восстановить разрушенное». Самым мрачным прогнозам хотели верить империалисты США, потому что к тому времени они круто изменили отношение к СССР — своему союзнику по антигитлеровской коалиции...

Началась «холодная война». Она воцарилась на долгие годы, по существу на два десятилетия. Это был не первый и, к сожалению, не последний случай, когда капиталистические державы, уповая на наши трудности, пытались диктовать нам свою волю, вмешиваться в наши внутренние дела. Расчет был простой: все равно, мол, Советский Союз запросит эти машины, этот стальной лист, никуда коммунисты не денутся, придут с поклоном, станут на колени... И что же, погибли мы? Отступили? Приостановили свое движение? Нет! Просчитались в своей политике заморские мудрецы, о чем полезно сегодня напомнить, поскольку это и поучительно, и актуально...

В итоге работы на стройках, о которых здесь идет речь, не только не были приостановлены, но, напротив, пошли в нарастающем темпе. Отказанные американцами турбины и генераторы делали для нас рабочие, инженеры, конструкторы Ленинграда и Новокраматорска. И хотя сроки им были даны самые жесткие, машины они выпустили более надежные и более мощные, чем американские.

Ранней весной 1947 года возрожденный Днепрогэс дал первый ток. Что же касается производства стального листа, то советские люди сделали невозможное — восстановили сложнейшее производство всего за один год. Первую очередь завода «Запорожсталь» имени Серго Орджоникидзе (пять цехов, каждый из которых сам был, в сущности, заводом) мы сдали в эксплуатацию осенью того же 1947 года».

Крепла советская деревня. Возрождаемым колхозам государство помогало машинами, семенами, скотом. «Огонек» рассказывает, как крестьяне Закавказья, Средней Азии пришли на помощь селам, колхозам России, Белоруссии, Украины, порушенным оккупантами.

Народ наш не только восстанавливал разрушенное, он строил новые города, заводы, электростанции, гигантские оросительные каналы. Точнее было бы сказать: «народы наши». Поистине символом их братства стал город Рустави с гигантским металлургическим заводом. Первые дома новой улицы. На ней табличка: улица Запорожских строителей. Знак благодарности им. В 1950 году в Рустави вступила в строй первая мартеновская печь. Плавку на ней вели вместе со своими учителями из Донецка и Запорожья молодые грузинские сталевары. А еще есть тут улицы Черкасских химиков, Сумгаитских и Донецких металлургов, и вливаются они в площадь Дружбы народов.

Дружба народов! На страницах журнала она представлена во всей своей могучей созидательной силе. Вся страна помогала узбекам строить Фархадскую ГЭС, украинцам — Каховскую, волжанам — Куйбышевскую и Сталинградскую ГЭС. Бригада «Огонька», писатель Евгений Рябчиков, ныне уже старейшие фотомастера Дмитрий Бальтерманц и Алексей Гостев день за днем фиксировали рождение дороги пяти морей — Волго-Дона.

...Построенный! Восстановленный! Слова эти были самыми популярными в те послевоенные годы. Вот огоньковская фотохроника: восстанавливаемый Брянский паровозостроительный завод выпустил первый мощный магистральный паровоз «Победа»; 28 апреля 1947 года в Кремле были осмотрены новинки советского автомобилестроения — автомобили «Победа», «Москвич» «ЗИС-110», комфортабельный автобус «ЗИС-154»; изготовлен новый приемник «Радиотехника». Мелькают фотографии вновь построенных, восстановленных вокзалов, театров, дворцов культуры, школ, университетов, санаториев.

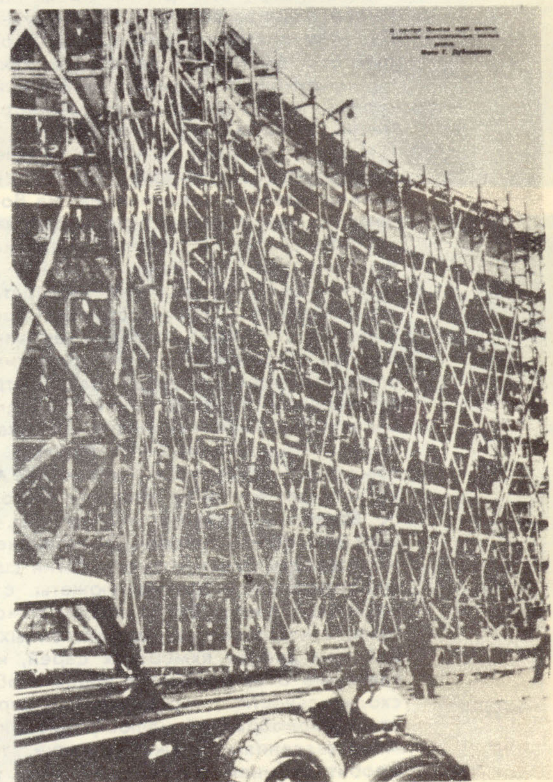
Фотоснимок, сделанный осенью 1948 года с самолета: строящаяся белорусская деревня Костюки. На том месте, где в 1941 году оккупанты зверски расстреляли 18 сельских активистов, где еще недавно торчали лишь обгорелые трубы, теперь вытянулись ряды каменных домов, крытых черепицей. Рядом с фотографией сообщение: в Белоруссии нет больше землянок. Такими, как Костюки, будут села республики.

Во всем своем величии раскрылись после войны творческие силы советских людей. Их портреты — на обложках журнала, цветных вкладках, им посвящены фотоочерки. А за фотографиями — подвиг, воспетый в стихах и песнях, романах и кинофильмах. Горняки Донбасса в рекордно короткий срок откачали 650 миллионов кубических метров воды из затопленных шахт — это все равно что осушить озеро площадью 70 квадратных километров и глубиной 10 метров. «Знакомьтесь,— приглашает

Окончание см. на стр. 20.

1949 г. В старинном берлинском Трептов-парке в четвертую годовщину разгрома фашистской Германии был открыт этот величественный памятник советским воинам, павшим в боях с фашизмом.

1948 г. В центре Минска идет восстановление многоэтажных жилых домов.

1952 г. Волго-Донской судоходный канал вступил в строй. По новой водной магистрали пошли караваны грузовых судов.

ЖИЗНЬ ТОРЖЕСТВУЕТ

Юрий ПОПОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Если верить легенде, то было время, когда боги свободно разгуливали по земле и заводили даже знакомство с простыми смертными. И вот однажды бог солнца Индра, снизошедший на древнюю землю Индрапраштры, как называлась тогда Кампучия, повстречался с юным сыном царя и так был пленен его красотой, что взял его с собой на небо, где на пяти вершинах священной горы находился его дворец. Принц был очень доволен. Сады, фонтаны, райские кущи. Но у некоторых небожителей, особенно у прекрасных божественных танцовщиц тевод, принц вызывал раздражение из-за своего земного происхождения, и те уговорили бога вернуть его на землю. Принц был вне себя от горя, и, чтобы утешить его, Индра повелел великому зодчему небес Преа Пушнуку построить для принца дворец, который был бы копией небесного. Так появился на кампучийской земле знаменитый архитектурный храмовый комплекс Ангкор-Ват. Конечно, если верить легенде.

И вот мы стоим у стен этого величественного сооружения, созданного много веков назад руками древних кампучийцев. На Востоке есть немало памятников старины, оставшихся от тех времен, когда влияние индийской культуры было здесь особенно сильным. Древнеиндийский эпос Рамаяна и Махабхарата, распространившийся в Юго-Восточной Азии, утвердился в качестве основы верований и обрядов, сохранившихся во многих странах вплоть до наших дней, он нашел отражение и в творениях древних зодчих. Среди этих памятников знамениты пещеры Аджанта и Эллора в Индии, храмы Каджурахо, храмовый комплекс Боробудур в Индонезии. Ангкор-Ват не уступает им ни по своей грандиозности, ни по богатству скульптуры и резьбы, украшающей его стены, галереи, внутренние дворики и переходы. Здесь изваяны сотни сцен на мифологические и другие сюжеты с тысячами различных фигур. Тут и схватки демонов с богами, и изображение торжественных церемоний при дворах кхмерских царей, и надписи, гласящие о величии этих владык, об их «снисходительности, терпеливости, справедливости». Своеобразной иллюстрацией к этим самовосхвалениям служат фрески, где палач дробит дубинкой кости тому, кто расхищает царские сады, другого провинившегося беднягу опускают в котел с расплавленным оловом, а третьему, рвавшему цветы в священных садах, вбивают в голову гвозди.

Это было сотворено давно — девять веков назад. Тогда город Ангкор, раскинувшийся вокруг храма, был столицей обширного и могущественного государства, и жизнь здесь била ключом. Но с течением времени город, подвергавшийся неоднократным набегам с севера, захирел, деревянные дома разрушились, люди ушли, джунгли захватили окрестные поля, лианы опутали древние храмы Ангкора и о нем забыли. Лишь спустя много лет кто-то случайно наткнулся на эти постройки, и они вновь вернулись к человеку как свидетельство прошлого величия кхмерского государства, как великолепный образец древней культуры и искусства.

Сейчас около Ангкор-Вата и расположенного неподалеку другого архитектурного ансамбля Байон, столь же впечатляющего своими фантастическими башнями и строениями, посетителей мало. Сейчас сюда не так легко добраться. У народной Кампучии пока еще нет возможностей и средств восстановить туристическую службу хотя бы в минимальном объеме. Слишком много других, более важных, неотложных проблем приходится решать, чтобы ликвидировать разрушительные последствия хозяйничанья на кхмерской земле кровавых полпотовских бандитов. Но придет время — и все наладится, и снова эти прекрасные творения станут доступными и для самих кампучийцев и для их гостей.

Ангкор-Ват и Байон нам удалось посмотреть в самый последний день пребывания в Кампучии. Мы летим обратно в столицу Пномпень. Под нами сплошной ковер густого зеленого леса, который, внезапно обрываясь, уступает место голубому зеркалу озера Тонлесап. Поистине щедра и богата земля Кампучии. В этих тропических лесах растут ценнейшие породы деревьев. Плодородные поля дают богатые урожаи риса. В реках и озерах полно рыбы. Можно предположить, что и недра страны хранят большие сокровища, хотя разведкой полезных ископаемых пока еще всерьез никто не занимался. Но озеро Тонлесап — это благословение Кампучии.

В то время как большинство стран Юго-Восточной Азии в период дождей страдают от разрушительных наводнений, сама природа позаботилась о том, чтобы предохранить от этого бедствия землю кхмерского народа. Расположенное почти в самом центре страны, озеро выполняет функцию естественного водохранилища, регулятора стока одной из крупнейших рек Азии — Меконга.

В сухой сезон, когда река мелеет, вода из озера по протоке того же названия течет в Меконг. В сезон дождей, когда бурные воды Меконга грозят снести все на своем пути, озеро принимает в себя избыток воды. Оно увеличивается в размерах более чем втрое, и это в какой-то степени спасает страну от наводнений. И так каждый год. В сухой сезон озеро становится самым богатым рыбой естественным водоемом в мире, и могу от себя добавить — рыбой очень вкусной. Бывает, конечно, что и Тонлесап не спасает от стихийных бедствий. Случаются и тут засухи и наводнения. Но все же не так часто, как в иных местах.

Как-то не укладывается в голове, что вот на фоне этого тропического великолепия, на фоне этого природного изобилия была разыграна одна из самых страшных трагедий за всю историю кхмерского народа, да и не только кхмерского. Когда я отправлялся в эту страну, то думал писать о сегодняшней Кампучии, о том, что происходит там сейчас, о том, как она восстанавливается. И первое впечатление было таким, что вроде бы все здесь уже более или менее в порядке. На улицах столицы оживленное движение. Они хоть и требуют кое-где ремонта, но чисто подметены, полыхают алыми, желтыми и синими цветами, деревья вдоль тротуаров. Дома кое-где закопченные, но, в общем, уже заселены. На рынках полно овощей, рыбы, кур, яиц и других продуктов. Там же продают и промышленные товары, в том числе ткани и обувь. За три с небольшим года, прошедшие со времени свержения полпотовского режима, сделано много, очень много. Но впереди еще большая работа.

Не прожил я в Пномпене и дня, как понял, что без прошлого не обойтись. Без прошлого вообще нельзя обойтись, если ты пишешь о какой-либо стране. А здесь совсем недавнее прошлое было сплошным кошмаром. Оно еще очень живо, еще не затянулись глубокие кровоточащие раны, не прошла острая, выворачивающая наизнанку душу боль.

Главной проблемой, с которой столкнулось правительство народной Кампучии после победы революции в 1979 году, была проблема возрождения даже не нации, а просто жизни. Страна лежала буквально в руинах, население загнано в концентрационные лагеря, миллионы людей уничтожены. Опустела столица и другие города. Посол СССР в Кампучии Олег Владимирович Босторин, находящийся в Кампучии с тех самых времен, рассказывал, что начинать пришлось не просто с нуля, а даже с минусовой отметки, ибо, прежде чем создавать, нужно было многое расчистить. Сейчас уже все позади. Сейчас есть и электричество, функционирует водопровод, работают рестораны и рынки. 400 тысяч человек насчитывается в Пномпене. Правда, коренных жителей столицы осталось очень мало. Сейчас большинство жителей — бывшие крестьяне из близлежащих районов, которые переселились в Пномпень после освобождения страны.

Основным занятием населения в Кампучии всегда было сельское хозяйство. И именно это звено стало самым важным в той программе восстановительных работ, которые были разработаны с первых дней создания народной республики. В министерстве сельского хозяйства мы беседуем с заместителем министра товарищем Ним Чхенем. Высокий, подтянутый, он легко оперирует цифрами и фактами.

— Мы как раз на днях подводили итоги прошлого года. В общем, обстановка была непростой. В некоторых районах посевы пострадали от засухи, в других, наоборот, были наводнения. Но предпосылки для развития имеются хорошие. Мы пока еще не достигли того, что имели. Под рисом, например, площади могут быть расширены до 2,5 миллиона гектаров вместо нынешних 1,6 миллиона. Помимо риса, Кампучия, как вы, вероятно, знаете, возделывала целый ряд технических культур — таких, как каучуконос, хлопчатник, джут, сахарный тростник. Сбор их также начинает давать ощутимые результаты. Животноводство становится на ноги. У нас сейчас ограничили убой скота на мясо. Ведь быки и буйволы — это наша основная «механизация» на полях. Помимо того, они являются, если так можно выразиться, и источником удобрений, что также необходимо для повышения урожайности. Приходится нам заниматься и восстановлением ирригационной системы, почти полностью выведенной из строя во времена Пол Пота. Мы снимаем практически по два урожая риса ежегодно, и орошение играет

Они сели за парты лишь три года назад. При полпотовцах никто не учился * Древний Ангкор-Ват.

На развороте вкладки: Студентка. После перерыва снова за учебу * Открылся музей кхмерского национального искусства * Защитник народной Кампучии.

большую роль в районах, подверженных засухе.

— Трудностей много?

— И не говорите. Не хватает квалифицированных сельскохозяйственных кадров. Не хватает цемента для восстановления ирригационных систем, не хватает удобрений, тягловой силы. Но ведь мы только-только пришли в себя. В будущем все наладится.

Предпосылки для роста сельскохозяйственной продукции созданы основательные. В группах производственной солидарности объединено более 90 процентов крестьянских хозяйств. Они уже имеют и свои тракторы и другие сельскохозяйственные машины, поставленные из дружественных стран. Растут урожаи, и крестьяне часть зерна продают на рынках.

Мы прощаемся с товарищем Ним Чхенем. Времени мало, а впереди еще целый ряд визитов. Жара стоит изнуряющая. Ртутный столбик подкатывает где-то под 40 градусов. Все с нетерпением ждут наступления более прохладного, дождливого сезона, который начинается здесь в июне. Однако, несмотря на жару, веселая ребятня вовсю гоняет мяч во дворе детского дома № 2, куда мы прибыли после беседы в министерстве сельского хозяйства. Вихрастые, с блестящими глазами, со сбитыми коленками, как и положено мальчишкам; они нашли здесь свой дом, свою школу, свою семью. Половина всех детей в Кампучии — сироты. Здесь живет 480 мальчиков и девочек в возрасте от шести до пятнадцати лет. В стране таких домов уже десятки.

Учитель товарищ Йонг Вон рассказывает, что ребята учатся в две смены — утреннюю и вечернюю. Они не только занимаются, но и трудятся на полях.

— Ведь правительство пока еще не в силах полностью обеспечить нас всем необходимым — одеждой, спортинвентарем, учебными пособиями. Вот мы и сами стараемся что-то заработать. Вы видели — там, у входа, ребята мыли грузовик? За это мы тоже кое-что получаем.

У учителя волосы седым коротким ежиком, он в голубой рубашке и сандалиях на босу ногу. Глаза добрые и печальные. Мы прошли в столовую под навесом, где дежурные торопливо расставляли тарелки — приближался час обеда. На кухне также хозяйничали под присмотром взрослой поварихи девчушки в белых кофточках. Здесь привыкли все делать сами.

— Как попадают сюда дети? — переспрашивает учитель.— Разными путями. Некоторых взяли с рынков, где они попрошайничали. Других прислали их дальние родственники — не могут прокормить. Таких, правда, немного. Третьи сами пришли — видят, здесь живется хорошо. Но, конечно, потребность в такого рода учреждениях еще не полностью удовлетворена.

Вот две совсем коротенькие, но типичные биографии. Сиен Лисат. Мальчик тринадцати лет. Родился в провинции Прейвэнг. С приходом полпотовских войск их всех загнали в лагерь, именовавшийся коммуной. Отца вскоре убили, Сиен остался с матерью. Но вскоре и ее увели. Мальчик убежал из-под охраны и отправился на поиски матери. Где-то неподалеку он ее увидел. В последний раз. Он увидел, как ее ударил дубинкой по затылку полпотовский солдат, и ее сбросили в общую яму. С тех пор он не возвращался в лагерь. Сейчас он хорошо учится, способный ребенок.

Девочка Прак Сенькун, заместитель председателя пионерской организации. Хорошенькая, с тоненьким голоском. Родилась в провинции Кандаль. В детдоме с самого начала его существования — с 1979 года.

— От нашей деревни осталось всего пять семей,— говорит она.— В лагере нам риса не давали, и многие умерли от голода. Родителей увели, и я не знаю до сих пор, что с ними.

Я вижу, как у нее наполняются слезами глаза и начинают подергиваться губы. Учитель быстро меняет тему разговора, но и у него наворачиваются слезы, и у меня под очками становится мокро.

И опять в душе возникает ощущение исступленного негодования и ненависти к этим полпотовским бандитам и их пекинским хозяевам, принесшим людям столько страданий. То, что здесь происходило,— это маоизм в действии. Обученные в Пекине в ходе так называемой «культурной революции» мастерству заплечных дел, сами полукитайцы Пол Пот и Иенг Сари и вся их клика не только планировали довести население Кампучии до двух миллионов, как они признались однажды в беседе с великим кормчим. Им нужно было ликвидировать всех людей, способных хоть сколько-нибудь самостоятельно мыслить. Они сделали опору на самые темные, отсталые слои населения из глубинки, с тем чтобы вложить в их мозги примитивные маоистские лозунги, оправдывающие их преступный курс, выдаваемый за практическое претворение «идей социализма».

Бывший плейбой-король Кампучии Нородом Сианук занимался в свое время только собственными удовольствиями. При нем столица звенела, шумела, и вокруг была видимость процветания. Но это процветание было чисто внешним. Подавляющая часть народа жила в бедности и невежестве. Современная цивилизация не доходила до далеких деревенских жителей. Практически ничего не делалось для того, чтобы поднять уровень образования этих отсталых людей, испытывавших традиционную ненависть к жителям городов, к интеллигенции, к рабочему классу и даже просто к грамотным людям. Вот и пошли они ломать, крушить, калечить, убивать, натравленные своими вождями и «идеологами».

Кампучия сейчас встала из руин, жизнь вошла в нормальное русло. Более трехсот промышленных предприятий дают продукцию. Работают железные дороги, по дорогам мчат автомобили. Дети ходят в школы, открылись музеи национального искусства, экспонаты которых по крохам собирались и собираются по всей стране. Работают министерства. Правительство, возглавляемое Хенг Самрином, стоит прочно и правит страной уверенно. Создана административная структура, распространяющаяся на всю страну. И все это сделано за три года.

Среди предприятий, вступивших в строй, и стекольный завод, расположенный километрах в шестнадцати от столицы. Директор завода работал здесь еще до полпотовских времен. Рассказывает спокойно, глядя в глаза с легкой улыбкой на лице. Стекольный завод начал давать продукцию еще в 1966 году. В то время это было хоть и не очень большое, но вполне современное предприятие, изготовляющее различную посуду и другие стекольные изделия. Продукция, очень нужная стране.

— Но при полпотовцах наша фабрика остановилась, как и все другие, значительная часть оборудования была выведена из строя. Когда завод работал на полную мощность, здесь было 500 рабочих. После апреля 1979 года пришло обратно только 20 человек.

— Куда делись остальные?— задаю я несколько наивный вопрос.

— А вы поезжайте посмотрите сами. Здесь недалеко, километров пять. Как выедете из ворот, сразу налево, а потом снова налево мимо деревушки, и дорога вас приведет куда надо.

Мы познакомились с предприятием, выпускающим нехитрую продукцию — стаканы, светильники, пепельницы. Побеседовали с рабочими, которых сейчас уже около 300 человек, узнали о трудностях восстановительных работ и самого производства.

А затем по совету директора, у которого во время террора погибли отец и шестеро братьев, мы отправились к месту захоронения тысяч казненных людей, которое было обнаружено после свержения полпотовского режима. Пыльная ухабистая дорога, проложенная по насыпи между двумя пересохшими каналами, бедная деревушка с дощатыми домиками, косматые пальмы и пожелтевшие широколистные бананы (дождей давно не было) — таков пейзаж. Нас провожают пугливые взгляды босоногих мальчишек и любопытные — женщин. Внезапно дорога кончается около сооружения, напоминающего длинный навес для сена. Но там не сено. На дощатых стеллажах — тысячи и тысячи черепов. Под ними человеческие кости. Груды костей, выкопанных из находящихся рядом глубоких ям. Здесь находилась полпотовская бойня для людей. Пустыми глазницами смотрят эти серые черепа на рисовые поля, на безоблачное небо, на пасущихся коров и на эти ужасные ямы, где они пролежали до тех пор, пока их не извлекли на поверхность. Почти на всех черепах следы насильственной смерти. Они все проломлены дубинками. У некоторых сохранились полуистлевшие повязки на глазах. Апофеоз геноцида. Память для потомков.

Кем были эти погибшие здесь люди? Они могли быть учителями, врачами, музыкантами, рабочими, крестьянами, чиновниками, просто жителями столицы. Кем угодно. Их истребляли. Истребляли целый народ — планомерно, обдуманно, безжалостно. По указке из Пекина и с молчаливого благословения вашингтонских поборников «прав человека».

Страна, испытывавшая страшные потрясения, нашла в себе силы вновь подняться из руин. Сейчас уже не стоит вопрос о том, чтобы выжить. Речь не идет о национальном спасении. Жизнь поистине торжествует. Но трудностей много. И вполне естественных в нынешних условиях, в результате хозяйничанья полпотовской клики, и создаваемых искусственно теми, кто не смирился с провалом своих планов и надежд. Пол Пот и Иенг Сари были и остаются верными агентами Пекина. Пекин до сих пор при попустительстве таиландских властей снабжает в изобилии оружием недобитые полпотовские банды, окопавшиеся на таиландской территории вблизи границы, откуда производятся налеты на кампучийские деревни и села. До сих пор полпотовская клика убийц изображается Пекином как законное правительство Кампучии. Недавно с его помощью была предпринята попытка навести некий камуфляж на дискредитировавшую себя в глазах всей мировой общественности банду. С этой целью к Пол Поту решили подсадить других обанкротившихся деятелей — Нородома Сианука и бывшего однажды премьер-министром Сон Санна. Была распущена даже полпотовская «коммунистическая партия». Но эта затея по объединению трех контрреволюционных групп для создания «коалиционного» правительства давно не существующей «демократической Кампучии» уже никого не обманет. Предпринимаются попытки, используя уже давно не существующий «кампучийский вопрос», ухудшить отношения между странами АСЕАН и тремя государствами Индокитая.

Любопытно, что в своих грязных происках против народной Кампучии «ультрареволюционный» Пекин нашел полное понимание и поддержку со стороны ультрареакционного Вашингтона. И тот и другой, например, с одинаковым рвением выступают против того, чтобы народная Кампучия заняла свое законное место в Организации Объединенных Наций. Благодаря их поддержке клика Пол Пота, место которой в лучшем случае за тюремной решеткой, продолжает представительствовать, никого не представляя, в ООН. Нет никакого сомнения, что Вашингтон оказал давление на Таиланд с целью пропуска китайского оружия для изгнанных из Кампучии бандитов и убийц.

Перед отъездом в Кампучию у меня в Москве произошел любопытный разговор с одним сугубо западным дипломатом, который решил просветить меня в отношении точки зрения Запада по этому вопросу.

— Видите ли,— сказал он.— Мы прекрасно понимаем, что правительство Пол Пота совершило большие злодеяния в своей стране. Но ведь оно было свергнуто извне, при помощи вьетнамских войск, которые, кстати, продолжают оставаться на территории Кампучии. Это — нарушение всех международных норм.

Я не стал напоминать ему про американскую агрессию во Вьетнаме, да и в Лаосе, и в той же Кампучии. Я только спросил его: а что было бы с этой страной, с ее народом, если бы не Вьетнам? Он сказал, пожимая плечами:

— Но это уже другой вопрос.

Уличный театр одного актера * Цветут лотосы * С той стороны Меконга едут на базар * Улица в Пномпене * На уроке в школе национального танца * Урок русского языка в советском культурном центре.

Но это совсем не другой вопрос. Вьетнамские войска вступили в Кампучию вполне законно по просьбе нынешнего правительства страны. Вьетнам не только помог избавиться от волчьей стаи Пол Пота — Иенг Сари, но и оказал большую поддержку в возрождении самой жизни страны, ее государственных институтов, экономики, культуры. В Кампучии мне приходилось беседовать со многими официальными лицами и с простыми людьми на улицах. И каждый кампучиец с благодарностью говорил о той нелегкой и благородной миссии, которую пришлось взять на себя Вьетнаму.

Хотелось мне сказать моему западному собеседнику и другое. Израиль посылает свои войска на территорию другого государства — Ливана — без всякого приглашения, чтобы убивать ни в чем не повинных людей, у которых он сам отнял принадлежащую им землю. И здесь возражений, по сути дела, со стороны Запада никаких нет. А Вьетнам, который помог спасти целую нацию, подвергается осуждению. Где же логика?

Хорошие, добрые отношения сложились у народной Кампучии с Советской страной. Эти отношения дружбы и разностороннего плодотворного сотрудничества крепнут и развиваются на благо народов обеих стран, в интересах мира, демократии и социализма. Советский народ оказывал и оказывает полную поддержку усилиям дружественной Кампучии, направленным на осуществление социально-экономических преобразований в стране. В ходе состоявшегося в мае визита в Советский Союз члена Политбюро ЦК Народно-революционной партии Кампучии, заместителя Председателя Совета Министров, министра иностранных дел Народной Республики Кампучии Хун Сена были обсуждены перспективы дальнейшего развития советско-кампучийского сотрудничества, а также актуальные проблемы современного международного положения. В советско-кампучийском коммюнике, опубликованном в результате визита, говорилось о том, что СССР приветствует дальнейшее укрепление братской дружбы и солидарности Народной Республики Кампучии, Социалистической Республики Вьетнам и Лаосской Народно-Демократической Республики. Было подчеркнуто, что тесное единство и сплоченность народов Индокитая является важным фактором мира в этой части Азии.

Вместе с тем в коммюнике отмечалось, что государства этого района, и в первую очередь НРК, СРВ и ЛНДР, продолжают оставаться объектом опасных интриг и грубого давления со стороны империалистических и гегемонистских кругов, которые несут ответственность за разжигание напряженности в отношениях между двумя группами стран — АСЕАН и Индокитая.

Министр иностранных дел народной Кампучии подтвердил стремление государств Индокитая к конструктивному диалогу, расширению сотрудничества и контактов со странами АСЕАН в целях нормализации отношений между двумя группами государств Юго-Восточной Азии.

* * *

Самолет уходит в Хошимин рано утром. Оттуда в Москву. Улицы пробуждаются к новому трудовому дню. Звенят велосипедные звонки, трещат мотоциклы. Спешат на работу служащие различных учреждений, открываются двери харчевен. С той стороны Меконга крестьяне везут на рынок картофель, овощи, фрукты, рыбу. Расставляют на улицах свои лотки уличные торговцы нехитрой снедью. Мать моет своих шоколадных черноглазых и совершенно голых сорванцов у водопроводной колонки. Вчера, когда над Вьентьяном спустилась ночь и в бархатном небе зажглись бриллиантовые южные звезды, я вышел на улицу подышать остывшим, прохладным воздухом. Напротив в доме горели разноцветные лампочки. Доносилась мелодичная, тихая музыка. Там было много людей. Буддийский монах жег благовония. Ставились во дворе столы с различными угощениями. Это была свадьба. Их много сейчас в Пномпене, свадеб, и много рождается ребятни.

Счастливой тебе жизни, Кампучия!

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯНКИ КУПАЛЫ

ДЯДЬКА

Рыгор **БОРОДУЛИН**

На традиционном воскреснике весны в этом году белорусские поэты и прозаики сажали сто дубов в деревне Вязынка на Минщине, где ровно сто лет назад, 7 июля 1882 года, родился Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич).

Число «100» в Белоруссии любимо и почитаемо издавна. Сто лет всегда желают друг другу за праздничным столом, сто лет тому назад это было, говорят, когда вспоминают о чем-то не совсем далеком. Для городов белорусских восемь-девять столетий — возраст средний. И литература наша, корнями своими уходящая в древность, в легенды и предания, но по-настоящему окрепшая и полное признание получившая только после Великого Октября, начинает привыкать к столетним юбилеям. Для каждого белоруса этот год особенно дорог величием трех праздников: 60-летием Страны Советов и столетием со дня рождения замечательных поэтов славянского мира — Янки Купалы и Якуба Коласа. Слово зачинателя новой белорусской литературы — Янки Купалы — звучит многоязыко и широко: по решению ЮНЕСКО 100-летний юбилей Янки Купалы включен в международный календарь торжеств 1982 года.

Первый народный поэт Советской Белоруссии, академик, всемирно признанный мастер начинал свой путь в мрачные годы, когда само слово «Беларусь» старались стереть с карт и из сознания самих белорусов. Северо-западный край — так удобнее было обозначить целую страну, чье книгопечатание исчисляется четырьмя столетиями, чьи культурные традиции уходили в глубины веков. Разве что в царском титуле еще оставалось упоминание о белой Руси. Язык белорусский с пренебрежением назывался «мужицким», «хамским». И вот на языке этом осмелился подать свой голос неизвестный молодой поэт, требуя права гражданства своему родному языку.

Гонимое слово, родимое слово!
Греми ж над родною землей,
Что мова родная, пусть бедная мова,
Милее богатой чужой.

КОМИССАР ТЕРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Г. БУАЧИДЗЕ

А. СМОЛЬНИКОВ,
кандидат исторических наук

«...Послал письмо о швейцарских делах только Ною...»— пишет В. И. Ленин осенью 1916 года из Цюриха в Женеву. В другом почтовом отправлении Владимир Ильич просит передать для прочтения свою рукопись опять тому же Ною.

Кто же он, этот Ной, которому оказывает такое доверие Владимир Ильич Ленин?

1904 год. Крестьяне Шорапанского уезда в Грузии, желая положить конец ненавистному гнету местных князей и царских наместников, поджигают казенные леса, рушат постройки и дороги.

В эти-то дни, когда гнев народный достиг своего предела, гроза переляться в народное восстание, отважный грузинский революционер Самуил Григорьевич Буачидзе, любимец пролетариата Грузии, член РСДРП с 1902 года, организует полулегальное собрание крестьян своего родного села Парцхнали. Когда все собрались, из толпы вышел прихрамывавший и загримированный в целях конспирации С. Буачидзе. Его называли Ноем. Выступив перед крестьянами, он рассказал, что поджогами и разрушениями они ничего не добьются. Спасение от произвола самодержавия — в революции, свержении царизма и капитализма, установлении власти пролетариата.

Из крестьян никто не опознал оратора. Самуила Буачидзе не узнала даже родная мать, которая тоже была здесь и слушала выступающих. С этого времени и закрепилась за ним партийная кличка — Ной.

В годы первой русской революции 1905—1907 годов Буачидзе — один из организаторов массового революционного движения рабочих, трудовых казаков, крестьян, горцев против самодержавия. Попытка создать первую в этих местах территорию, которой бы управляли выборные из среды трудящихся местные органы власти по типу Советов, получила в документах полиции название «мятежной Квирильско-Белогорской республики». А ее главный организатор и вдохновитель — народный учитель Ной был заочно приговорен к смертной казни.

И вот этот хрупкий с виду человек в разгар зимы одолевает

ЯНКА

От имени того, кто создает все, от имени бесправного и извечного пахаря говорил поэт во весь голос.

Читать, писать я не умею,
Не ходит гладко мой язык,
Ведь только знай пашу и сею,
Ведь я мужик, дурной мужик.

15 мая 1905 года в минской газете «Северо-западный край» было напечатано первое стихотворение Янки Купалы на белорусском языке — «Мужик». А в 1908 году петербургское землячество «Заглянет солнце и в наше оконце» выпустило сборник поэта «Жалейка» («Дудочка»).

Первая книга Янки Купалы сразу же была замечена. Известный критик Владимир Самойло в газете «Минский курьер» (23.VIII.1908) в статье «Великий праздник» приветствовал появление книги как огромное событие в жизни народа и предвещал будущее Янке Купале: «...Придут лучшие времена, и за подвиг его родной народ заплатит ему своей лучшей благодарностью — бессмертием».

Опасный талант Янки Купалы сразу же заметила и царская цензура. Санкт-Петербургский комитет по делам печати 4 октября 1908 года докладывал прокурору судебной палаты о неблагонадежности книги «Жалейка», подчеркивая, что содержание отдельных стихов Янки Купалы «должно быть признано в особенности преступным». Надо отдать должное, что у реакции всегда особый нюх и острое чутье на таланты.

Купаловский герой не поникший духом беспросветник, он активно ищет ответа, откуда несправедливость, как искоренить ее.

И какова же была радость Янки Купалы, когда в 1911 году в № 2 журнала «Современный мир» А. М. Горький обратил внимание «на молодую литературу белорусов» и перевел стихотворение Янки Купалы «А кто там идет?», назвав его своеобразным гимном белорусов.

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такой толпой?
Белорусы.
А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках? —
Свою кривду.
А куда они несут эту кривду всю,
А кому они несут напоказ свою? —
На свет божий.
А кто же это их — не один миллион —
Кривду несть научил, разбудил их сон? —
Нужда, горе.
А чего ж теперь захотелось им,
Угнетенным века, им слепым и глухим? —
Людьми зваться.

Янка Купала стремился «закалить себя и отшлифовать на службу белорусского дела и белорусского народа». И сама жизнь закаляла и шлифовала поэта. И землю пахал, и был писарем судебного следователя, работал практикантом и помощником винокура, сотрудничал в газете «Наша ніва», а потом редактировал ее, служил в царской армии и все время неустанно учился, чтобы потом словом своим приобщить Беларусь к мировой сокровищнице знаний и литературы.

На всех исторических этапах родной страны и народа своего Янка Купала был предвестником, глашатаем, пророком.

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции, которую принял как гражданин и как поэт, Янка Купала включается в новую жизнь. Участвует в создании национального театра (комедия «Павлинка» в Белорусском академическом театре его имени уже начала отсчет второй тысячи спектаклей), Белорусского государственного университета, Академии наук БССР.

В домике I съезда РСДРП Янка Купала переводит «Интернационал» на белорусский язык. Это очень символично.

Переводит «Слово о полку Игореве» прозой и стихами. Много внимания и душевной энергии отдает любимый народом поэт литературной смене.

В золотой фонд советской поэзии вошли стихи Янки Купалы о новой, советской Белоруссии: «Орлятам», «Я— колхозница», «Гости», «Вечеринка», «Алеся», «Лен».

В годы Великой Отечественной войны листовками сбрасывалось на временно оккупированную белорусскую землю стихотворение Янки Купалы «Белорусским партизанам», наравне с боеприпасами необходимы были для народных мстителей строки поэта:

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

В 1943 году Александр Фадеев писал, перечитав избранные произведения народного поэта: «Давно не читал более чистой книги. Все, что относится к дореволюционному времени, не имеет себе равного по кровной близости к мужику, возведенной на уровень самой подлинной поэзии. Впервые ознакомился с поэмами Купалы,— они исключительно своеобразны по какому-то соединению приемов символизма с правдой жизни и кровной близостью к белорусскому мужику («Извечная песня» — тяжкая и грустная до слез). «Она и я» — поэма исключительного своеобразия, земная, языческая и в то же время по-белорусски тихая, акварельная и опять и опять мужицкая».

Возвращаясь к раннему Янке Купале, хочется вспомнить строки А. М. Горького о поэме «Извечная песня», написанные великим пролетарским писателем в 1910 году: «У Купалы есть небольшая поэмка «Адвечная песня» — вот бы перевести ее на великорусский язык!»

Сегодня произведения Янки Купалы, переведенные на многие языки народов Советского Союза и мира, доступны широкому читателю.

Имя народного поэта Белоруссии носят театры, библиотеки, пароходы, улицы, школы.

Имя Янки Купалы навсегда в сердце народа.

При жизни по народному белорусскому обычаю к Янке Купале обращались как к старшему и уважаемому человеку со словом «дядька». И в дни юбилея великого поэта хочу обратиться к его памяти своими стихами:

Если бы ветры всей Беларуси
Курган намели,—
Он был бы пылинкой
У подножия заоблачной выси
Славы твоей.

Если бы чащи всей Беларуси
Листвою устлать решили
Те тропы, где ты прошел,
У лесов
Не хватило бы листьев.

Если бы грозы все зарыдали,
Их чистые слезы
Были бы только одной росинкой
На ресницах тоски по тебе,
Иван Доминикович,
Дядька Янка,
Купала...

Минск.

забитый льдом и снегом Мамисонский перевал на Главном Кавказском хребте. Он вынужден перейти на нелегальное положение, жить по подложному паспорту.

В конце 1906 года его все-таки арестовывают, но установить его личность жандармам, к счастью, не удается. Только за принадлежность к большевистской партии Ноя приговаривают к четырем годам каторжных работ с последующей высылкой на вечное поселение в Сибирь. В 1911 году ему удался побег из Якутской ссылки, а вслед за этим — эмиграция за границу.

С. Г. Буачидзе

В Турции он устроился преподавателем русского языка во французском колледже при монастыре грузин-католиков в Самсуне. Но в начале мировой войны Буачидзе, преследуемый турецкими властями за антивоенную интернационалистскую деятельность, вынужден бежать в Болгарию, переодевшись в платье монаха.

Жизнь в этой стране — целый этап в деятельности закаленного большевика, пропагандиста ленинских идей. Он быстро устанавливает прочные связи с партийной организацией болгарских революционеров и лично с Г. М. Димитровым.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранятся несколько писем Ноя, посланных Ленину из Софии в Швейцарию. Подтверждает переписку и целый ряд фактов, сведения о которых включены в Полное собрание сочинений и Биографическую хронику В. И. Ленина. «На Благоева и Димитрова,— писал Ной Ленину,— мы всегда и везде можем положиться, отмечая их преданность делу революции». Активный борец против национализма и социал-шовинизма, центризма, в годы войны Ной выступал как пламенный борец за единство национальных и интернациональных задач пролетариата.

Однако не всем планам Ноя было суждено сбыться в этой солнечной стране. Высланный из Болгарии, Ной переезжает в Швейцарию и с еще большим рвением отдается изучению марксистской теории, учится в Женевском университете.

Как-то в конце августа 1916 года С. Г. Буачидзе и М. Г. Цхакая — в прошлом ученик и учитель по Кутаисскому пятиклассному сельскохозяйственному училищу, слушатель и руководитель подпольного марксистского кружка — отправились навестить В. И. Ленина и Н. К. Крупскую, живших тогда в недорогом альпийском пансионе Чудивизе во Флумзских горах. Встреча не обошлась без обсуждения наболевших задач партии, ее будущих перспектив. Далеко не все еще письма из взаимной переписки В. И. Ленина и С. Г. Буачидзе до сего времени разысканы, но уже и то, что бережно сохранено, свидетельствует о том, что Ленин с уважением и большим доверием относился к товарищу Ною, посвящая его в вопросы партийной жизни.

Пройдет не больше полугода, как свершится Февральская буржуазно-демократическая революция. А уже в апреле Буачидзе возвратится из-за границы в Петроград. Партия направит его на работу на Северный Кавказ. И вскоре владикавказские большевики одерживают блестящую победу на выборах в городскую думу и в Учредительное собрание.

Горское буржуазное правительство из миллионеров-нефтепромышленников, князей и коннозаводчиков, напуганное растущим авторитетом Буачидзе, пытается лестью и посулами склонить его на свою сторону. Ему предлагают портфель министра труда в буржуазном правительстве. Это предложение Ной с негодованием отвергает, оставшись до конца верным своему народу, делу революции, партии коммунистов.

В конце марта 1918 года Ленин говорит с председателем Совета Народных Комиссаров Терской республики С. Г. Буачидзе, расспрашивает его о положении на Тереке, о взаимоотношениях рабочих с чеченцами и казаками, о судьбе грозненских нефтяных промыслов, о наделении землей безземельных горцев, о состоянии вооруженных сил Терской республики. В этой продолжительной беседе Владимир Ильич предлагает Буачидзе немедленно приступить к практическому разрешению земельного вопроса и к формированию национальных частей Красной Армии; обещает оказывать Терской республике всемерную помощь. Разговор шел по прямому проводу.

Весной 1918 года контрреволюция на Северном Кавказе подняла голову. Положение осложнилось и тем, что Терская республика оказалась отрезана от центра многочисленными фронтами.

Буачидзе вызывают к апшеронским казармам Владикавказа. Белоказачьи сотники принуждают красноармейцев сдать оружие, угрожая применить силу. Бесстрашный комиссар обращается с пламенной речью к красноармейцам, зовет их дать отпор контрреволюции. Внезапно прогремели предательские выстрелы. Они оборвали жизнь комиссара Терской республики.

ФОТОЛЕТОПИСЬ «ОГОНЬКА»

ВОЙНА, МИР, ВОЗРОЖДЕНИЕ

Начало см. на стр. 10

журнал,— покорители скоростного резания металла москвич Павел Быков и ленинградец Генрих Борткевич». С 70—80 метров в минуту эта скорость взлетела до 1000—1500 метров. Призадумались ученые, конструкторы станков — что-то надо менять, переделывать. Наука, и в пору войны «работавшая» на полную мощность, сейчас выходила на новую орбиту. Интервью «Огоньку» дает президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов. Только что закончилась очередная сессия. Президент рассказывает, с каким интересом были выслушаны доклад академика И. М. Виноградова о новых методах решения сложных задач по теории простых чисел («Советская математика продолжает занимать ведущее место в мировой науке»,— заметил Сергей Иванович), доклад создателя теории горения и взрывов академика Н. Н. Семенова. Президент с большим удовлетворением сообщил читателям, что во многих республиках филиалы АН СССР уже преобразованы в самостоятельные академии.

Страна набирала силы, возвращалась к мирной жизни. Многообразны ее приметы. В столице в дни больших торжеств — 800 лет Москвы! — закладываются фундаменты будущих высотных зданий. Среди них — МГУ. Саратовский газ пришел в Москву. В семье студентов — парни в военных гимнастерках со следами снятых погон и с орденскими планками на груди; строится ГЭС «Дружба народов» — ее сооружают колхозы трех соседствующих республик: Латвии, Литвы, Белоруссии; фабрика «Красная Роза» прекратила производство парашютов и переключилась на выпуск шелковых тканей, а завод «Красный штамповщик», поставлявший фронту мины, делает сейчас эмалированную и алюминиевую посуду. Идет восстановление Пулковской обсерватории, до основания разрушенной фашистами: на прославленном курорте Анапа появился необычный дом отдыха — кубанского колхоза «Память Ильича». Писатель Владимир Солоухин и фотокорреспондент И. Тункель ведут фоторепортаж из Киргизии — «Театр едет в горы». Киргизский государственный театр оперы и балета выехал на очередные гастроли в горы, к животноводам.

Театральная жизнь... Ей щедро отданы полосы журнала. В театральной афише страны — новые постановки, новые имена драматургов, актеров, режиссеров. Всенародным торжеством были юбилеи Малого театра (125 лет), МХАТа (50 лет), Большого театра (175 лет). О них — специальные номера «Огонька». На титуле: «знатные люди завода «Серп и молот» приветствуют артистов Малого театра. В центре — народная артистка СССР Е. Д. Турчанинова. «Бывают театры, которые приходят и уходят, содеяв все положенное им и израсходовав весь отпущенный им «порох». Но Малый театр будет существовать, пока звучит русская речь. И значит,— вечно». Это из статьи Леонида Леонова, открывавшей специальный номер «Огонька». Долго рассматриваешь сегодня послевоенные фотографии Галины Улановой и Майи Плисецкой. Так же как и фотографии «спортивных звезд» той поры. Футболистов — Федотова, Боброва, Дементьева, Симоняна, шахматистов — Ботвинника, Смыслова, Петросяна, теннисиста Николая Озерова — он был чемпионом СССР по теннису, нынешний популярный спортивный телеобозреватель.

Годы послевоенных свершений. Уже в 1948 году объем промышленного производства в СССР не только достиг довоенного уровня, но и превзошел его. Сложные, трудные задания послевоенной пятилетки промышленность выполнила за 4 года и 3 месяца. Настала пора передавать эстафету новой пятилетке. В октябре 1952 года состоялся XIX съезд партии, утвердивший директивы по пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы. Съезд внес изменения в Устав партии и утвердил новое ее наименование — КПСС, Коммунистическая партия Советского Союза.

...И вот последний номер «Огонька» в третьем десятилетии СССР. Ему он и посвящен: тридцать лет Союза Советских Социалистических Республик. Этот журнал сегодня, в канун 60-летия СССР, листаешь с особым интересом.

...«Хорошо помню тот день. Помню густые толпы ликующих людей на улицах Москвы... Каждый город, каждое селение, каждый завод гигантской страны нашей — все праздновали и радовались в тот день. Созданию Советского Союза радовались все трудящиеся Земли». Это писал Всеволод Иванов в статье, открывавшей тот праздничный номер журнала. Вслед идут фотографии, репортажи корреспондентов «Огонька»: русский токарь приехал в Литву, к местным станкостроителям; грузинский колхоз считает своим долгом помочь становлению украинского колхоза-побратима, пострадавшего в пору войны; бакинские нефтяники передают свой опыт башкирским.

Будни великого братства! «Союз нерушимый республик свободных» вступал в четвертое десятилетие.

Л. ЛЕРОВ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА

1943 ГОД

ЯНВАРЬ. В Советской Армии введены новые знаки различия — погоны.

ФЕВРАЛЬ. Конец битвы под Сталинградом; героический подвиг совершил Александр Матросов, закрывший своим телом амбразуру вражеского дота.

АПРЕЛЬ. С декабря 1942 года по апрель 1943 года советские люди собрали более 7 миллиардов рублей для вооружения Красной Армии.

ИЮЛЬ—АВГУСТ. Разгром немецко-фашистских войск на Орловско-Курском направлении.

ОКТЯБРЬ. В Москве состоялась конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

НОЯБРЬ. Освобожден Киев.

ДЕКАБРЬ. Тегеранская конференция руководителей СССР, США и Великобритании. В этом же месяце был подписан Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией.

1944 ГОД

ЯНВАРЬ. Окончательное освобождение Ленинграда от вражеской блокады.

АВГУСТ. Открылась конференция представителей СССР, США, Великобритании и Китая в Думбартон-Оксе по вопросу о создании международной организации безопасности; Румыния вышла из войны на стороне Германии и объявила ей войну; советские войска вступили в Бухарест.

СЕНТЯБРЬ. Финляндия вышла из войны против СССР. Советские войска вступили в Софию.

ОКТЯБРЬ. Советские войска совместно с войсками народно-освободительной армии Югославии освободили Белград; наши воины перешли границу с Германией, начались бои в Восточной Пруссии; в освобожденном Мукачеве состоялся первый съезд народных комитетов Закарпатской Украины, принявший манифест с просьбой о присоединении к Советской Украине.

ДЕКАБРЬ. В Москве подписан Договор о союзе и взаимной помощи между СССР и Французской Республикой.

1945 ГОД

ФЕВРАЛЬ. Крымская конференция руководителей СССР, США и Великобритании.

АПРЕЛЬ. В Москве подписаны договоры о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией, между СССР и Польшей; советские войска овладели Веной; советские войска ведут бои на улицах Берлина. Знамя Победы водружено над рейхстагом.

МАЙ. Советские войска полностью овладели Берлином; представители германского верховного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции Германии; советские войска освободили Прагу. 9 мая — День Победы.

ИЮНЬ. Парад Победы. Верховный Совет СССР принял Закон о демобилизации старших возрастов личного состава Действующей армии.

ИЮЛЬ. Потсдамская конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании; из Берлина на Родину ушел первый эшелон с демобилизованными воинами.

АВГУСТ. Советский Союз объявил войну империалистической Японии.

СЕНТЯБРЬ. Подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии.

НОЯБРЬ. Открытие Нюрнбергского процесса над военными преступниками.

1946 ГОД

ФЕВРАЛЬ. Подписаны Договор о дружбе и взаимопомощи и соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и МНР. Выборы в Верховный Совет СССР.

МАРТ. Верховный Совет СССР принял Закон о послевоенном пятилетнем плане.

1947 ГОД

ФЕВРАЛЬ. Постановление Пленума ЦК партии «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период».

СЕНТЯБРЬ. 800 лет Москвы.

1948 ГОД

ФЕВРАЛЬ — АПРЕЛЬ. Подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Румынией; между СССР и Венгрией; между СССР и Болгарией; между СССР и Финляндией.

1949 ГОД

ЯНВАРЬ. Создан СЭВ.

МАРТ. Состоялся XI съезд комсомола.

АПРЕЛЬ. Созван X съезд профсоюзов СССР.

СЕНТЯБРЬ. Сообщение ТАСС об испытании в СССР атомной бомбы.

1950 ГОД.

ФЕВРАЛЬ. Подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР.

ИЮЛЬ. Сбор подписей в СССР под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия.

1951 ГОД

МАРТ. Верховный Совет СССР принял Закон о защите мира.

АПРЕЛЬ. Опубликовано сообщение Государственного планового комитета и ЦСУ СССР об итогах выполнения четвертого (первого послевоенного) пятилетнего плана СССР на 1946—1951 годы.

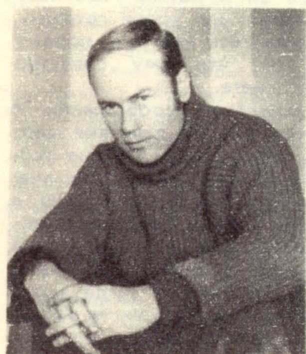
1952 ГОД.

ИЮЛЬ. Открытие Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина.

ОКТЯБРЬ. Состоялся XIX съезд партии.

ДЕКАБРЬ. Страна торжественно отметила 30-летие СССР.

Правота

Феликс ЧУЕВ

ВСАДНИК ОКТЯБРЯ

Где над ратной славой
нынче зреет хлеб,
конармейской лавой
поднималась степь.
Звездочка литая,
алая заря.
Степью пролетает
всадник Октября.
Светятся награды
битвы мировой,
доблесть Ленинграда
помнит смертный бой.
Там, под Ленинградом,
поднимая взвод,
маршал легендарный
сам пошел вперед!
Звездочка литая,
алая заря.
Степью пролетает
всадник Октября.
Он летит над нами
в будущий рассвет,
превращаясь в знамя
зоревых побед.

ОТБЛЕСК БОГАТЫРЯ ИВАНА ЗАИКИНА

Я с гармошкой губною,
трофейною,
батя мой в гимнастерке еще.
Над базаром — страной
муравейною —
день молдавский разлит горячо.
На просторе веселья и ругани,
вдоль прилавков, расставленных
в ряд,
кружки пива на досках
неструганых
апельсиново-южно горят.
Там хозяюшка наша квартирная
многошумным владела шинком.
Собиралась в нем публика дивная,
был с Заикиным батя знаком.
И от лавок под светом
рассеянным
и от стен со стеклянной смолой
пахло чем-то нездешним
и северным,
то ль опилками, то ль синевой...
Почему они с батей приятели —
я тогда и не думал совсем.
Оба летчики, оба мечтатели,
авиаторы разных поэм.
Оба тезки, Иваны российские,
так и вижу я их за столом,
в тесноте, за беседою близкою.
В черном фраке он был...
А потом
я узнал, прочитал —
это Уточкин,
это Горький, Шаляпин, Куприн...

Я вернулся на детские улочки,
только в детстве теперь я один.
И впервые жалею так искренно,
что такой я беспечный вдали,
словно там и потеряна истина,
на базаре, который снесли.

КТО НА ПЛАНЕРЕ ЛЕТАЛ

Эх, перкалевый металл
да зеленый эмалит!
Кто на планере летал,
тот на всем полетит.
Годы лучшие текли
в ожиданье неба.
Без моторов корабли —
выше счастья нету.
Вижу первых в ноябре —
и глаза набухли —
в Коктебеле, на Горе,
что с заглавной буквы.
Три Сергея и Олег —
летная эпоха.
Солнце поровну на всех
делится неплохо.
Словно желтый снег, светло
осыпает лица
и, цепляясь за крыло,
до земли кружится.
Я потом познаю сам,
много лет попозже,
причащенье к небесам
до коленной дрожи.
Сохрани ее, так,
утренняя зависть...
Годы лучшие мои
к лучшим прикасались.

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

Рыжий день
и клен, как запятая,
перейдет восторженно в тетрадь.
Праздник жизни — осень золотая,
не хочу ни жить, ни умирать.
Умирать — поскольку будет
завтра.
Жить — поскольку знаю, что умру.
Многоцветьем южного базара
праздник жизни пляшет на ветру.
Золотые соки дрожжевые
похвалу природе воздают.
Праздник жизни!
Капли дождевые
по стеклу взлетают,
как салют.

●

Пахнет июнь сосною,
вишенки заалели.
Новое лето с тобою,
значит, тебе теплее.
Будешь, как лето, сильная
и молодая притом,
мама моя красивая,
в платьице голубом.
Вырасту в лет под двадцать,
тебе будет сорок всего.
Как ты хотела дождаться
внука, хоть одного...
Годы, куда ж унесли вы,
все, что было кругом
с мамой моей красивой
в платьице голубом?

●

Суглинок осыплется.
Дети поплачут
и, шапки надвинув,
вернутся домой,
и слезы мальчишек,
струсь, обозначат
кривые отрезки
грядущей прямой.
И память мужская
подружится с ними,
ей в этих глазенках
улыбчиво жить, —
и отчеством станет
отцовское имя.
Попробуй при жизни
его заслужить!

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЗАРЯ

Вполголоса приказы раздаются,
и шепотом сползают якоря...
Отрядом пролетарской революции
шагает ленинградская заря.
Пылает алый строй
красногвардейцев...
Как пропуска на острие штыка,
накалывает шпиль адмиралтейства
высокие, как время, облака.

●

Воспетое моторами пространство,
в корнях, как в мыслях, мудрая
кора...
Земля и небо выдержали
братство,
душа и разум — вечная игра.
Ах, шар земной, спасенный
бедолага,
и меж меридианов пустота,
как между ребер купола
рейхстага,
зеленою весною залита.
Сквозь маленькую клеточку
планеты,
что стала мне родительским
селом,
венец ромашки вытянулся к свету
и закивал в настое голубом.

●

Памяти Михаила Васильевича Водопьянова

Есть в характере такое:
повелось, что в свой черед
забываются герои,
только время их пройдет.
Нет, не то чтобы,
но в грусти,
в наступившей тишине
больше почестей отпустят
разбитному шансонье.
Не измерится эпоха —
километры в облаках —
мелким шрифтом некролога,
без портрета, впопыхах.
Не в музейной —
в звездной пыли, —
не предметы старины
водопьяновские крылья,
юность честная страны.
Их морозные поляры
бросил славе на весы
этот летчик Заполярья,
богатырь всея Руси.

ДОРОГА

Дорогу строили шестнадцать дней.
Шестнадцать дней работой
грохотали,
которая прославила едва ли
шестнадцать пылью крашенных
парней.
Недлинная дорога напрямик
соединила дальние кварталы,
и меж домов короткий путь
возник,
который чьим-то именем назвали.
По сторонам — деревья и жилье,
и позади и впереди — неплохо,
дорога. Разве не было ее?
Казалось, тут всегда была дорога.

●

Уснул сынок в своей кроватке,
такая лапушка лежит,
и дышит праведно и сладко,
и мир ему принадлежит.
Высь проводами стекленеет,
и сквозь январский светлый дым
по-над заснеженной аллеей
бегут известия по ним.
Прикрыто зелени вязанье
пушистой шкурою зимы,
дымки кошачьими хвостами
из-за машин вознесены.
Мороз капустной кочерыжкой
хрустит лениво за окном.
Растет, растет во сне сынишка,
как я расту в своем былом.

●

Было в детстве у меня
поле за кустами.
Голубая ребятня
хвастала отцами.
Окунался окоем
в бархатные краски,
и блистал аэродром
явью русской сказки.
Вровень шли сквозь ковыли,
в полный рост, не горбясь,
и почувствовать смогли
ласковую гордость.
И такую красоту,
что, глаза разинув,
заманили в них мечту
вместе с небом синим.
Солнце жжет земле бока,
наколов на спицы,
а вверху, сквозь облака,
пить и не напиться.
Прыгнуть ласточкой туда
от земного зноя...
Как глубинная вода,
небо ледяное.
Неужели отошли
навсегда, до боли,
голубые ковыли
на зеленом поле?
Где-то бродит наяву,
не взрослея, лето,
и в глазах, пока живу,
небо не поблекло.

ФЕНОМЕН ГОНЧАРОВА

Юрий **ЛОЩИЦ**

Вот и еще одну возможность предоставил нам календарь, чтобы обратиться благодарным вниманием к вершинам русской литературной классики: в июне нынешнего года исполнилось 170 лет со дня рождения создателя «Обыкновенной истории», «Обломова», «Обрыва» и «Фрегата «Паллада». Скажут: дата не вполне юбилейная, недостаточно «круглая». Но эти заметки и не преследуют панегирических целей, юбилейный елей был бы в наших обстоятельствах неуместен.

Действительно, вот уж судьба у сочинений Ивана Александровича Гончарова! Про такую судьбу никак не скажешь: «навели хрестоматийный глянец». Стоит задуматься хотя бы над некоторыми противоречиями нашего отношения к классику. В самом деле, перед нами — величина в литературе безусловная, общепризнанная в отечественном и мировом масштабе, а в то же время речь идет о писателе, который до сих пор не имеет полного собрания сочинений! В последние годы романы Гончарова издаются рекордно большими, перешагивающими миллионную цифру тиражами, но в то же время этот классик как-то незаметно сделался у нас **внеурочным** («Обломов» не включается больше в школьные программы). Говорим о великом писателе-гуманисте, обличителе различных социальных язв, о мастере трезвенного, добротнейшего реалистического письма, но и ему же вменяется в вину реакционность общественно-политических воззрений. Наша современная литературно-критическая мысль, стоит лишь ей нацелиться на творения Гончарова и порожденные ими проблемы, учащает ритм и никак не хочет войти в спокойное русло почтенного академизма. Романист как бы напоминает нам: и поделом! Вы ждете от классики покоя? Напрасно! Ее призвание в том, чтобы постоянно **трогать**, иначе не стоило и огород городить; не уподобляйтесь же моему очень популярному у вас Обломову, который жаловался, что все-де хорошо, только то и дело **жизнь трогает...**

Здесь не время и не место решать, почему Гончаров стал у нас **внеурочным,** хотя сам по себе предмет чрезвычайно любопытен. Ведь нельзя же было просто взять да и позабыть включить.

Неуместно сейчас заниматься и гаданиями относительно чаемого полного собрания сочинений (уже и объявлялось было, да не состоялось). Дело это, как известно, многосложное, многолетнее...

Классика между тем все **трогает** и **трогает,** а в конце концов и торжествует. Если поживем — увидим: и полное собрание гончаровское и «Сон Обломова», возвращенный в круг чтения школяров. Классика постоит за себя, тем более что ряды ее бескорыстных друзей и добровольных охранителей в нашей стране растут и растут, в том числе и в стенах школ. Не соблазнимся лукавой ходячей истиной о том, что школьное преподавание только-де отвращает учеников от литературы. Есть учителя и учителя. Добрые музы-покровительницы, не робеющие нести в сердце жгущий глагол классики, — они есть, были и будут в наших школах. И их всегда, к счастью, больше, потому что за их спиной — целый сонм великих и бессмертных.

«Где мы? В какой благословенный уголок земли перенес нас сон Обломова? Что за чудный край!» Всякий раз, перечитывая эти строки гончаровского шедевра, вспоминаю тщедушный свет зимнего утра, жарко натопленный класс и нашу учительницу литературы, читающую нам, семиклассникам, начало «Сна Обломова». Сквозь потрескавшуюся толщу трех миновавших десятилетий чудесным образом узреваю ее скуластое, молодое, обычно бледное, но сейчас, во время чтения, слегка разрумянившееся лицо. Читая вслух, она, по всегдашней привычке, снимает очки, отчего обычная холодность ее взгляда сменяется беззащитным, добрым прищуром. Тяжелую книгу держит она в одной руке, и рука эта по-мужски крепкая, с красноватой кожей, должно быть, от стирок, от прочей домашней работы. Вспоминая теперь ее облик, эти ее крупные руки, ее постоянно носимый серый костюмчик с послевоенными прямыми плечиками, я думаю теперь: ну что ей, с ее ежеденными трудовыми заботами, с ее наверняка крестьянским или рабочим происхождением, было до крепостника, барина и бездельника Обломова? Конечно же, это был ее классовый враг, и ей в пору было бы клеймить его самыми суровыми словами, и мы бы доверчиво слушали и навсегда впивали в душу ее праведный гнев, потому что гончаровский ленивец, разумеется, был и нашим классовым врагом.

Однако нам почему-то слышалась в самой интонации, с какою она читала Гончарова, некая вовсе не саркастическая мягкость, даже теплота; необманным отроческим чутьем мы догадывались, что пресловутый Обломов ей, странное дело, чем-то *нравится*. Но чем же? Ведь не тем, наверное, что, будучи еще мальчиком, он отлынивал от школьных занятий? И не тем, что, став взрослым, обленился уже окончательно и впал, наконец, в бесповоротную обломовщину. Конечно, ей это не могло нравиться, как не должно было понравиться и нам, как не нравилось и автору знаменитой статьи, которую она нам пересказала на следующем уроке. Все самые яркие, выразительные слова употребила она, чтобы воздать должное выдающейся статье Добролюбова, но под конец вдруг, сделав паузу и будто засмущавшись, сказала тихо, что, по ее мнению, критик в одном-единственном положении был все же неправ.

— Помните, в одной из заключительных глав романа сказано, что сердце у Ильи Ильича — «природное золото»? Как вы думаете, почему так считал писатель? — вдруг спросила она у примолкшего класса.

Никто из нас не поднял руку. Мы не очень-то догадывались, почему так считал писатель.

— Ну, ну, подумайте,— негромко просила она, ступая вдоль рядов парт.— Вспомните, к примеру, как Обломову на глаза слезы наворачиваются, когда ему приснилась мать. Или вспомните, каким он становится добрым, чистым, славным, когда влюбляется в Ольгу Ильинскую. Или подумайте, почему так легко удается жуликам Мухоярову и Тарантьеву обманывать доверчивого Илью Ильича? Или вспомните, как он казнится из-за своего безволия, из-за неумения жить деятельной, полезной для сограждан жизнью... А еще вспомните, как по-отцовски относится он к детям Пшеницыной, помогает им уроки готовить. Или задумайтесь над тем, почему говорит он, что ему совестно жить на свете.

Мы озадаченно соображали. И ведь точно, все эти действия, слова и состояния, которые она сейчас перечислила, есть в романе, только мы их как-то призабыли, а сейчас они словно засветились перед нами, и вот Обломов более не смешон, он нас озадачивает, он нас тревожит... И тогда в это наше молчание, как в чисто вымытый и насухо вытертый сосуд, пролились слова, которые она читала с каким-то особым, праздничным выражением, как читала лишь иногда и лишь некоторые стихи:

«...Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи. Не обольстит его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечет на фальшивый путь; пусть волнуется около него целый океан дряни, зла, пусть весь мир отравится ядом и пойдет навыворот — никогда Обломов не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе!..»

И вот, кажется, лишь теперь, по прошествии множества лет, удается мне додумать ее тогдашнее, зароненное в нас, семиклассников, задание, и я начинаю исподволь осознавать ее глубинный педагогический пафос. Наша учительница принадлежала к поколению, которое уже в сознательном возрасте пережило великую и страшную войну. Она знала, что и мы, внимавшие ей нарожденцы предвоенных лет, в той или иной степени помним, знаем войну или хотя бы ее последствия. Она понимала всем своим женским существом, что детство наше пришлось на пору, когда в мире так не хватало человеческого тепла, сердечности, когда замутились многие родники и зачерствела не одна душа. И вот она искала для нас в отечественной классике все, что способно было обогреть, подкормить пробивающиеся в нас ростки человечности, поддержать робкие всходы отзывчивости, сострадания, благородства. И, конечно же, она в великом изобилии находила там искомое, и всякий раз, находя, радовалась за великое живородное слово русской литературы, радость эта перехватывала ей горло волнением, и голос ее звенел беззащитно и праведно... А не будь всего этого, что́ ей, спрашивается, Обломов, что́ она ему? Но она учила — всем своеобразием своего отношения,— что перед нами вовсе не карикатура, не предмет для подхихикивания, но великий художественный образ, сложная человеческая судьба, заключающая в себе живую взаимосвязь противоборств, светотеней, что разобрать-

ся в этой сложности — дело вовсе не простое, но требующее неспешности приговоров и суждений, а еще и сердечного такта, потому что... потому что,— последние слова она проговорила даже с укором,— потому что **лежачего не бьют...** И вот эти-то ее слова для нас окончательно все ставили на свои места; неукоснительное правило уличных потасовок мы знали, как дважды два: лежачего не бьют.

Да, великие задания каждому из нас — от млада до велика — оставлены отечественной классикой. Настолько великие и серьезные, что общественное сознание постоянно пребывает вокруг них неуспокоенным, а возбуждаемые писательским словом вопросы — томящими. Иной из них, казалось бы, давным-давно уже благополучно разрешен, снят, но наступает час, и оказывается, что под видимостью его простоты и разрешенности ходят еще ходуном бури мысленные... И это бури настоящие, вовсе не искусственные, их не спутаешь с нарочито возбужденными проблемами, с авантюрными попытками «интерпретировать», поставить с ног на голову тот или иной художественный образ. Когда-то, еще на заре заинтересованного присматривания к Обломову, Н. Добролюбов заметил провидчески: «В каждом из нас сидит значительная часть Обломова, и рано еще писать нам надгробное слово». В этих словах поучительна не только чисто русская и, так сказать, благоунаследованная склонность к покаянному чувству. Добролюбовская реплика богата не одним лишь этическим, но и историческим содержанием. Ведь и мы, свидетели совсем иной уже эпохи, носители иных социальных воззрений и критериев, не удивляемся, когда разгораются газетно-журнальные дискуссии о современных штольцах и обломовых, о «деловом человеке» и его бездеятельном антиподе. Нам ясно, что если старые нарицательные имена пускаются в оборот, то делается это не ради красного словца.

Правомочность подобной актуализации классики подтверждена для всех нас суждениями, которые в свою пору предложил по поводу Обломова и обломовщины В. И. Ленин. Вспомним то из них, с помощью которого проблематика давнишнего романа была вдруг решительно перенесена уже в обстановку Советского государства, представлена как неснятая, нуждающаяся в самом принципиальном обсуждении: «**...старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел**». Чрезвычайно важно, что Ленин здесь не постеснялся нарушить сложившийся школярский стереотип: Обломов — помещик, крепостник. «...Обломов был не только помещик,— читаем у него,— а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист». Классическое применение классики в новых исторических условиях! Традиционное представление об образе здесь не отменено, но и не служит помехой для наращивания его содержательной емкости. Этот подход, органично совмещающий в себе традиционное воззрение на предмет и его решительное разворачивание применительно к новой обстановке, всегда будет живым укором любому проявлению литературно-критического доктринерства, раз и навсегда пришпиливающего «произведение» к той или иной эпохе.

Сопротивляясь подобной мумизации, классика оборачивается к нам своей веселой, смеющейся над ее блюстителями стороной. Так и с «проблемой Обломова». Вон как далеко шагнул во времени Илья Ильич, а кто-то, цепляясь за его затертый восточный халат, все еще негодует: «назад, в феодализм!» Обломов, глядишь, уже в воздушных лайнерах, позевывая, летает с континента на континент, а иной литературовед-старовер по-прежнему числит его за «патриархальным укладом» и ни за что не согласен выпустить из потустороннего темного царства. Вот уж, право, где косность-то, кондовая, убогая, источенная ржой и изъеденная молью!

Проблема Обломова... Феномен Обломова... Мы теперь все отчетливей видим, что это не пустые слова, что за ними стоят некие громады животрепещущего материала, что нам тут есть над чем «думу думати». И всякий раз, как бывает в случаях, когда дума наша нуждается в обосновании и заземлении, разумнее обратиться к первоначалам, ее породившим. Скажем так: существует как данность громадный художественный образ, но каковы его реальные, жизненные подоплеки?

Казалось бы, подоплека общеизвестна — современная писателю помещичья, крепостническая Россия с ее обломовщиной. Так-то так, но ведь ту же самую действительность наблюдали и изображали и Тургенев, и Толстой, и Достоевский, и Лесков. Почему же именно Гончаров и не кто иной породил феномен Обломова? Ведь не можем же мы сказать, что у других, вышеназванных, таланта не хватило, прозорливости, умения обобщать жизненный материал. Значит, дело еще в каком-то сугубо личном начале творческой индивидуальности. На это вроде бы указывает нам и сам автор «Обломова», сказавший однажды по поводу своих книг: «...я писал только то, **что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал — словом** писал **и свою жизнь, и то, что к ней прирастало»**.

Кажется, откровенней не скажешь. Но тогда... Тогда выходит, что родословную Ильи Ильича Обломова, жизненную подоплеку этого образа мы вправе искать прежде всего в личности самого автора «Обломова». Что ж, Гончаров многократно на протяжении долгой своей жизни подтверждает правомочность такого вывода. Подтверждает не только многочисленными шутливыми сравнениями себя с Обломовым, а своих знакомых — с другими персонажами романа. Мы, конечно, вправе не доверять самоироническим характеристикам, считая их литературной игрой. Но есть подтверждения и иного, вполне уже объективного порядка — в фактах биографии Гончарова.

Чего стоит хотя бы поступок старца Гончарова, взявшего на собственное иждивение жену и детей своего покойного слуги. Из писем Ивана Александровича к сестрам Никитенко мы знаем, что он постоянно занимался с приемными детьми школьными предметами, то есть и в этом вел себя совершенно «по-обломовски». Это знаменитое **опрощение** Гончарова на старости лет иногда склонны были рассматривать как юродство, а фрейдиствующие толкователи даже находили тут черты душевной болезни. Но вспомним, не так ли и чистюля Штольц ужасается, посещая своего друга и видя его в окружении простой «бабы» и какого-то там ребенка.

И вот еще одна параллель, пожалуй, наиболее для нас значимая: обломовская Агафья Матвеевна Пшеницына не только по имени, но и по глубинной сущности своей натуры, любящей и жертвенной, есть прямое подобие матери писателя, Авдотьи Матвеевны, какой мы ее знаем по воспоминаниям сына, других современников, по сохранившемуся портрету. Об этом сходстве говорится обычно как-то вскользь. Но, упуская его из виду, мы рискуем проглядеть один из самых трепетных нервов всего «Обломова».

Любовь Пшеницыной в романе не частность, не проходной эпизод. Архитектоника «Обломова», как известно, строится на контрасте двух родов любви — романтической, мечтательной (взаимоотношения с Ольгой Ильинской) и прозаически-заземленной, семейно-бытовой (обитатели Обломовки, сюжет с Пшеницыной). Полюс такой заземленной любви, целиком посвящающей себя супружеству, детям, быту, тихому изживанию тягот и радостей существования, — Агафья Матвеевна.

Проникнуться атмосферой традиционной брачной любви, столь поэтически воссоздаваемой Гончаровым,— значит весьма многое понять в его мировоззрении вообще, в его писательской этике, в гражданских проявлениях его темперамента. Мы, например, очень часто говорим о реакционности Гончарова, круто проявившей себя в известных его «антинигилистических» акциях. Но важно не забыть, что же именно лежало в подспудье такой реакционности. А в подспудье была реакция, и, как теперь очевидно, вполне **здоровая**, на имевшие место левоанархические завихрения в вопросе о любви и семье. Культ «свободной», раскрепощенной любви, отказ от традиционных семьи и брака, «освобождение» родителей и детей от уз отцовства и материнства — все это, и в теории и на практике, не могло не отвращать «консерватора» и «ретрограда» Гончарова — автора «Обрыва», инициатора запрещения писаревского «Русского слова». Важно разделять в писательском и гражданском поведении Гончарова его идеологический консерватизм, достойный строгого разбора, от житейско-бытовой консервативности, в основе своей вполне здоровой, вовсе не противоречащей нашим сегодняшним понятиям об институте семьи и об опасностях, которые ему угрожают.

Будем помнить по крайней мере, что любовь, дарованная Обломову под конец его жизни, есть отражение любви, испытанной самим Гончаровым в лоне традиционной русской семьи, и что многие страницы романа вдохновлены благодарным чувством—воспоминанием писателя о своей матери.

Но что же в итоге прозревается за всеми этими творческими подоплеками? Наверное, то, что в образе Обломова мы обнаруживаем необыкновенно высокую степень **приращения** к личности писателя, вдохнувшего в этот образ жизнь. Чтобы не породить легкомысленный соблазн, сразу следует оговориться: Гончаров, конечно же, ни в коем случае не тождествен своему герою, как вообще не может быть тождественно творение творцу. Обломов не автопортрет писателя, тем более не автошарж. Но в Обломове творчески преломилось очень много от личности и жизненной судьбы Гончарова — факт, от которого нам не уйти, на который мы не вправе закрывать глаза, если подходим к своему предмету с достаточно серьезными намерениями.

Вот в этом-то, пожалуй, и состоит главная личностная подоплека феномена Обломова — в том, что Гончаров, «не пощадив живота своего», заложил в своего героя громадную часть самонаблюденного материала. Но, уяснив для себя это обстоятельство, мы тем самым исподволь подвигаемся к уяснению корневых особенностей реализма Гончарова, к уяснению его писательской этики. Реализму Гончарова свойственна высокая концентрация исповедальности. Выставляя напоказ болезни и социальные несовершенства современного ему общества, он не рассматривает их взглядом посторонним, холодно осуждающим, он искренне сожалеет о неосуществленных человеческих возможностях, о том богатом жизненном запасе, который в кротком, голубином сердце Ильи Ильича остается как зарытый, не пущенный в употребление талант. В таком отношении к герою мы обнаруживаем целую гамму чувств — от осуждения к состраданию, их проекцию не только на создаваемый образ, но и на самого себя. Гончаров болеет болезнями своего Обломова, и если тут перед нами реализм критический, то и самокритический одновременно. Во всей мировой литературе мы найдем считанные образцы такого рода исповедальности, когда писатель без колебаний и сомнений отдает лучшую часть души своему больному, но любимому детищу, зная наперед, что оно будет подвергнуто суровому общественному суду.

Но такова уж русская литература, что она привыкла ставить перед собой нравственные задачи почти непосильные. И все-таки решать их.

Гончаров посягнул вложить в своего Илью Ильича слабости и недуги **всякого** человека, каждого из нас, слабости извиняемые, малоизвиняемые или неизвиняемые. В целокупном образе органично сочетались с ними и многие благие задатки, милые и симпатичные свойства, также присущие всякому человеку. И потому Обломов трогает, беспокоит и тревожит всякого человека. Не нужно быть особенно прозорливым, чтобы догадываться, что так он наверняка будет поступать и впредь.

Предчувствуя такой характер литературного поведения творений Гончарова, нам вряд ли пристойно смиряться с их дальнейшей внеурочностью, о которой говорилось выше. Явно назрела пора несколько потеснить учебные программы в пользу «Обломова» и его автора. Говорят, что восстановить справедливость никогда не поздно. Но и медлить не должно.

Последняя акция Лоренца

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Дом Дальбергов стал для Энтони и уютным прибежищем и хорошей школой. Русский язык, царивший в доме, русская кухня, правда, в сочетании со скандинавской и французской, вечерние чаепития у традиционного самовара, иногда в кругу знакомых, таких же оторванных от родины эмигрантов, как и Дальберги, казалось, вполне удовлетворяли Ричардсона. Он жил как бы в русской обстановке. Однако, видимо, Энтони нужно было и что-то еще. Он ежедневно читал советские газеты, пересылаемые ему кем-то из Хельсинки, политические и экономические книги, изданные в СССР, внимательно слушал последние известия и некоторые другие передачи московского и ленинградского радио. При этом он по-прежнему успевал вдоволь находиться на лыжах, тренировать Лео, заниматься с мальчиком английским, забежать в домик управляющего и поболтать с ним и его женой на ломаном финском языке. А с каким жадным интересом он относился к знакомым Дальберга, приглашаемым к чаю! Прежде расспросит о них хозяев, а потом беседует с гостями, как будто знал их десять лет. Через день-два, глядишь, уже идет запросто к ним в дом на чай или кофе. Так за несколько дней Энтони буквально очаровал Веру Ильиничну Репину. Молодящейся Вере Ильиничне, которой в ту пору было за шестьдесят, он не говорил, что она молодо выглядит, как это делали другие, нет! Он восхищался при ней гением ее покойного отца, расспрашивал о его творчестве. Посетив несколько раз Веру Ильиничну в «Пенатах», Ричардсон получил от нее, восторженной и благодарной, по своему выбору несколько превосходных рисунков из оскудевших уже изрядно альбомов Ильи Ефимовича.

Елизавета Аркадьевна поделилась со Свеном мыслью, что Энтони при его воспитании и академической образованности обладает еще крепкой практической хваткой и тонкой психологической расчетливостью. Муж коротко ответил:

— Из него выйдет толк. Эту зиму он проводит здесь с пользой. Только не делись, пожалуйста, своими наблюдениями с другими.

Смысл последней фразы мужа Елизавета Аркадьевна поймет лишь через несколько лет.

Когда Энтони Ричардсон появился в доме Дальбергов, Даше Пантелеевой шел семнадцатый год. От матери она унаследовала рост и стать, от отца, которого знала только по нескольким фотографиям, тонкий с горбинкой нос, высокий лоб, черные как смоль волосы и темные с поволокой глаза. Мать называла ее «отцовной», как бы укоряя себя за необдуманную и пылкую любовь к старшему унтер-офицеру лейб-гвардии Финляндского полка Егору Пантелееву, которому она простила все, даже его бегство во Францию, где, по слухам, завербовался он,— да так и сгинул бесследно с тех пор,— в Иностранный легион.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—26.

Спасибо Елизавете Аркадьевне, которая не прогнала Анну Кузьминичну, ценя ее преданность, усердие и бесценный дар поварихи.

Через несколько лет у Елизаветы Аркадьевны появился свой ребенок, и Анна Кузьминична полной мерой постаралась отблагодарить барыню за доброту и терпение, с каким та отнеслась к бедной женщине и ее дочери: работала больше и усерднее прежнего, добровольно, как ей казалось, взяв на себя уход за младенцем. Неопытная молодая мать приняла это как должное и была рада тому, что не пришлось тратить денег на няню.

Вскоре Даша уже помогала матери: катала Лео в коляске, играла с ним, потом водила его в лес кормить птичек и белочек, потом... Потом он подрос, и его родители позаботились о том, чтобы Лео больше общался с детьми своего круга, а Даша уже стала помогать горничной Сюльви в уборке по дому.

Несколько классов русской школы дали пытливой девушке не более, чем она успела получить сама, любовно протирая книги в библиотеке Дальбергов и читая некоторые из них, с разрешения Елизаветы Аркадьевны, по вечерам у себя в финском домике.

К тому времени, когда в доме появился молодой американец, Даша уже числилась горничной. Постаревшая Сюльви более не нужна была Елизавете Аркадьевне, а молодая и проворная Даша поддерживала дом в той же идеальной чистоте, которую наводила раньше финка. К тому же Даша, как и ее мать, была для Дальбергов своей, она выросла у них на глазах, они по-своему любили ее, как можно любить дочь кухарки.

Именно Даша первой встретила Энтони Ричардсона, когда он приехал к Дальбергам.

— Good day!— приветствовал он ее сверкающей улыбкой.

— Здравствуйте,— по-русски ответила она, сообразив, что он сказал ей что-то в том же роде.— Добро пожаловать, вас ждут.— И она, сделав книксен, приняла от него шапку и меховое пальто и отворила перед ним дверь в гостиную. Ей показалось, что он внимательно посмотрел на нее. Верхняя губа девушки, чуть тронутая темным пушком, дрогнула от волнения.

Даша не могла знать, какую роль сыграет в ее судьбе Энтони Ричардсон, но смутное предчувствие чего-то важного, связанного с ним, уже не покидало ее с этой минуты. Недаром же она видела сон, будто на ней платье Елизаветы Аркадьевны, а на голове красивая шляпка, и все мужчины, бывшие в гостях у Дальбергов, говорили ей чудесные слова, каких она раньше никогда не слышала, ухаживали за ней и предлагали ей руку и сердце. Несчастная девушка не знала тогда, что если служанка видит себя во сне в платье своей госпожи, она будет потом горько оплакивать свою судьбу. Эту верную примету Даша вычитала позднее в «Великой книге судеб».

Комнату Ричардсона на втором этаже Даша убирала с особой тщательностью, не торопясь заправляла постель, по десять раз протирала дубовый письменный стол, на котором и без того не было ни пылинки. Иногда, поднимаясь к себе после завтрака, Энтони обменивался с ней несколькими фразами. Первое время он лишь благодарил девушку за чистоту и порядок, потом сказал как-то, что ей надо изучать английский, этот язык поможет ей в будущем выйти в люди, и начал ее учить сначала самым обиходным фразам, а затем и более сложным выражениям и оборотам речи. Наконец Энтони подарил Даше специально купленный для нее в Хельсинки небольшой, но очень удобный и простой в обращении вебстеровский словарик английского языка.

Госпожа отнеслась к этой затее Ричардсона как к экстравагантной шутке, но когда месяца через три Энтони в присутствии Дальбергов заговорил с девушкой по-английски и она поддержала разговор, в глазах Елизаветы Аркадьевны, как заметила Даша, вспыхнул недобрый огонек материнской ревности: Лео говорил по-английски не лучше.

Когда Энтони первый раз поцеловал ее, девушка не нашла в себе сил для сопротивления, да она и не хотела сопротивляться. Она уже любила.

Анна Кузьминична хотела было предостеречь дочь от неверного шага, но что могли значить слова матери, которая сама не уберегла себя от любви? К тому же изверившаяся в жизни Анна Кузьминична сочла: чему быть, того не миновать, а состоятельный иностранец всегда лучше бедного русского эмигранта или финского торпаря. Бог даст, с его помощью удастся скопить небольшие деньги и открыть русскую столовую или кофейню, тогда у них с дочкой будет свое дело. Без собственного дела человек не человек, а прислуга. Не каждой бедной девушке господь посылает такого покровителя, как Энтони Ричардсон.

А Дальберги? Они, конечно, заметили, что происходило с Дашей, но расположение гостя для них было, как видно, важнее судьбы горничной. Свен Аугустович, правда, сказал как-то Энтони наедине что-то назидательное по этому поводу. Но Ричардсон только весело рассмеялся. Сказал в ответ непринужденно, но достаточно категорично:

— Мистер Дальберг, вы же отлично понимаете, что со словарем на подушке любой язык усваивается легче. Когда вы приезжали в Америку, то, насколько мне известно, вы также пользовались таким словарем чаще, нежели библией.

— Разве мы имеем что-нибудь против?— поспешил капитулировать изрядно смущенный Свен Аугустович.— Это ваше личное дело, Энтони. Нам с Елизаветой Аркадьевной хотелось бы только, чтобы ваши отношения с Дашей носили пристойный характер. Сами понимаете, у нас сын-подросток.

Даша, случайно услышавшая эти слова из соседней комнаты, в слезах убежала в свой финский домик.

— Словарь на подушке... Словарь на подушке,— плача, повторяла она обидные слова.

В них была не только обида, но и оскорбление. Ну, пускай он не женится на ней — он и не обещал этого, но почему же наедине он говорил такие нежные и ласковые слова, какие наяву она слышала впервые в жизни, а хозяину назвал ее «словарем на подушке»? Разве только «словарем» была она для него все эти месяцы? Разве не она, Даша, когда он просил об этом, рассказывала ему все подробности о тех людях, с кем он хотел встретиться в Териоках и Выборге? И неужели Энтони забыл, что это с ее помощью и помощью ее матери он познакомился со многими финнами, живущими близ советской границы? А сколько других услуг, больших и мелких, она оказывала ему по первому его слову!..

Наступила весна, и Энтони уехал. Он сказал, что хочет немного пожить в Хельсинки и побывать в других городах маленькой, но прекрасной Суоми, в первую очередь в Турку и Тампере. Обнимая его, Даша плакала, забыв про обиду. Ричардсон утешал девушку, целуя ее заплаканные глаза. Переборов рыдания, Даша неожиданно для самой себя спросила вдруг:

— Ты правду говорил, что у тебя в Штатах нет невесты?

— Ну конечно же, правду, дорогая!

— Ни о чем тебя не прошу, только об одном: обещай, что ты не женишься до следующей встречи со мной.

Разумом Даша понимала, что Энтони никогда не женится на ней, что если и любил ее эти счастливые недели по-своему, то все рав-

П. Корин. ПОРТРЕТ А. Н. ТОЛСТОГО. 1940.

П. Корин. ОТЕЦ И СЫН. 1931.

но время и расстояние сделают свое дело. Но... Всякое может случиться. Так хотелось надеяться на лучшее. От самого Энтони она слышала не раз и читала тоже, что его соотечественники там, за океаном, не связывают себя, как европейцы, глупыми условностями. Что он ответит ей сейчас? Его обещание не жениться до следующей встречи означало бы для нее хоть какую-то надежду на будущее. Молчания Энтони или уклончивого ответа она бы сейчас не перенесла.

— Обещаю, дорогая!— Глаза Энтони увлажнились, и он крепко обнял девушку. В этот миг он и сам верил, что любит...

...Сначала пришло письмо Дальбергам, а через несколько дней и ей. Ричардсон писал, что знакомится с достопримечательностями финской столицы, но все время думает о Даше. «Я не успел уехать, а уже жду с нетерпением, когда мы снова будем вместе»,— писал он и сам верил написанному.

Энтони прислал еще несколько писем из Хельсинки, Турку, Тампере, Котки и других городов Финляндии. Потом она получила письмо из Соединенных Штатов. Его содержание и тон были уже иными: как будто Энтони писал своему хорошему приятелю по университету, а не возлюбленной.

К рождеству все получили от Ричардсона поздравления и подарки: и Дальберги и Даша с матерью. Она навсегда запомнила во всех подробностях, как оно было.

В рождественский вечер Елизавета Аркадьевна по старому русскому обычаю пригласила к праздничному семейному столу и Анну Кузьминичну и Дашу.

— Ну-ка, что нам послал Дед Мороз?— торжественно, с растяжкой, как говорят с детьми, когда готовят им сюрприз, произнес Свен Аугустович, входя в столовую. В руках у него был небольшой мешок с рождественскими подарками. Дальберг встал возле богато украшенной, горящей десятками разноцветных свечек елки, сунул в мешок руку и достал оттуда небольшой футляр, обтянутый темно-синим сафьяном.

— Кому это и что это?— нараспев спросил Свен Аугустович.— «Елизавете Аркадьевне»,— прочел он на вложенном в футляр рождественском поздравлении и вручил подарок жене. На темно-синем бархате светился кулон с бриллиантом на золотой цепочке. Хотя, судя по всему, Елизавета Аркадьевна и знала, что находится в футляре, она не могла скрыть, что обрадована и польщена таким дорогим подарком.

— Кому это и что это?— продолжал шутливо вопрошать Свен Аугустович. «Лео» — было написано на открытке, и Дальберг передал сыну роскошно изданный том — «Песнь о Гайавате».

Мальчик перелистал книгу, расплылся в улыбке и неожиданно выпалил:

— Спасибо тебе, Энтони!

Ощущение присутствия Ричардсона тотчас острой болью отдалось в сердце Даши.

Анне Кузьминичне из мешка была извлечена нарядная шерстяная накидка с кистями и... квадратной дырой в центре.

— Это пончо,— объяснил Лео,— его носят индейцы в Америке. Вот бы мне такое!— И он помог Анне Кузьминичне надеть необычную накидку.

Когда Свен Аугустович достал из мешка еще один футляр, обтянутый на сей раз темно-вишневым сафьяном, Даша смутилась и покраснела. Неужто это ей?

«Даше»,— прочитал хозяин на поздравительной открытке. В футляре на бархате тоже вишневого цвета покоилась маленькая золотая ветвь. На каждом ее листочке каким-то чудом держалось по зернышку жемчуга. Прежде чем передать футляр девушке, Свен Аугустович повернул его к зажженным по случаю праздника свечам на столе, и у основания ветви засверкала алмазная звездочка. Переливаясь всеми цветами радуги, она отбросила снопик лучей прямо в глаза Даши.

— Очень мило, очень мило,— услышала она холодный и далекий голос Елизаветы Аркадьевны.— Пойдет к любому темному платью.

«Это подойдет ко мне, а не к моим платьям!»— мысленно ответила Даша хозяйке.

Последний подарок из мешка достал и вручил отцу Лео — дорогой серебряный портсигар.

...— Ох уж эта Даша! Сколько крови они с Энтони попортили нам и еще попортят!— тяжело вздохнув, произнесла Елизавета Аркадьевна. Она встала с кресла, подошла к зеркалу, привычным движением поправила седую, с синеватым отливом прическу и направилась за портьеру в мастерскую.

— Ну как, Даша, скоро будет готово платье госпожи советницы Фогель?

Дарья Егоровна оторвала голову от шитья.

— Эту работу нужно закончить срочно,— продолжала мадам Дальберг.— Завтра с утра пойдешь в «Евротур», приезжают русские туристы. Кстати, Энтони действительно здесь. Он только что телефонировал мне. Сегодня вечером ты его увидишь. Он хочет видеть тебя.

— О, господи!— На лице Даши Елизавета Аркадьевна прочла не то радость, не то страдание. Может быть, это было и то и другое вместе.

ГЛАВА 7

Уже третий день полковник Энтони Ричардсон жил в хорошо знакомом ему старинном особняке в столице небольшой европейской страны. Отведенные в его распоряжение апартаменты занимали почти весь второй этаж здания и — очень важно — имели малоприметный отдельный вход со стороны Беличьего парка.

Никаких построек в этой части не тронутого цивилизацией лесного массива не было. Вдали сквозь густую листву виднелась лишь литая чугунная решетка, отделяющая обширную территорию Координационного центра от внешнего мира. Вдоль ограды, печатая шаг, прохаживался рослый полицейский в темном мундире, перепоясанном белым лакированным ремнем, и белой каскетке. На ремне висел целый арсенал: пистолет в открытой кобуре, резиновая дубинка, миниатюрная рация, наручники, аэрозольный баллон, заправленный мгновенно парализующим на двадцать минут газом, еще что-то...

Ровно в шестнадцать ноль-ноль этого полицейского сменит другой и будет точно таким же чеканным шагом нахаживать километры, не забывая цепкими глазами фиксировать все, что может касаться охраняемой территории. Никто из гуляющих в парке не мог бы подойти к особняку незамеченным.

Ричардсон отметил это чисто механически. Он был здесь гостем, вовсе не старался встречаться ни в этом доме, ни в его окрестностях с кем-либо из высокопоставленных деятелей страны и относился в высшей степени безразлично к тому, ведет ли местная служба безопасности наблюдение за ним или нет. Он, полковник Ричардсон, прекрасно знал, кто за ним приглядывал всерьез и кого следовало опасаться по-настоящему. Это Стив Хейли, один из сотрудников Координационного центра, угрюмый, малоразговорчивый мужчина в том возрасте, о котором принято говорить «старость молодости или молодость старости», то есть лет сорока. Хейли был майором разведки: энергичным, дельным, честолюбивым. Его дальнейшему продвижению по службе мешали два обстоятельства: отсутствие настоящей профессиональной культуры (этого Хейли не понимал) и общепризнанное положение Ричардсона как одного из лучших специалистов по работе «на Россию» (это Хейли понимал отлично).

Стив, разумеется, не станет делать ему никаких пакостей — он знает, что Ричардсон через год уходит в отставку, и потому ждет терпеливо своего часа. Но не только ждет: выглядывает и вынюхивает, знает, что Ричардсон, передавая дела преемнику, прибережет кое-какие свои многолетние связи, из числа особо ценных, для себя и своего сына. Так поступают все старые профессиональные разведчики, да и вообще кадровые офицеры, уходя на пенсию. Потому-то они и сохраняют свой вес и влияние даже годы спустя после того, как превращаются в процветающих владельцев отелей, консультантов промышленных фирм, а то и в университетских профессоров.

Майор Хейли убежден, что Счастливчик Тони — так называли Ричардсона в разведке,— когда расстанется со своим мундиром, который, кстати, никогда не носил, не будет долго ломать голову над тем, чем заняться дальше. В Соединенных Штатах, к примеру, только в «Локхид эйркрафт», в «Дженерал дайнемикс», в «Макдональд-Дуглас» уже служат на высоких постах около шестисот отставных военных в чине от полковника и выше. Настоящий второй Пентагон, и не менее влиятельный, чем первый. Причем зарабатывают бывшие генералы и полковники куда больше, чем раньше в вооруженных силах. Хейли понимает, какой находкой явится для любой промышленной корпорации полковник Энтони Ричардсон с его опытом и связями старого разведчика. Хейли знает, почему так ценят тузы крупного бизнеса, воротилы военно-промышленного комплекса отставных военных, особенно разведчиков.

Общеизвестно, что американская фирма «Риенкшн моторс» более компетентна, чем «Аэроджет дженерал». Но многомиллионный заказ на двигатели для ракет «Поларис» получила именно «Аэроджет». Только благодаря усилиям своих служащих: бывшего военно-морского министра Дэна Кимбала, адмирала Хатчеса и генерала морской пехоты Хейварда. Ясное дело, эти трое внакладе тоже не остались. Деньги огромные. При таких гонорарах ему, всего-навсего майору, надеяться на альтруизм Счастливчика Тони не приходится, нужно и самому не зевать. Он и старается не упустить ничего.

Полковник Ричардсон сочувствует Стиву Хейли, но входить в его положение вовсе не собирается. Достанется что-нибудь майору от его пирога, пусть считает, что повезло. Но вообще-то тайные хлопоты Хейли создают для Ричардсона некоторые дополнительные трудности. Он вынужден применять свой опыт разведчика, мастерство конспиратора, чтобы уходить от наблюдения собственного подчиненного и вероятного преемника. Смешно? Нисколько!

Баронесса, судя по всему, его последнее большое дело. Шестым чувством, знаменитым своим нюхом Ричардсон ощущает — результаты могут оказаться исключительно ценными и перспективными. Что же касается Хейли, пусть напрягает свои усилия, чтобы сделать хоть толику того, что сделал за годы службы в разведке он, полковник Энтони Ричардсон.

Баронессу Ричардсон не передаст никому ни при каких обстоятельствах. Он нашел ее сам. Правда, через старуху Дальберг, но она тоже его человек. Когда он уйдет в отставку, то и она удалится от дел. Навсегда. Много ли ей осталось жить? С десяток лет, не больше. Она будет молчать. Благополучие сына, которого она вывела в люди с его, Ричардсона, помощью, для нее превыше всего. А безопасность Лео целиком зависит (по крайней мере в ее глазах) от него, Энтони.

Ричардсон подошел к бару, смешал джин с тоником, бросил в высокий тяжелый стакан кусочек льда. С удовольствием сделал глоток отдающего ароматной горечью можжевельника крепкого напитка.

Итак, Баронесса... По привычке старого, вышколенного разведчика Энтони еще и еще раз фиксирует про себя основные позиции, выработанные с шефом по ее делу. Если уж сам руководитель Координационного центра заинтересовался этой русской красавицей, пускай и не первой молодости, значит, достоверность доставленных ею сведений подтвердилась всеми экспертами, а сама информация расценена очень высоко.

Русская технология получения так называемой замороженной крови, способной сохранять все свойства свежей при очень длительном хранении даже в неблагоприятных условиях, уже изучается соответствующей фирмой. Ее собственные специалисты бились над этой проблемой годы, ухлопали уйму денег, но так ничего и не сделали. А тут всего лишь одна кассета с отснятой пленкой... Интересно, представляет ли сама Баронесса, сколько она могла получить за эту пленку, если бы имела возможность пустить ее с открытых торгов на аукционе фармакологических фирм? Ричардсон тоже, впрочем, может об этом только догадываться, вернее, судить по реакции шефа.

Во время их недавней последней встречи Миллс находился в настроении философическом. Успех с замороженной кровью привел

его в столь приподнятое настроение, что он прочитал Ричардсону нечто вроде лекции. Впрочем, ничего нового он Энтони не сказал, кроме того, что подтвердил наличие у них обоих общей точки зрения на нынешнее состояние дел в научно-технической разведке.

— Мы-то с вами, полковник, знаем,— говорил Миллс, уютно и прочно устроившись в огромном кожаном кресле (как многие люди маленького роста, он питал пристрастие ко всему крупному — от мебели до женщин),— что научно-техническая революция в корне изменила наши представления о секретной и несекретной информации. Когда-то разведчик шел на смертельный риск, чтобы выяснить, в каком городишке расквартирована энская пехотная дивизия, которая, кстати, мирно пребывала в оном порой десятилетия. Сегодня для нас не имеет никакого особого значения информация о том, какую воинскую часть русские держат, скажем, в Чухломе. За считанные часы они все равно могут перебросить ее в любую точку за несколько тысяч километров. Нас не волнует также, сколько водородных бомб они производят в месяц. Этого добра мы сами уже столько наделали, что ими можно уничтожить все живое на десяти таких планетах, как Земля.

Даже без всевидящих спутников-шпионов, с помощью одной только логики можно определить, где располагаются установки русских для запуска межконтинентальных и прочих ракет — примерно в тех местах, где бы мы их расположили сами, если бы это была наша территория. Политические секреты противника для нас очень важны, но они, увы, являются секретами, так сказать, одного дня.

— Именно так,— поддакнул Ричардсон.

Он уже заранее знал, что последует дальше. Шеф обладал поразительным свойством — возвращать в безапелляционной, категоричной форме те самые мысли и рассуждения, которые первоначально получал от него, Ричардсона. Разумеется, уже как его, Миллса, собственные откровения.

Сколько усилий в свое время потратил Ричардсон, чтобы убедить руководство в том, что представления большинства русских о бдительности давно изменились. В Москве, Ленинграде, Киеве и других советских городах уже давно не тащат в милицию любого иностранца, который фотографирует фабричный забор или вообще ведет себя «подозрительно». Русские тоже прекрасно знают, что подобная «заборная» информация давно никого не интересует, что цена ей, по их выражению, ломаный грош, да и то в базарный день.

Миллс поучительно продолжал:

— Вы-то, Энтони, знаете, что Россия для нас самая трудная страна. И виновато в этом само Центральное разведывательное управление, то есть мы с вами, Тони. ЦРУ до сих пор считает, что ему все дозволено и все возможно. И почти каждое его деяние в Советской России терпит крах. Все трудней и трудней находить контакты с русскими. Именно поэтому надо с крайней осторожностью сосредоточиться на самом главном.

Для всех разведок мира стало аксиомой, что экономическое развитие той или иной страны, следовательно, и ее военная мощь, определяются научно-технической оснащенностью. Вот почему научно-технический и промышленный шпионаж стал наконец-то одним из главных направлений тайной войны. Кстати, куда раньше политиков и военных эту истину поняли промышленники и бизнесмены, создавшие собственную систему частных бюро, занимающихся на высоком профессиональном уровне производственным, научным, техническим и банковским шпионажем по заказу конкурирующих фирм. (А не стоит ли ему, Ричардсону, после ухода на пенсию создать собственное подобие бюро? Надо подумать...)

Научные и технические открытия — самая надежная валюта в наши неспокойные дни. Причем вовсе не обязательно открытия, прямо носящие военный характер. В наш век никто не может заранее сказать, где и как сработает самое невинное на первый взгляд изобретение или открытие. Советские молодые конструкторы разработали в Сибири прибор — дефектоскоп, позволяющий определять степень усталости металла двигателей реактивных самолетов. Запад купил на него лицензию и оснастил новыми приборами не только гражданские аэродромы, но и базы военно-воздушных сил. С их помощью удалось избежать многих катастроф и сохранить не один самолет.

Вообще же в Советском Союзе дело охраны промышленных и научных секретов поставлено совсем неплохо. Но разве ценность имеют только охраняемые секреты? Экономический эффект дают и патенты, которые западные фирмы покупают у русских или непосредственно, или через свои дочерние фирмы. А публикации в их научной литературе и периодике? Это же богатство!

Продолжение следует.

НА ОРБИТЕ МОСКВА—ПАРИЖ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

Специалисты с этой центрифуги рассказывали, что они очень сочувствовали этому обаятельному синеглазому летчику, но нагрузку, точнее перегрузку, выдали полную. Да еще то ли переводчица не так поняла врача, то ли Кретьен не понял, только вместо «не задерживайте дыхания» он совсем перестал дышать, и это в самый пиковый момент. Кривая на осциллографе такая пошла, что все перепугались. Но Жан спокойненько вышел и даже шутил потом. «Вот он и пойдет»,— думали все, кто проводил эти испытания, только вслух не говорили, боялись сглазить, очень он понравился.

А сейчас по утрам они шли мимо этого здания в учебные классы. Лекции по теории космических полетов, по теории кораблей, теории станции и много всяких других теорий. Учиться-то им было не привыкать.

Биографическая справка.

Жан-Лу Кретьен, подполковник ВВС Франции. Кавалер ордена Почетного легиона.

Родился 20 августа 1938 года в городе Ла-Рошель.

В 1962 году окончил Военно-воздушную школу Салон де Прованс.

В 1970 году окончил школу летчиков-испытателей в городе Истр. Был ответственным за испытания французского самолета «Мираж-F1». Имеет налет 5000 часов. С 1977 года — заместитель командующего ПВО Южного района Франции.

Постепенно становилось труднее, оказывается, знать самолеты, это одно, а современная космическая техника имеет к тому самое малое отношение. Лавиной нарастало количество материала по конструкции и теоретическим основам. По ночам осязаемо снилась абракадабра слов: КРЛ, СОУД, КСУ; всех этих слов во французском нет, впрочем, и в русском тоже. Заходили в тот зал, где стояли скафандры и тренажер «Салюта-6», в котором тогда еще работали экипажи на орбите. Смотрели, завидовали. Даже на центрифугу уже хотелось.

Пришло время скафандров. После небольших каникул сформировали экипажи. Жан Кретьен вошел в первый, где командиром был Юрий Малышев, а борт-инженером Александр Иванченков. Во второй, дублирующий,— соответственно Леонид Кизим, Владимир Соловьев и Патрик Бодри.

Первое крещение состоялось на Черном море. В программу подготовки всех экипажей входят тренировки по спасению на море. Это мы так зовем свою планету — Земля, а покрыта она на две трети водой. И вдруг что-то откажет на орбите, придется нештатно опускаться. Пока бог миловал, но на случай этот и обучают космонавтов спасать себя в морских условиях.

Все мы любим Крым и Черное море. И, конечно, предвкушали космонавты, как будут показывать французам этот благословенный уголок нашей Родины, да еще в бархатный сезон. Но погода распорядилась по-своему. Море штормило, многопудовыми тяжелыми волнами ударяло в борт катера, на котором добирались до корабля.

Космонавты поэкипажно надевали скафандры, и в спускаемом аппарате их выбрасывали в море. Так в этой теснотище переоблачались в гидрокостюмы, открывали свой «шарик», по очереди выбирались из него. Затем давали опознавательный сигнал. И тут уже молодцы из спасательной службы подбирали их и доставляли на борт.

Если б теплая водичка, да солнышко, может, и в удовольствие все это проделывать, но тут и море холодное, и ветер, а то и дождь... Даже инструкторы, наблюдая с корабля, как болтает их подопечных в «шарике», качали головами — нахлебаются Жан и Патрик!

Тогда в Крым, кроме этих двух советско-французских экипажей, приехал и Владимир Джанибеков. Он незадолго до этого в составе советско-монгольской экспедиции закончил полет, писал отчет и вместе со своей группой не смог пройти эти тренировки. По тому, как надевал он костюм, входил, вернее втекал в спускаемый аппарат — быстро, красиво,— видно было, что человек он бывалый. И французским коллегам помогал и советом и делом.

Как-то распогодилось к вечеру, вместе гуляли по городу, смотрели картины Айвазовского, ели горячие кукурузные початки, посыпая их солью...

По возвращении в Звездный сразу началась круговерть тренировок. На конкретном тренажере корабля «Союза-Т», а не просто «Союза», на тренажере конкретной станции. И ежедневно медицинские занятия на огромных качелях, вращающихся креслах, на самолетах «Ил-76».

В центре подготовки накоплен огромный опыт работы, выпущено уже 60 космонавтов, в том числе 9 граждан из других социалистических стран по программе «Интеркосмос». Расписание составили так, чтобы к июню выпустить экипажи. В то же время на заводе готовили для них ракету и корабль.

Наступила зима. Она была хороша в этом году, снежная, мягкая. У себя Жан и Патрик катались только на горных лыжах, а сейчас по воскресеньям все вшестером отправлялись за много километров в лес на беговых. Делали определенные успехи в языке, он казался уже не таким недостижимым.

И только-только разогнались в работе, как вдруг заболел Юрий Малышев. Сначала казалось: неделя простоя и все наверстаем. Но врачи обнаружили у Малышева шумы какие-то в сердце, значит, остановка должна быть долгой. Руководство Центром подготовки решило заменить Малышева, но еще и не было сказано начальственного слова, а среди всех прошелестело: «Джанибеков». Да, командиром советско-французского экипажа назначали Владимира Александровича Джанибекова.

Прекрасный он человек, умница, тактичный, образованный. И еще важно: ближе других знает этот экипаж по черноморским тренировкам.

Биографическая справка.

Джанибеков Владимир Александрович, полковник, дважды Герой Советского Союза.

Родился 13 мая 1942 года в поселке Искандар Ташкентской области.

С одиннадцати лет учился в Суворовском училище. В 1965 году с отличием окончил Ейское высшее военное училище летчиков. На станции «Салют-6» работал дважды: в 1978 году с Олегом Макаровым и в 1981 году по программе «Интеркосмос» с монгольским космонавтом Гуррагчей.

И несмотря на все его столь положительные качества, нельзя сказать, что он так сразу вошел в экипаж. Да еще чтобы не просто числиться командиром, а чтобы тебя признал этот маленький, но коллектив.

Начали то, на чем остановились. По нескольку часов сидели в корабле или в станции. Нажимали кнопки, работали рукоятками управления. А приборы на пульте показывали, что происходит с их кораблем, какие маневры они совершили, какие системы включили. Космонавты даже Землю видели, и по скольку раз, когда отрабатывали старт или посадку. Конечно, не саму Землю, а ее изображение, снятое на кинопленку из космоса. И так часов по десять в сутки.

Джанибеков казался мягким, вежливым, улыбчивым, но вот садился на командирское кресло и сразу приобретал особую неутомимость и крепость, сохраняя при этом все свои дипломатические качества. Помогало безупречное его знание всей космической техники. Однажды я спросила, считает ли он, что космонавт — профессия? Он ответил: «Я думаю, что за этим словом «космонавт» кроется целая жизнь. Иногда, тут уж журналисты виноваты, складывается впечатление, что космонавты только тем и занимаются, что бегают в спортзале, тренируются, накачивают мышцы. Все далеко не так. Космонавт — это профессия, самым характерным является необходимость постоянной учебы».

Помогало и то обстоятельство, что с борт-инженером экипажа Александром Иванченковым их судьба уже сводила, они работали на программе «Союз»—«Аполлон». Они оба были в запасном экипаже, то есть их представили широкой публике до того, как они побывали в космосе. Тогда еще произошел досадный случай, когда на старте «Союза» вышло из строя видеоизобразительное устройство. Именно Иванченкову и Джанибекову поручали выяснить причину, дать рекомендации на борт. И помню, как вспыхнуло изображение «Союза» на большом экране в Центре управления полетами, а зал разразился аплодисментами,— аплодировали не только Леонову и Кубасову на орбите, но и Володе с Сашей.

Биографическая справка.

Александр Сергеевич Иванченков, Герой Советского Союза. Родился 28 сентября 1940 года в поселке Ивантеевка, Московской области.

В 1964 году окончил Московский авиационный институт и сразу же поступил в КБ Королева.

На «Салюте-6» проработал 140 суток в качестве бортинженера с Владимиром Коваленком (вторая основная экспедиция).

За эти четыре с лишним месяца сколько он увидел над Землей: лунных затмений, полярных сияний, закатов, бурь.

Да, теперь он знает космос не только из станции. Знает в «лицо». Выходил в открытый космос, собирал образцы различных материалов, укрепленные на внешних стенках «Салюта-6» для того, чтобы эта новая, седьмая, станция и последующие за ней стали лучше.

А эту, седьмую станцию он, вернувшийся с шестой ранее других, «патронировал», особенно по вопросам более рационального размещения научной аппаратуры. Вот эти трое и должны были теперь составить экипаж. А экипаж — это когда все и всё понимают одинаково. С полуслова.

Очень редко выпадали свободные вечера. Тогда Жан играл на органе Баха. А иногда — самого себя, как он говорил, и не пробовал, а сами собой получались маленькие музыкальные сочинения о Париже, о... космосе. Говорили о политике, спорили. Читали Жака Превера, Аполлинера, советских поэтов. Рассказывали, что был у нас когда-то давно такой фильм «Беспокойное хозяйство» — простой, наивный, чистый. О дружбе советских и французских летчиков во время войны. Вместе пели «В небесах мы летали одних, мы теряли друзей боевых, ну, а тем, кому выпало жить, надо помнить о них и дружить».

Да, мы помним о них и обо всех тех, кто не вернулся с войны. Наши космонавты — Ляхов, Климук, Коваленок, да и другие — не дождались они своих отцов. Жан Кретьен-старший воевал под флагом де Голля...

Джанибекова уговорили отправить свои рисунки на выставку «Ученые рисуют». Заходила речь о живописи, о Лувре, о Парижском музее импрессионистов. Володя считает этот день, когда он был там, одним из счастливых в своей жизни.

И Жана и Патрика удивляло, как хорошо русские, не только их друзья космонавты, а многие другие, с кем они встречались, знают и любят живопись, литературу, поэзию, историю Франции.

К весне Национальный центр космических исследований и «Интеркосмос» АН СССР поставили в Звездный образцы научной аппаратуры и методики экспериментов с ними. Приборы были совершенно новые для всех троих, сложные, деликатные. Причем приборы по самым различным направлениям космической науки. Вес их в целом 240 килограммов.

Парижский Институт астрофизики предложил ряд экспериментов провести на фотографических фотокамерах: ПИРАМИГ (сверхвысокая чувствительность, электронно-оптический преобразователь, работает в инфракрасной области света) и ПСН (регистрирует самое слабое свечение ночного неба, излучение верхних слоев атмосферы). Обоими приборами можно работать только на теневой стороне орбиты.

Ученые Гренобльского университета уже поставляли ранее на борт «Салюта-6» технологические ампулы для эксперимента «Эльма». Тогда работали Попов и Рюмин. Теперь появился эксперимент «Эльма-2». Французская сторона предоставила для этой программы новый набор ампул и устройства к советской космической печи «кристалл», измеряющие температуру сразу в 14 точках. На орбите технологические эксперименты должны проводиться с первого до последнего дня.

Сложнее других для космонавтов оказались медицинские приборы, весьма оригинальные по конструкторскому решению. Эксперимент «Эхография» осваивали практически до самого дня старта.

Медики все чаще и настойчивее приглашали в свой медицинский корпус, и не только на обследования, а и на тренировки. Вот тут уж для Жана Кретьена и Патрика дали не пять единиц перегрузки, а все восемь, как на баллистическом спуске.

Это была жесткая жизнь, когда более всего понадобились их умение работать, постоянная готовность к работе. И орган тосковал без хозяина и пылился. Все, кто готовился к этому полету, перешли в профилакторий, под полное и постоянное наблюдение врачей.

А позже, в предполетные дни, Жан-Лу както сказал, что все то, чем он жил раньше, Париж, друзья, самолеты, все само собой отодвинулось, тот мир казался только предисловием к этой жизни, которую он не может вместить ни в книгу, которую хочет написать, ни в статью, ни в свой фильм.

Пришла весна, и близилось время экзаменов. 13 мая на Байконуре провожали Лебедева и Березового. Патрик Бодри сказал тогда: «Десятки раз мы видели эти старты в кино, по телевидению. Но наяву... это незабываемое зрелище, какая динамика! И не только красота в том, как полыхает, грохочет и уносится ракета над степью. Красота в четкости и согласованности работы людей, как в хорошем оркестре».

Патрик Бодри, майор ВВС Франции, он на 8 лет моложе Жана. По сравнению с элегантным, сдержанным бретонцем Патрик подвижнее, живее. Говорит быстро, любит все скоростное — самолеты, машины, мотоциклы. Наверное, ему трудно было себя держать в узде тренировок с их некоторой статичностью и бесконечной повторяемостью.

Я не видела, как они сдавали свои экзамены, когда два дня, третьего и четвертого июня, шла последняя комплексная тренировка. Проигрывали в реальном масштабе времени в скафандрах старт корабля, выведение на орбиту, стыковку со станцией и т. д.— словом, весь образ полета, включая даже космические обеды.

Алексей Архипович Леонов, он отвечал за подготовку этих экипажей, выразил одной фразой: «Классно». А я видела их уже после тренировки, выходящими из ворот. Красивые. Все трое почти одного роста, с хорошей посадкой головы. Все синеглазые. Может быть, глаза у одного из них были и серые, но сейчас, когда ярко светило солнце и трава, и сирень, они были у них одинаково синими, счастливыми. Володя хлопнул Жана по плечу, что-то сказал, и все трое рассмеялись. Это был один экипаж. И в нем не было чужих.

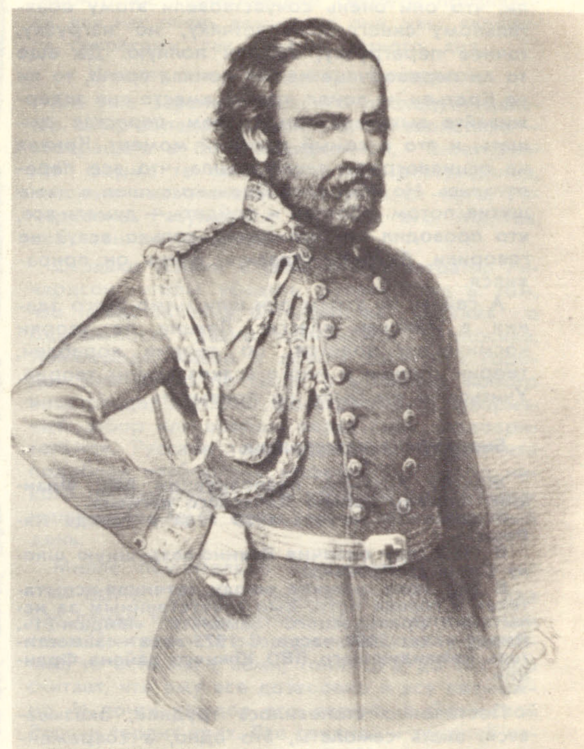
А через два дня они блестяще под грохот двигателей в своем собственном корабле «Союз Т-6» сдали этот экзамен уже в космосе.

И теперь на орбите четыре советских космонавта: Анатолий Березовой, Валентин Лебедев, Владимир Джанибеков, Александр Иванченков и сын Франции Жан-Лу Кретьен. Они работают вместе. Для блага русских и французов. Для того, чтобы люди знали: они могут, несмотря ни на что, работать в одном экипаже.

К 175-летию со дня рождения

ДЖУЗЕППЕ ГАРИ
ЧЕЛОВЕК—

Иван БОЧАРОВ

Джузеппе Гарибальди. 1859 год.

В 1833 году в одном из портовых кабачков, где за стаканом вина собирались моряки приходивших в Таганрог итальянских судов, состоялась встреча двух молодых людей, которая обозначила собой важную дату в истории итальянского национально-освободительного движения — Рисорджименто. Одного из них, члена тайного революционного общества «Молодая Италия», созданного за два года до этого Джузеппе Мадзини, звали Джованни Баттиста Кунео. Другого — Джузеппе Гарибальди.

Двадцатишестилетний Гарибальди был потрясен этой встречей, тем, что в Италии не только есть люди, которые, подобно ему, глубоко страдают при виде униженной доли родного народа, но есть и тайная организация, объединяющая патриотов и ставящая своей целью подготовку революционного восстания ради освобождения своей страны и создания единого и независимого итальянского государства с республиканским строем. Много лет спустя Гарибальди так вспоминал о таганрогской встрече с Кунео, который с тех пор стал его другом на всю жизнь и был автором первой биографии «героя двух миров»:

«Я во всех обстоятельствах моей жизни не переставал спрашивать то людей, то книги... о воскрешении Италии («рисорджименто» в переводе на русский язык означает воскрешение.— **И. Б.**). ...Наконец, в путешествии моем в Таганрог я встретил патриота, итальянца, который первый дал мне некоторые сведения о том, как шли дела в Италии... Христофор Колумб, когда, заблудившись в Атлантическом океане, не зная, куда направить путь... услышал в конце третьих суток... радостное восклицание «земля!», он не был счастливее меня, когда я услышал возглас «отечество!».

Гарибальди становится членом «Молодой Италии» и дает клятву посвятить свою жизнь освобождению родины от цепей рабства. Этой клятве он останется верен до последнего вздоха.

Родился Гарибальди 4 июля 1807 года в семье потомственного моряка в городе Ницце, которая тогда входила в состав Пьемонтского королевства. С ранних лет в нем проявились те черты характера, которые самое имя его сделали олицетворением легендарного бесстрашия и мужества, беззаветной преданности делу свободы, самоотверженности в борьбе против любых форм угнетения человека человеком, близости, вернее, даже слитности с людьми труда, полном бескорыстии, готовности всегда прийти на помощь слабому.

В январе 1834 года, через год после вступления в ряды борцов «Молодой Италии», Джузеппе Гарибальди принимает участие в подготовленной Мадзини попытке восстания в Пьемонте, которое, по замыслам его организаторов, должно было послужить искрой, чтобы вызвать революционный взрыв во всех концах Италии, переживавшей одну из самых трагических страниц в своей многовековой истории.

После поражения Наполеона Австрия сделалась неограниченной повелительницей Италии. Страна была раздроблена на восемь государств. В Парме, Модене и Тоскане на престолы были посажены отпрыски австрийской династии Габсбургов. Австрийские гарнизоны были размещены на территории Папской области. На весь Апеннинский полуостров легла тень тяжелого австрийского сапога, топтавшего национальное достоинство Италии и опиравшегося на самые темные силы местной реакции.

Но плохо подготовленное Мадзини восстание в Пьемонте провалилось, Гарибальди, сумевший вовремя укрыться на территории Франции, был заочно приговорен к смертной казни. Вскоре он эмигрирует в Южную Америку, где в течение многих лет сражается во главе небольших отрядов партизан-волонтеров за свободу и независимость Риу-Грандской и Уругвайской республик. Слава непобедимого партизанского вожака и искусного полководца скоро перешагнула границы американского континента и достигла Италии, где жаждущий свободы народ ждал, что он вернется на родину и возглавит отряды революционных бойцов.

Однако Гарибальди смог вернуться в Италию лишь четырнадцать лет спустя после своего отъезда из Европы, когда над Апеннинским полуостровом заполыхало пламя революции 1848 года. Объединив вокруг себя самых смелых и преданных своих сподвижников, Гарибальди на корабле «Сперанца» весной 1848 года отправился к берегам старого континента.

Италия встретила легендарного полководца бурными проявлениями народного энтузиазма, ибо, как подчеркивал русский революционер и писатель-демократ С. М. Степняк-Кравчинский, «американские походы подготовили не только Гарибальди для Италии, но и Италию для Гарибальди». К этому времени вся страна была охвачена революционными волнениями. Итальянские повстанцы изгнали австрийских поработителей из Ломбардии и Венеции, а население других итальянских государств требовало немедленного объявления войны

БАЛЬДИ, ЛЕГЕНДА

Австрии. Однако и после начала военных действий с Австрией сардинский король Карл Альберт, которому Гарибальди «предложил свою шпагу», не хотел воспользоваться полководческим опытом «героя двух миров», поскольку тот настаивал на развертывании народной, революционной войны против австрийского владычества, грозившей смести вместе с иноземным врагом и местные монархические режимы. «Население встретило нас с изъявлением радости,— вспоминал позднее Гарибальди,— а высшие инстанции — с холодом, указывающим на не совсем чистую совесть. Это было прелюдией к длинному ряду препятствий, которые мы встречали на нашем пути всюду, где господствовала идея объединения, но где власти придерживались либерализма больше из страха перед народом, чем из внутреннего убеждения».

В результате австрийцы скоро стали брать реванш, отвоевывая у пьемонтских войск северные территории Италии.

Полководческий дар Гарибальди в полном блеске проявился в Риме, где в ноябре 1848 года была свергнута светская власть папы. Прибыв в «вечный город», Гарибальди повел энергичную деятельность против происков реакции, выступая за немедленное провозглашение республики. Избранное демократическим путем Учредительное собрание почти единогласно декретировало 8 февраля 1849 года рождение Римской республики. Это дало мощный толчок новой волне революционного движения в Италии.

Объединенные силы итальянской и европейской реакции решили обрушить свой главный удар именно на Рим. 30 апреля генерал Удино, командовавший французскими войсками, подступил к его стенам. Обороной города руководил Гарибальди, сумевший с помощью плохо вооруженных волонтеров и национальной гвардии наголову разбить отлично оснащенный корпус Удино и обратить его в бегство.

Между тем с юга к городу подступили неаполитанские соединения. Гарибальди с 2300 человек смело атаковал шеститысячный отряд противника под Палестриной и обратил его в бегство. Вскоре произошло столкновение с главными силами неаполитанских Бурбонов под Веллетри, окончившееся столь же блестящей победой Гарибальди.

Но генерал Удино, получив подкрепление из Франции, вновь бросил на Рим 30-тысячную армию. Началось неравное противоборство с превосходящими и по численности и по качеству вооружения силами французов. Осада города продолжалась весь июнь. Защитники республики стояли насмерть, но силы были слишком неравны и их ряды с каждым днем таяли. Гарибальди доложил Учредительному собранию, что дальнейшее сопротивление невозможно, а сам с отрядом своих верных сподвижников решил пробиваться по занятой врагом территории на помощь Венецианской республике, осажденной австрийцами. Поход был невероятно тяжелым. Из четырех тысяч человек, вышедших с Гарибальди из Рима, до Сан-Марино дошло только примерно триста его самых стойких последователей. Здесь они погрузились в лодки, чтобы дальше следовать в Венецию морским путем, но тут же подверглись ураганному артиллерийскому обстрелу австрийцев и почти все погибли. Удалось спастись лишь горстке бойцов во главе с Гарибальди. Погибла на этом этапе похода Анита Гарибальди, с величайшим мужеством и героизмом разделявшая со своим мужем все тяготы и опасности его боевой жизни. Фридрих Энгельс писал о подвигах Гарибальди во время революции 1848—1849 годов: «...Австрийцы недооценили этого человека, которого они называют атаманом разбойников; а между тем, если бы они потрудились изучить историю осады Рима и его похода из Рима в Сан-Марино, то они признали бы в нем человека необычайного военного таланта, выдающегося бесстрашия...»

Гарибальди снова пришлось эмигрировать за океан, где он оставался до 1854 года, а затем, будучи не в силах оставаться вдалеке от родины, он поселился на пустынном и диком островке Капрера, близ Сардинии. В 1859 году началась война между Австрией, с одной стороны, и Сардинским королевством и Францией — с другой. Правительство Сардинского королевства обратилось к Гарибальди с предложением формировать отряды волонтеров, чтобы принять участие в военных действиях против австрийцев. Народный герой Италии, недоверчиво относившийся к политике сардинской монархии, и республиканец по своим убеждениям, тем не менее принял это предложение, надеясь, что война послужит делу объединения страны.

На призыв Гарибальди откликнулись тысячи людей. И снова «краснорубашечники», как называли сподвижников Гарибальди, которые еще со времен его походов в Южной Америке носили алые блузы, стали одерживать одну блистательную победу за другой, потому что их предводитель вел военные действия не во имя династических интересов пьемонтской монархии, а во имя единой, свободной и независимой Италии, стремился превратить войну в общенародное патриотическое движение, проводил с этой целью в освобожденных районах социальные реформы в интересах народных масс, освобождал крестьян от налогов и податей. Вскоре вся территория Ломбардии была очищена от австрийцев.

Решающий вклад в дело дальнейшего объединения страны сыграл знаменитый поход гарибальдийской «Тысячи». Речь идет об экспедиции отряда Гарибальди численностью в 1170 человек из Генуи в Сицилию для освобождения Южной Италии от гнета неаполитанских Бурбонов и воссоединения ее с освобожденными районами Северной и Центральной Италии. В мае «Тысяча» высадилась в сицилианской гавани Марсала, откуда Гарибальди обратился к населению острова с призывом к восстанию. По пути из Марсалы в главный город Сицилии Палермо в местечке Калатафими волонтеры Гарибальди разбили в результате кровопролитной 6-часовой битвы вдвое превосходящие их силы войск неаполитанских Бурбонов. Битва при Калатафими, по словам Энгельса, была одним из «наиболее удивительных военных подвигов нашего столетия», а последующие операции Гарибальди по захвату Палермо носили «печать военного гения».

Как и на севере, в Ломбардии, Гарибальди сопровождал свои военные победы социальными реформами, обеспечивающими ему поддержку со стороны широких народных масс. Это не на шутку тревожило власти Сардинского королевства, стремившихся избежать народно-революционных методов объединения страны. После освобождения Сицилии сардинский король Виктор Эммануил даже написал Гарибальди письмо, в котором отговаривал его от мысли перенесения военных действий на материк, к югу от Неаполя. Но от Гарибальди пришел категорический отказ последовать королевскому указу: «...Нынешнее положение Италии не позволяет мне подчиниться Вам... Если я теперь проявил бы колебания, вопреки требованию народа, то изменил бы своему долгу и повредил бы святому делу Италии».

19 августа войска Гарибальди высадились в Калабрии и начали свое триумфальное шествие к Неаполю. В начале сентября столица Бурбонов пала. «Освободителями народа,— писал Гарибальди,— было занято еще теплое монархическое гнездо, и грубые сапоги пролетариев топтали роскошные королевские ковры».

Гарибальди был провозглашен диктатором обеих Сицилий и стал проводить в Неаполе демократические реформы. Однако плоды победы народной революции на итальянском юге очень скоро сумела прибрать к рукам сардинская монархия, которая направила в Неаполь войска, чтобы «покончить с эрой революции» и помешать освободительному походу гарибальдийских войск на Рим. Гарибальди сложил с себя диктаторские полномочия, а Южная Италия, где изданные им в интересах народа декреты были отменены, была присоединена к Сардинскому королевству. За пределами объединенной Италии оставались только Рим и Венеция. Дело Рисорджименто близилось к завершению, а человек, который возглавил революционные войска и с оружием в руках внес решающий вклад в создание единого итальянского государства, снова вынужден был удалиться на остров Капрера. «...Он с горстью людей победил армию, освободил целую страну и был отпущен из нее, как отпускают ямщика, когда он довез до станции»,— с горькой иронией писал Герцен об отношении сардинской монархии к народному герою Италии.

В марте 1861 года состоялось провозглашение единого итальянского государства — Итальянского королевства во главе с монархом Виктором Эммануилом II. Но капрерский отшельник не мог примириться с тем, что Рим и Венеция были исключены из него. Летом 1862 года он высадился в Марсале и с кличем «Рим или смерть» двинулся на оплот папского престола вопреки противодействию Виктора Эммануила и его правительства. К Гарибальди со всех концов Италии стекались патриоты, горевшие желанием довести до конца дело Рисорджименто. Но королевская армия получила приказ подавить «мятеж». В Калабрии у горы Аспромонте солдаты Виктора Эммануила атаковали волонтеров Гарибальди. Поход был сорван, а Гарибальди получил два серьезных ранения и был брошен в застенок. Ранения оказались настолько серьезными, что ему угрожала ампутация ноги. Героя Италии спас от инвалидности знаменитый русский хирург Н. И. Пирогов, приглашенный в Италию.

Под давлением народного движения Гарибальди после четырехмесячного заключения в крепости был освобожден и снова поселился на Капрере. Последние военные подвиги Гарибальди совершил на французской земле, когда он предложил свои услуги республиканскому правительству Франции, одержав ряд блистательных побед над прусскими войсками.

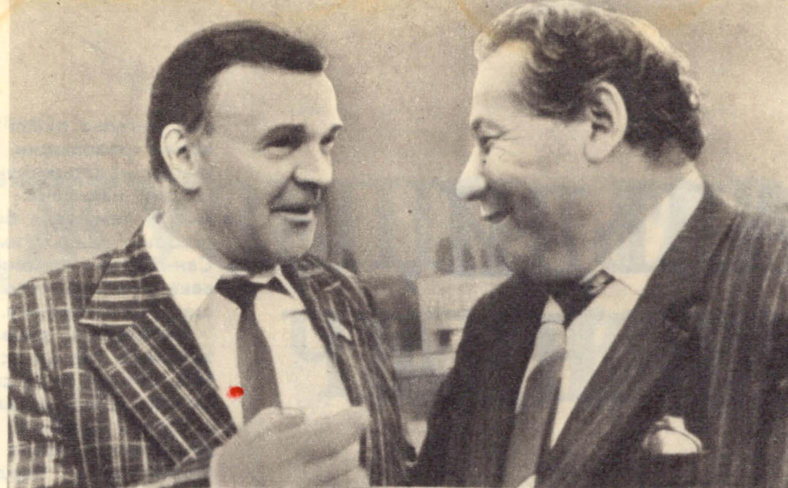
Популярность Гарибальди была огромной во всем мире. В его лице, писал Ф. Энгельс, «Италия имела героя античного склада, способного творить чудеса и творившего чудеса». В. И. Ленин считал Гарибальди великим буржуазным революционером.

Передовая, демократическая, революционная Россия с горячим участием следила за развитием итальянского освободительного движения, восхищалась героизмом гарибальдийцев и высоким полководческим искусством их легендарного народного генерала. «Дивная энергия, выказанная волонтерами Гарибальди, была выражением народных сил Италии»,— писал выдающийся русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский.

В свою очередь, Гарибальди с глубокой симпатией относился к России, верил в ее великую будущность, был связан дружескими узами с Герценом и другими передовыми русскими людьми. В рядах гарибальдийцев сражались десятки русских людей, среди которых был известный ученый и общественный деятель Л. И. Мечников.

А. И. Герцен, когда в 1864 году его навестил в Лондоне Гарибальди, обращал к нему такие слова: «Мне ваше посещение бесконечно дорого и теперь больше, чем когда-нибудь, в эту черную полосу для России ваше посещение будет иметь особое значение, вы посетите не одного меня, но друзей наших, заточенных в тюрьмы, сосланных на каторгу». Взволнованный встречей со своим старым другом, которого он называл «великим русским революционером», Гарибальди в тот памятный день поднял тост за Россию, «которая страдает и борется, как и мы, и победит, как мы, за новый народ, который, освободившись и одолев Россию царскую, очевидно призван играть великую роль в судьбах Европы».

РОССИЯ ВСТРЕЧАЕТСЯ С КАЗАХСТАНОМ

Писатели Ю. Бондарев и К. Мухамеджанов. Телефото Е. Шлея (ТАСС)

Дни культуры России в Казахской республике прошли с той же искренностью и теплотой, с теми же добрыми сердечными чувствами, какими были ознаменованы нынешней весной и Дни культуры Казахстана в России.

Это поистине широкий братский обмен духовными ценностями — и теми, какие связаны с традициями, какие накоплены обоими народами с незапамятных времен, и, конечно, теми, главным образом, что созидают сегодня советские люди, устремленные к прекрасному. Творческая атмосфера этих дней поистине была насыщена обоюдной сердечностью и взаимопониманием.

Посланцев литературы и искусства Российской Федерации встретили на земле Казахстана приветливо и дружелюбно, с той живой заинтересованностью, какая уже сама по себе глубоко символична. Ведь двести пятьдесят лет длятся эти связи, длится эта неразрывная дружба двух народов. Дружба настоящая, подтвержденная самой жизнью...

Невозможно перечислить все то, что привезли в Казахстан из РСФСР художники, композиторы, режиссеры и актеры театра, музыки, балета, кино... Все виды и жанры творчества щедро раскрылись перед зрителями и слушателями не только в Алма-Ате, но во многих городах республики и в районных центрах.

Встречи, концерты, обмен мнениями после просмотров позволили глубже выявить и точнее установить общенародную ценность тех произведений литературы и искусства России, которые прошли своеобразный смотр на земле казахской.

Полноправными участниками этого смотра, этих обоюдоинтересных и полезных встреч стали не только русские писатели и поэты, но стала и сама книга. Достаточно сказать, что все издательства Советской России, в том числе национальные, представили на выставку в Алма-Ате свою разнообразную продукцию: книги и альбомы, отвечающие всем читательским запросам и всем читательским возрастам, от мала до велика.

КИНО

БОЛЬ, ЛЮБОВЬ...

— Ничего нет на свете выше любви, — говорит режиссер фильма «Полынь — трава горькая» Алексей Салтыков...

Во всех кинолентах, им созданных, а он поставил такие картины, как «Председатель», «Директор», «Бабье царство», «Емельян Пугачев», всегда есть любовь и ревность; всегда есть непростые, как непроста сама жизнь, отношения людей, их боль и горе; но всегда и непременно — любовь, которую дарует сильное женское сердце, смелая душа.

Кадр из фильма.

На сей раз любовь и боль не просто присутствуют в картине, только что выпущенной «Мосфильмом» на экраны страны. Любовь и боль, трагически сплетенные воедино, неразрывные, определяют и содержание фильма и его настрой — как стилистику, так и звучание. Причем звучание картины, именно трагически мощное, волнующее звучание, возникает еще до того, как появятся на экране грозные кадры минувшей войны. Это музыка Александры Пахмутовой, именно ее сила,— ее скорбная напевность, мелодичность. Она дает фильму отнюдь не только необходимый ему впечатляющий «фон» — она опять-таки выражает любовь и боль людей, встретивших друг друга и на свое счастье и на свою беду...

Маша, чудом спасшаяся из фашистского концлагеря, и русский солдат Трофим, из этого ада несчастную, обезумевшую девушку выручивший — герои фильма — проживут на наших глазах свою нелегкую, более того, мучительную жизнь. В родной деревне Трофима (Александр Казаков), куда привез он несчастную Машу, потерявшую рассудок, далеко не все примут ее в свое сердце. Да и ревность к чужачке, обида за Трофима тоже даст себя знать: люди-то все разные, и жизнь у всех поразному складывается; много еще вокруг горя, лишений, утрат, обид...

Но как же сложно и насыщенно, богато чувством, переживанием, мучительной правдой отношений и всей вообще человеческой жизни, сложившейся так нелегко, строит от начала до конца роль Маши актриса Ольга Прохорова (и, конечно, режиссер А. Салтыков).

Маша — образ центральный. И в картине, и в сценарии (автор М. Варфоломеев) Маша — страдалица. У Прохоровой же образ насыщен, как ни странно, еще и удивительной силой, красотой души. Истинность и правда, доброта этой раненой, оскорбленной, вроде бы непоправимо надломленной натуры, которую может излечить, вернуть к жизни только любовь, — все это здесь живет. Эта жестоко оскорбленная, раненая душа несет в себе затаенную способность к возрождению... Любовь как бы сама лечит, утешает, дает Маше силу жить, видеть вокруг себя не только горячечные, страшно искривленные фантомы — порождение боли и безумия, — а светлую, пусть еще трудную послевоенную реальность, хороших людей...

Впрочем, может статься, Маша полюбила своего защитника и спасителя Трофима себе опять же на беду. Маша не помнит прошлого, совсем не знает себя самое; ей неведомо, что она — генеральская дочь. Но генерал нашел и увез из деревни Машу. Надо лечить несчастную девушку, дать ей покой, вообще изменить в корне эту судьбу.

Но ни Маша, ни Трофим не могут жить друг без друга.

В финале любящим, кажется, еще дарована возможность встретиться, найтись, обрести утраченную было надежду на счастье, так им необходимое. И так ими обоими выстраданное.

Но кто знает, чем все кончится. Зыбкими, словно надбытовыми представлены зрителю финальные кадры над рекой...

Тянется к Маше Трофим. И, не помня себя, бежит, бежит навстречу любимому сияющая, задыхающаяся Маша... Но есть в кадрах этой встречи нечто загадочное. Словно добрый сон им обоим снится... А в реальной жизни все может кончиться и проще и страшней.

Картина — незаурядная, сложно, временами, быть может, даже слишком сложно построенная,— оставляет зрителя задумавшимся, неравнодушным... Картина ведь рассказывает не только о прошлом. В ней широко предстает сама народная жизнь — ее боль, ее любовь. И еще многие другие ее краски...

Н. ПАВЛОВА.

Фото В. Якушева

ИТОГ «НЕПОДСУДНОГО ДЕЛА»

«Неподсудное дело» — так назывался очерк, опубликованный в «Огоньке» (№ 16). Речь шла о непростой семейной ситуации. В редакцию журнала пришло много читательских откликов. Мы благодарим всех, написавших нам. Отклики разные: и по настроению и по содержанию,— порой одно мнение совершенно исключает другое. Вначале редакция предполагала дать обзор писем. Но получилось так, что жизнь внесла поправки, а точки над «i» расставила по-своему. Расставила она их вот каким образом...

* * *

Первым после публикации очерка позвонил один из его героев, Александр Александрович, сын Александра Васильевича...

— Я хотел сказать спасибо, что вы не назвали фамилии, сами понимаете... А что о доброте... Трудно мне сейчас говорить, перешагнуть надо. Понимаете?

Мне кажется, что я его понимал. Ведь не просто человеку отказаться от взгляда, которого он придерживался немало лет. И действительно требуются силы, чтобы перешагнуть через застарелую обиду, давно поселившуюся в душе. Это только написать просто, а в жизни, в реальной, простой жизни все намного сложней и трудней. Я представляю, чего это стоило младшему Александру, но он все-таки перешагнул через барьер. И привел своих детей в гости к деду.

Вместе с ребятишками поднялся на нужный этаж, нажал кнопку звонка, но когда за дверями послышались торопливые шаги, оставил мальчишек на площадке, а сам спустился вниз. И там, сидя на лавочке у подъезда, дожидался их.

Так они приходили два раза. На третий раз младший Александр вошел в квартиру к отцу. Не сразу и не просто ему все это далось, тем более что Ольга сначала отказывалась понимать брата. Но так уж случилось, что последний груз на весы, которые еще покачивались, решая «за» и «против», положили дети. Они приняли деда безоговорочно, и каждый раз поездка к нему становилась для них праздником. Оказывается, их дед может из обыкновенной доски сделать самый настоящий пистолет, стреляющий сушеным горохом, оказывается, он бывал в тайге и охотился на медведя и многое умеет и знает.

Первомайский праздник они встречали вместе, по-семейному, даже на минутку после демонстрации забежала Ольга.

А через некоторое время Александра Васильевича крепко прижала болезнь. Но она его не напугала, признался он мне потом, как это случалось раньше. Не было перед ним пустоты. На этот раз он принял болезнь спокойно, как неизбежность своего возраста. А внуки и сын помогли уменьшить острые боли без всяких лекарств. Александра Васильевича постоянно согревала мысль, что он еще кому-то нужен.

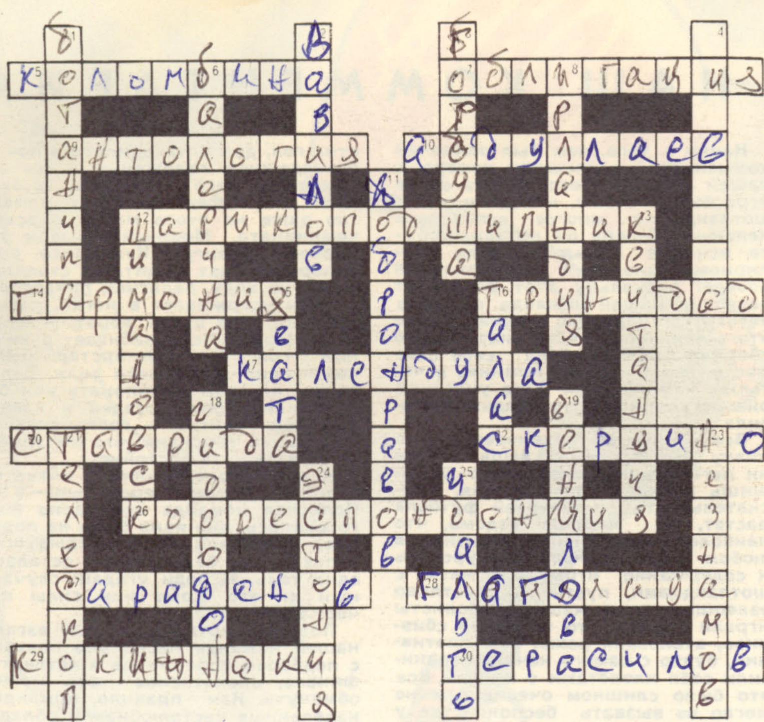
Недавно он звонил, приглашал на чай, говорил, что соберутся все вместе, Ольга тоже обещала прийти. Я поблагодарил за приглашение, но принять его не смог: были другие неотложные дела. А потом подумалось: к лучшему. Там собрались родные, у них свои семейные разговоры, а посторонние, чужие люди не всегда нужны в такие минуты.

Пора ставить точку. Но, прежде чем поставить ее, хочу ответить на вопрос, который непременно, я уверен в этом, зададут некоторые читатели. Они спросят: «Так что же хотел показать нам автор, рассказывая эту историю? Значит, в молодости можно делать грехи, надеясь, что в старости их спишут?» За свою ошибку Александр Васильевич заплатил. По самому большому счету. А все остальное решила сама жизнь. Она иногда бывает мудрей и добрее нас.

Михаил ЩУКИН, собкор «Огонька»

Новосибирск.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Персонаж итальянской комедии масок. 7. Ценная бумага. 9. Собрание литературно-художественных произведений разных авторов. 10. Живописец и график, народный художник СССР. 12. Вид опоры вала, вращающейся оси. 14. Стройность, благозвучие в музыке. 16. Остров в Вест-Индии. 17. Лекарственное растение. 20. Промысловая морская рыба. 22. Небольшая музыкальная пьеса стремительного темпа. 26. Оперативный жанр журналистики. 27. Советский летчик-космонавт. 28. Древняя славянская азбука. 29. Летчик-испытатель, дважды Герой Советского Союза. 30. Советский антрополог, археолог и скульптор.

По вертикали: 1. Наука о растениях. 2. Советский физик, академик, первый председатель общества «Знание». 3. Лососевая рыба. 4. Поэма М. Ю. Лермонтова. 6. Артистка, танцовщица. 8. Государство в северной части Атлантического океана. 11. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе. 12. Город в Амурской области. 13. Официальная расписка. 15. Город в Японии на острове Кюсю. 16. Река в Киргизии и Казахстане. 18. Приемник звука в воде. 19. Народный писатель Литвы. 21. Астрономический инструмент. 23. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 24. Союзная советская республика. 25. Национальный герой Мексики в войне за независимость.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 5. Собинов. 6. Пломбир. 8. Бараташвили. 10. «Муму». 11. Лира. 12. Гардина. 15. Просека. 16. Крючков. 17. «Айвенго». 20. Верстак. 21. Алатырь. 22. Агрегат. 25. Шари. 26. Опал. 27. Кондиционер. 30. Артикул. 31. Кинешма.

По вертикали: 1. Диорама. 2. Малявин. 3. Зима. 4. Ямал. 5. Сабуров. 7. Рубрика. 8. «Буревестник». 9. Иллюминатор. 12. Гагарка. 13. Деление. 14. Акробат. 18. Ярмарка. 19. Пыжатка. 23. Гудаута. 24. Афоризм. 28. Осип. 29. Елец.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Опытные поля Ставропольского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Научный сотрудник Н. М. Коваленко изучает устойчивость к болезням селекционного материала люцерны * Лаборатория физиологии и биохимии растений. Лаборант А. С. Ильина определяет водоудерживающую способность листьев * Экспонаты Селекционного центра — сорго, тритикале.
(См. в номере материал «Земля просит помощи»).

Фото И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: К 100-летию со дня рождения Янки Купалы. Вязынка. В этом доме родился поэт * Рабочий кабинет Я. Купалы в доме-музее в Минске * Минск. Фонтан Купалинки в парке Я. Купалы * Вязынка. Внутренний вид дома * Памятник Я. Купале в Минске * Вязынка. Пейзаж возле усадьбы Я. Купалы.
(См. в номере материал «Дядька Янка»).

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 14.06.82. Подписано к печати 29.06.82. А 00383. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1574. Заказ № 2561.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

СПАСИБО ФУТБОЛУ

Константин Бесков не раз ставил в тупик своих соперников, сидящих по другую сторону шахматной доски современного футбола, и сегодня никто бы не удивился, если бы он после окончания предварительных игр увез свою команду на целую неделю в Москву, чтобы в обстановке родных стен дать футболистам хороший отдых и подработать те технические и тактические новинки, которые он собирается использовать во второй фазе.

Надо сказать, что такая мысль у Бескова была, но он от нее отказался. Советские футболисты уже акклиматизировались в Испании, и было решено, что неделю команда СССР проведет в Испании, в Эстепоне, а атмосферу дома футболистам создадут жены, приехавшие в Испанию и бесконечно счастливые тем, что их мужьям удалось преодолеть шотландский барьер, и тем, что руководство советской команды впервые в этот вечер разрешило им сесть в автобус, отменив беспрекословное табу.

— Мы знали, что Шотландия будет трудным орешком,— сказал нам сразу после игры Бесков.— В команде не было для нас загадок, однако тренер шотландцев Джон Стин сумел все же преподнести один сюрприз: он перебросил на правый край Робертсона и создал мощный тандем.

К. И. Бесков считает, что команды Польши и Бельгии, с которыми предстоит встретиться советским футболистам, достойны бороться за первое место.

— Игра с Шотландией сложилась труднее, чем мы планировали, из-за того, что мы дали фору в виде гола, пропущенного в результате ошибки защиты. Но мы нашли силы отквитать этот гол и вырваться вперед.

Вячеслав Колосков, вице-президент ФИФА и начальник управления футбола Спорткомитета СССР, дал нам возможность взглянуть на механизм команды СССР изнутри.

— Все мы знали, что главной игрой, решающей для нас проблему выхода во вторую фазу, будет игра с Шотландией, и поэтому тренеры готовили игроков именно к этой игре. Главной задачей было снять психологический пресс, давивший на игроков. Матч с Бразилией, которому было отдано так много сил, создал гнетущий психологический пресс, от которого команда так и не освободилась до самой встречи с Шотландией. А ход встречи еще и увеличил психические давления на команду и каждого игрока. Отсюда — обилие технических ошибок, которыми грешила команда. Но надо отдать должное игрокам. Они старались, выдержали мощный натиск шотландцев и выполнили свою задачу.

Очень помогает игре сборной СССР и отношение к ней испанских болельщиков, которое из настороженного и безразличного на старте чемпионата стало теперь благожелательным.

После матча с Шотландией мы зашли в ресторан «7 дверей» в приморском городе Марбелья уже поздно ночью.

Официант был вежлив и внимателен, как дипломат. Он ловко разделывал поджаренную рыбу, к которой порекомендовал бутылку каталонского белого. Мы выразили восхищение, заметив, что каждый профессионал делает свое дело с высокой степенью артистизма, сказали, что мы советские журналисты и только что приехали из Эстепоны, где живут советские футболисты.

— Как чувствуют себя ваши ребята?

— Прекрасно, хотя они, конечно, огорчены поражением от Бразилии. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

— Пожалуйста. Только ни слова о политике. О политике я с вами говорить не буду. Будем говорить только о футболе.

— За кого вы болеете? Кто победит в чемпионате? Как вы относитесь к советской команде?

— Болею, конечно, за Испанию. Но не верю, что она победит. Я сам играл в футбол и разбираюсь в этом деле. Чемпионами будут бразильцы. В их игре с русскими они показали футбол, какого здесь еще не видели. Но только таким футболом, какой мы увидели во втором тайме, можно было вырвать победу у советской команды. Играть так с бразильцами, как играла ваша команда сегодня, пока не умеет никто.

Так мы познакомились с Доном Пако. А через пять минут — с его братом, который работает здесь поваром, а еще через пять минут за нашим столиком сидела добрая дюжина людей, и мы едва успевали отвечать на их вопросы, которыми они штурмовали нас, как форварды футбольные ворота.

— Скажите, что происходит в Афганистане? Как вы относитесь к конфликту на Мальвинах? Как расцениваете события в Польше?

Теперь уже мы напоминали им, что мы не собирались говорить о политике, но получалось так, что стоило лишь назвать какую-то страну, участвующую в чемпионате, как наши собеседники тут же переводили разговор на политику.

Да, они согласны, что мятежники в Афганистане — это наемники, получающие за свою подлую работу доллары США. Да, это Англия развязала войну в Атлантике и страшно торопилась выиграть ее до возможной встречи английских и аргентинских футболистов в Испании.

— Давайте говорить о футболе,— просили мы наших хозяев.

— Да, политика — это не футбол,— соглашаются все и опять начинают говорить об американских базах, о НАТО, о маневрах.

— Однако футбол делает доброе дело и хорошую погоду в политике,— замечает Дон Пако.— Спасибо футболу, это с его помощью мы полюбили русских ребят, а значит, и их страну. Мы немного больше узнали о ней и верим, что она прекрасна. Пожалуй, я предложу хозяину изменить название ресторана,— пошутил он.— Пусть это будет ресторан «7 футбольных ворот».

Вот так думают о футболе и политике простые люди в испанском городе Марбелья.

Борис Королев,
Алгис Чекуолис,
спец. корреспонденты АПН

Марбелья — Барселона.

223-89-13 295-49-77

А. Чивадзе забивает гол в ворота шотландцев.

НАШ КОММЕНТАРИЙ

Начну с того, чем был закончен комментарий в прошлом номере: с нашей сборной. Тогда отзыв об ее игре был отложен, ибо до матча с шотландцами многое оставалось неясным. Теперь он позади, добыта искомая ничья (2 : 2), по турнирному значению равнозначная победе, поскольку этот результат позволил нашей команде выйти в четвертьфинальную стадию. После этого появилось право сказать, что сборная СССР вернула себе свое место, ведь, как мы помним, в четырех чемпионатах с ее участием она регулярно в эту стадию выходила.

Все словно бы развивается по плану. Но, странная вещь, с кем ни поговоришь, обязательно услышишь нотки неудовольствия. Взыскательность любителей футбола растет, им хорошо ведомо, что наиболее надежной гарантией в любом турнире является уровень и содержание игры. А в матче с шотландцами, пусть и счастливо завершившемся, наши футболисты играли неровно, то четко, то сбивчиво, атаковали реже, чем противник, будто с самого начала ограничили себя хлопотами о ничьей. Все это было слишком очевидно и не могло не вызвать беспокойства у друзей команды. Тем более, что к нашим услугам большой выбор примеров для сравнения. Это, во-первых, активная и складная игра самой нашей сборной прошлой осенью в отборочных матчах и, во-вторых, совсем иная, более твердая и определенная линия поведения команд Польши, Бельгии, Франции, Северной Ирландии, оказавшихся в аналогичных обстоятельствах в последних встречах групповых турниров.

Четвертьфинальная стадия нынче своеобразна: мини-турниры трех команд. Нашей сборной противостоят футболисты Польши и Бельгии. Соперники, прямо скажем, неожиданные, предварительные прогнозы твердо обещали встречу с Аргентиной. Но на этом чемпионате многое противоречит тому, что само собой подразумевалось до его начала: кто мог предвидеть, например, что пересекутся так рано дороги Бразилии и Аргентины, ФРГ, Англии и Испании, что Северная Ирландия вытеснит Югославию?!

Сборная Польши в двух своих первых матчах, с Италией и Камеруном, закончившихся вничью, большого впечатления не оставила. А во встрече с Перу, где все решалось, блеснула, наконец, яркой наступательной игрой, забила пять мячей, обнаружила, что ей присуща высокая скорость, что она, ведомая большими мастерами Лято и Бонеком, способна проводить изящные, острые комбинации, что ее игроки уверенно ведут обстрел ворот. Нельзя было не вспомнить и того, что польская команда очень неплохо себя зарекомендовала на предыдущих чемпионатах в ФРГ и Аргентине.

Бельгийцы уже в дебюте, в матче открытия, когда они победили чемпионов мира, привлекли к себе внимание слаженностью игры, превосходной обороной, тонким пониманием каждого командного маневра. В сверхответственной встрече с венграми, которым была необходима победа, они, пропустив гол, долго находились в почти безнадежном положении, и все же сумели из него выскочить. То был один из эффективнейших моментов даже не этого матча, а всего чемпионата. Мощный рывок по правому флангу Кулеманса, ему наперерез идет защитник, столкновение на ходу, бельгиец приседает, но мяч удерживает в ногах, потом посылает его вдоль ворот, и форвард Чернятински забивает в нижний угол. Тут мастерство было помножено на всплеск воли. Бельгийцы на этом чемпионате как бы заменили своих соседей и извечных конкурентов — голландцев. И не лишено вероятия, что им хочется их заменить достойно.

И вот в понедельник в матче со сборной Польши проигрыш — 0 : 3. Польская команда прекрасно подготовилась, она явно была на подъеме, развивала свой предыдущий успех, а от бельгийской осталась одна тень. И поди угадай: случайный ли это срыв или силы исчерпаны?

Поэтому, хотя на первый взгляд нашей команде несколько повезло с подбором соперников в четвертьфинале, впечатление это может обмануть. Как правило, команды, наделенные честолюбием и обладающие турнирным опытом (сборные Польши и Бельгии из этого числа), в ходе больших турниров свои усилия наращивают. Если и до этого нашей сборной пришлось пройти труднейшие испытания, то дальше они станут еще сложнее.

Всего 15—20 минут сыграла в полную силу команда ФРГ против австрийцев. Это был впечатляющий отрезок, позволивший зрителям оценить возможности команды, которую продолжают рассматривать как вероятного участника последнего, финального матча. И мощь, и разум, и динамика были проявлены чемпионами Европы в эти минуты в полной мере. Потом они забили гол. И матч кончился, остановился, потому что при этом счете обе команды выходили в четвертьфинал. Отказавшись от риска и от игры, обе они дружно катали мяч по полю. Зрелище не из красивых.

Сборная Испании подтверждает наши первые впечатления. Уж очень ей хотелось победить команду Северной Ирландии, чтобы не оказаться потом в одной компании с ФРГ и Англией. Не удалось, хотя их соперники почти весь второй тайм играли вдесятером, один из них был удален с поля. Сборная Северной Ирландии явила нам пример хладнокровия в варианте, называемом игрой на чужом поле, а испанцы, пылко мечтая забить и горячась, потеряли элементарную согласованность и прозаично проиграли 0 : 1.

Не поддающейся хоть какой-либо критике остается сборная Бразилии. Уж, кажется, в ничего не значащей игре с командой Новой Зеландии, явным аутсайдером, могла она проявить слабинку. Нет, она и тут осталась сама собой и снова восхитила всех. И не только искусством своей игры, а еще и верностью ей, умением превращать каждый матч в удовольствие. Вот уж кто играет с чистой душой, так это бразильцы!

Л. ФИЛАТОВ

Лидер аргентинцев — Марадона.

Телефото АП — ТАСС

Бразилец Сержиньо.

Лучший нападающий ФРГ К.Х.Румменигге.

ПОЗОР!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Захватчики
Творят разбой в Ливане —
Горит земля,
Гремит за взрывом взрыв:
На геноциде,
Варварстве, обмане
Политику построил
Тель-Авив.

ПОЗОР
Кровавым бандам сионистов,
Что развязали
Массовый террор.
Духовным продолжателям
Фашистов,
Израильским агрессорам —
ПОЗОР!

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп
Индекс 70663

